

ISSN 2587-7844

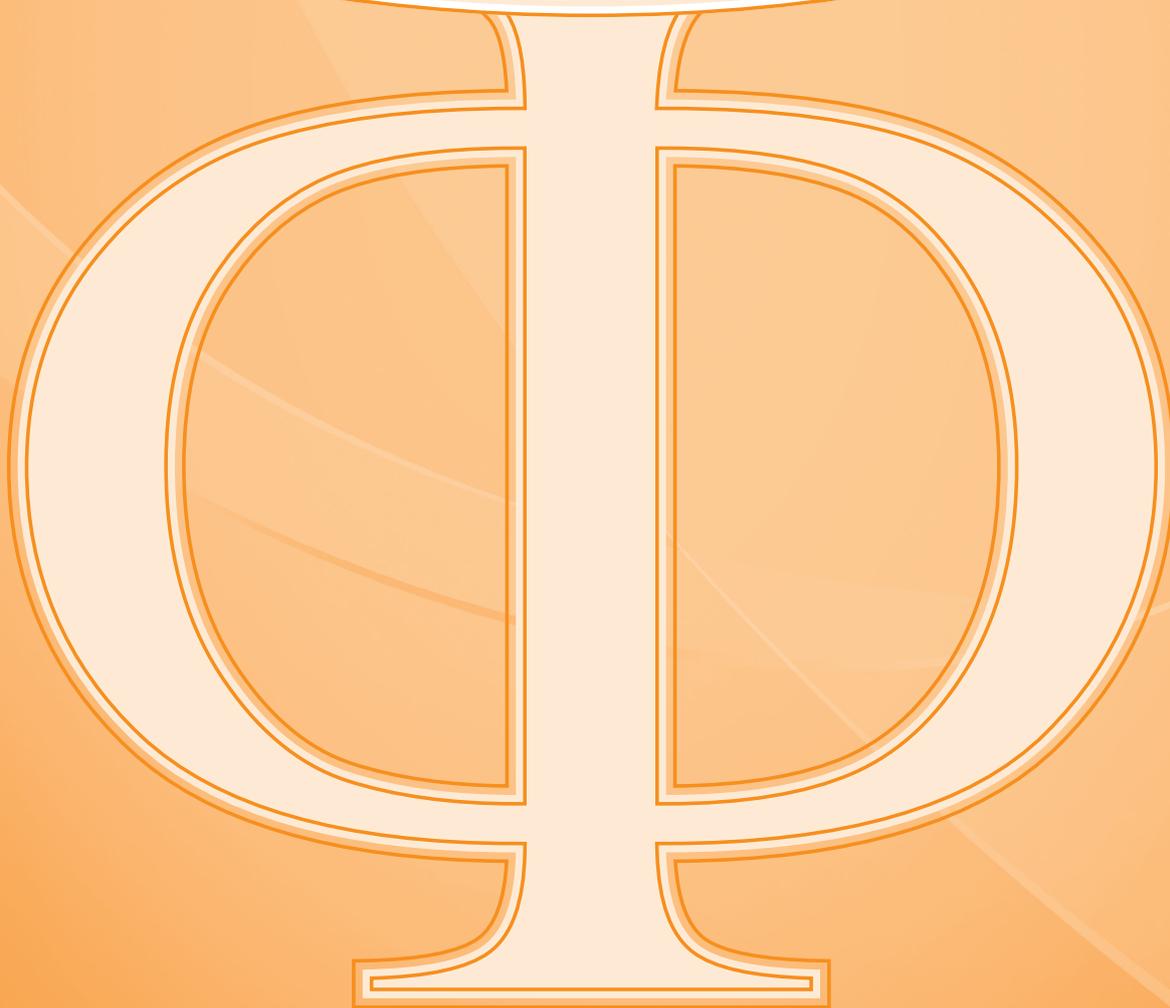
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2025. № 1 (30)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикаций SciUp

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ SIBERIAN PHILOLOGICAL FORUM

Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev 2025. № 1 (30)

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Y., DSc (Philology), Professor, University of Zagreb (Croatia)

Доценко Е.Г., доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)
Dotsenko E.G., DSc (Philology), Professor, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Нургали Кадиша Рустембеккызы, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali K.R., DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Пикколо Лаура, профессор, Университет Рома Тре (Италия)
Piccolo L., Professor, Roma Tre University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Сейбель Н.Э., доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск)
Seibel N.E., DSc (Philology), Professor, South Ural State University of Humanities and Education (Chelyabinsk, Russia)

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD (Philology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Тышковска-Каспршак Эльжбета, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Tyszkowska-Kasprzak E., DSc (Philology), Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., DSc (Philology), Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Черняк М.А., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Chernyak M.A., DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Чугунекова А.Н., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
Chugunekova A.N., DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Sayano-Altai Turkology, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia)

Шалимова Н.С., доктор филологических наук, Московский городской педагогический университет
Shalimova N.S., DSc (Philology), Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., DSc (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык в историческом аспекте

Т.В. Михайлова, А.В. Михайлов
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ «УДИВЛЯТЬСЯ»
И «ДИВИТЬСЯ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ
ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАНТИКИ
T.V. Mikhaylova, A.V. Mikhaylov
EMOTIONAL PREDICATES 'UDIVLYATI(S'A)'
AND 'DIVITI(S'A)' IN ANCIENT RUSSIAN TEXTS
OF POTESTAR SEMANTICS

[4]

А.Д. Экономова
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ
ОПИСНЫХ КНИГ НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ
XVII–XIX вв.
A.D. Ekonomova
LINGUISTIC CONTENT
OF THE 17th–19th CENTURY INVENTORY BOOKS
OF THE NIKOLO-KORELSKY MONASTERY

[15]

Актуальные проблемы языкознания

Д.Г. Демидов
СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ,
ЗАИМСТВОВАНИЯ И КАЛЬКИРОВАНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОЦЕНКА
D.G. Demidov
CORRELATION BETWEEN PROCESSES
OF WORD FORMATION, BORROWING
AND LOAN TRANSLATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE
AND THEIR EVALUATION

[28]

И.В. Архипова
ПРЕДЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА
КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ТАКСИСА
I.V. Arkhipova
PREPOSITIONAL DEVERBATIVES
OF THE ITALIAN LANGUAGE
AS A MEANS OF ACTUALIZATION OF TAXIS

[45]

Русский язык за рубежом

Р.Ш. Зайнулин
СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРИОД НЭПА В КИРГИЗСКОЙ АССР
R.Sh. Zaynulin
SPECIFICS OF THE LANGUAGE OF NEWSPAPER
ADVERTISING IN RUSSIAN DURING THE NEP PERIOD
IN THE KYRGYZ ASSR

[55]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Актуальные проблемы литературоведения

А.В. Александрова
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МИРА
В РОМАНЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «АНГЕЛ СМЕРТИ»
A.V. Aleksandrova
FEATURES OF PERCEPTION OF THE WORLD
IN I.V. ODOEVTSEVA'S NOVEL THE ANGEL OF DEATH

[71]

Л.В. Дубаков
ЛИТЕРАТУРНЫЕ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ
МИСТИФИКАЦИИ И БУДДИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ЭССЕИСТИКЕ В.Б. КОРОБОВА
L.V. Dubakov
LITERARY AND RELIGIOUS MYSTIFICATIONS
AND BUDDHIST PROBLEMS
IN THE ESSAYS OF V.B. KOROVOV

[84]

Слово молодым исследователям

А.И. Теплов
СРАВНЕНИЕ КОСМОЛОГИИ И ХРОНОТОПА
В «ОТБЛЕСКАХ ЭТЕРНЫ» В. КАМШИ
И «ПЕСНЕ ЛЬДА И ОГНЯ» ДЖ. МАРТИНА
A.I. Teplov
COMPARISON OF COSMOLOGY AND CHRONOTOPE
IN *REFLECTIONS OF ETERNA* BY V. KAMSHA
AND *A SONG OF ICE AND FIRE* BY J. MARTIN

[93]

В. Чжан
ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
ТЕМПОРАЛЬНОЙ АППРОКСИМАЦИИ
W. Zhang
LINGUISTIC WAYS OF EXPRESSING
TEMPORAL APPROXIMATION

[110]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[121]

УДК 801

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ «УДИВЛЯТЬСЯ» И «ДИВИТЬСЯ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАНТИКИ

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье, продолжающей тему публикации, осуществленной ранее в настоящем журнале, рассматриваются эмоциональные предикаты с семантикой удивления («удивляться» и «дивиться»).

Цель статьи состоит в анализе предикатов с эмоциональной семантикой, показывающих внутреннюю жизнь правителя и его врагов, в древнерусских текстах о власти, прежде всего в «Повести временных лет», в текстах «Повестей Смутного времени» и др.

Авторами произведен *обзор научной литературы* по проблеме. Этическая оценка субъектов древнерусской власти производится книжниками при помощи лексем удивляти(ся) и дивити(ся), именных предикатов на базе корня -див-. Охарактеризованы синтаксические отношения предикатов эмоционального плана.

В результате исследования получены выводы о технологиях выражения эмоциональной составляющей властных лиц Древней Руси, о взаимодействии предикативных блоков внутри высказывания. Авторами разработана собственная методика анализа лексики потестарных текстов, изучения потестарной области социального пространства Древней Руси. Суть ее состоит в выявлении соотношений синтаксической структуры высказываний с семантикой описываемых образов властителей.

Выводы. Эмоциональный предикат удивления имеет различные амбивалентные коннотации, связанные прежде всего с нарушениями обычных причинно-следственных связей.

Ключевые слова: древнерусские тексты, семантика властного пространства, образ властителя, оценочные предикаты, глаголы «удивляться» и «дивиться», конструкции с семантикой удивления.

Постановка проблемы. Как указывалось ранее авторами, эмотивная лексика связана с выражением различных ценностных систем, обыденных, «нормальных» для авторов древнерусских текстов или, напротив, специально конструированных, когда необходимо было развить определенный круг идей [Михайлова, Михайлов, 2024, с. 42].

Идеал, конструируемый книжниками Древней Руси, принимается теми, кто читал эти тексты, обладая общими ценностными установками в области властной тематики. Эмотивная семантика, как полагаем, способна через описание эмоциональных состояний субъектов власти выразить как внешнюю этическую оценку субъектов, так и через описание внутренних переживаний с некоей степенью гипостазировать актуальные состояния и предполагать динамику их эмоций.

Подобная экспликация оценочной семантики наблюдается и в Повести временных лет, и в последующих текстах вплоть до середины XVII в.

Цель статьи – описать оценочные высказывания в древнерусских текстах потестарной семантики, использующие эмоциональные предикаты с семантикой удивления.

Обзор научных исследований. Концепты удивления имеют свои особенности в диахроническом развитии, что объясняется их тесной связью с социальной перцепцией. Специфика реализации подобных эмоциональных концептов связана с ценностными представлениями о мире языковых носителей [Степанов, 1997].

По мнению исследователей, «нарушение вероятностного прогноза, лежащее в основе удивления, делает перспективным исследование его языковой объективации»¹, поскольку феномен удивления часто требует пояснения в тексте. Такие интерпретационные тексты, на наш взгляд, являются одним из способов конструирования нужного образа окружающего мира, в том числе и в области властных отношений.

Если предикаты радости и веселья в большей своей части создают положительную оценочность в древнерусском тексте, то предикаты удивления имеют амбивалентную оценочность, которая определяется интерпретацией автора текста.

Удивление как эмоциональное состояние, вызываемое странностью/необычностью, непонятностью и неожиданностью, объясняется несоответствием реальности и вероятностного прогноза. Обычные, предсказуемые для субъекта причинно-следственные связи между объектами действительности нарушаются и устанавливаются аномальные, вызывающие реакцию удивления.

В ряде исследований предлагаются различные способы описания функционирования эмотивов в тексте, например, основываясь на описании сценариев протекания эмоции² (также см. работу [Зализняк, 1992, с. 19]), использование понятия каузатора, стимула в трудах авторов [Кустова, 2005, Овсянникова, 2019].

Важно также и то, что предикаты эмоциональной оценки как ядро высказывания могут быть представлены в различных вариантах лексического наполнения и синтаксических конструкций [Вольф, 1989].

Результаты и обсуждение. Опираясь на данные работы, мы приходим к выводу, что семантическая структура высказывания, в которой представлен предикат удивления, состоит из следующих элементов: (1) событие-каузатор, или стимул, (2) эмоция как реакция на событие и (3) оценочная интерпретация. Конечно, в анализируемых текстах эта структура будет представлена в различных вариантивных моделях.

¹ Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 5.

² Сергеев А.И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках (на материале произведений Н.В. Гоголя и Э.Т.А. Гофмана): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский гос. обл. ун-т, 2004. 17 с.

Модель 1. Это полный вариант репрезентации элементов семантической структуры высказывания с предикатом удивлять: (1) событие – (2) реакция на событие (удивление) – (3) оценка (оценка-вывод или пояснение оснований оценки).

1. *Бе тогда царь имянем Цемьскии; и приде к нему Ольга, и (1) видѣвъ ю, добру сущу zelo лицемъ и смыслену, (2) удививься царь разуму ея, беседова к ней и рекъ ей: (3) «Подобна еси царствовати въ градъ с нами»³.*

В данном высказывании событие (приход Ольги к византийскому правителю) раскрывается через визуальный канал восприятия субъекта эмоционального высказывания. Третий элемент семантической структуры высказывания – «оценка» – представляет собой оценку-вывод, выраженную, как часто бывает в древнерусском тексте, словами самого персонажа в прямой речи.

В следующем примере в элементе (3) представлено обширное обоснование оценки.

2. (1) *А что послы твои черезъ обычей и черезъ опасную грамоту такъ безчестованы и в поиманье были, и (2) ты тому не дивися: (3) за твое неподобное дѣло над нашими послы терпѣти было не возможно, да и еще то не сровнялося с нашими послы – наши великие люди, а тѣ – страдники⁴.*

По нашим наблюдениям, в потестарных древнерусских текстах ситуация удивления чаще всего представлена в редуцированном варианте. Назовем эти варианты модель 2 и модель 3.

Модель 2. (1) событие – (2) реакция на событие (удивление) (см. далее).

3. *Как въсть та къ папѣ приидеть, что (1) онъ ихъ латынскую въру принялъ, и (2) имъ то все будетъ во удивленіе, и въ радости они всѣ о томъ станутъ веселитися и радоватися...⁵*

Событие в примере 3 эксплицировано в придаточной части предложения, занимающей позицию делибератива. Событие также может описываться через восприятие субъектов (предикаты *видети, слышати*), как в примерах 1 и 4.

4. (1) *Люди же слышаше сія [о другом лже-царе. – Т.М., А.М.], (2) во удивленіи быша и ужась⁶.*

³ Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Электронные текстовые данные СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. URL: интернет-портал Президентской библиотеки. Оригинал рукописной книги из фонда Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург: Лаврентьевская летопись. 1377 г. 173 л. Шифр: Ф.п.IV.2. <https://www.prlib.ru/item/342021>. Л. 17.

⁴ Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. С. 210.

⁵ Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 92–93.

⁶ Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 51.

Модель 3. (2) реакция на событие (удивление) – (3) оценка (оценка-вывод или пояснение оснований оценки). Например.

5. *Да о том (2) добръ дивится Петръ, волоский воевода, и говорит так: (3) «Великий государь, сильный царь благоговърный такия великия досады терпить от своего недруга от казанскаго царя»⁷.*

В примере 5 представлено оценочное обоснование (опять словами самого субъекта эмоционального предиката) ситуации удивления. «Аномальность» ситуации представлена приемом сопоставления двух правителей. Интересным является использование предиката удивления в императивных формах.

Императив и один из его семантических вариантов прохибитив (запрет) в свою семантику включают желание говорящего, лицо исполнителя (см. описание всех возможных лично-числовых комбинаций (Володин, Храковский, 1986) и контроль, понимаемый нами как «контроль говорящего над искомым действием» [Гусев, 2013, с. 25].

Предписывающий, нормативный элемент в структуре предиката удивления более ярко проявляется, объединяясь с императивной и прохибитивной семантикой, что позволяет древнерусским книжникам оказывать более интенсивное воздействие на восприятие обществом нужных идей.

Собственно императивная конструкция с предикатом удивления встречается довольно редко (ср., например, частотные употребления *радуйтесь и веселитесь*). Рассмотрим пример использования формы императива «совместного действия», т. е. императива в форме 1-го лица множественного числа.

Семантика этой формы «инклюзивна», что означает, что каузация императива направлена и на самого говорящего. Коммуникативная стратегия объединения автора и адресата важна при утверждении в обществе этических императивов. Именно поэтому в 6-м примере, построенном по модели 3, оценочное обоснование императива с предикатом удивления подробно и многословно.

6. (2) *Поревнуемъ и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску, (3) его же стояше къ западу, – како въ немъ наша же братія православныя христїане сидять, и великую всякую скорбь и тѣсноту терпятъ, и стоять крѣпциъ за православную вѣру и за святыя Божия церкви и за свои души и за всѣхъ за насъ, а общему нашему сопостату и врагу королю не покорятся и не здадутся⁸.*

Прохибитивные конструкции с предикатом удивления в форме 2-го лица множественного числа могут так же, как и в предыдущем случае, иметь коммуникативную задачу продвижения в обществе представляющихся автору важными

⁷ Сочинения Ивана Семеновича Пересветова... 2. Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 603.

⁸ Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 188–189.

этических принципов, в данном случае запретов. Автор Иного сказания, рассказывая о начале царствования Бориса Годунова, обращается к «своим».

7. О братіе любовніи! Не дивитися начинанію, но зрите, какво будетъ скончаніе⁹.

Следующие примеры – прохибитивы в форме 2-го лица единственного числа – это самые обычные императивы с негацией, когда адресат является и единственным исполнителем искомого действия. Данная форма обычно обозначает прямую каузацию [Гусев, 2013, с. 44].

В примере 2 (см. выше) автор Иван IV обращается к непосредственному адресату – шведскому королю, который предполагается и исполнителем искомого действия. Как видим, данный пример снабжен подробным обоснованием такой аномалии, как «бесчестование» послов с русской стороны, и почему шведский король не должен этому удивляться.

Как уже отмечалось, эмоция удивления связана с непонятными, странными, противоречащими обыденной логике явлениями, поэтому иногда в текстах с анализируемым предикатом появляется эффект «остранения» (по В. Шкловскому). Книжники включают в повествование точку зрения далеких субъектов – чужеземцев, как в примерах 1 (византийский царь «Цемьский» Цимисхий) и 5 («волоский воевода» Петр), либо неземных субъектов, как в последующих примерах.

В примере 8 Вассиан Рыло вдохновляет Ивана III подвигом его предка Дмитрия Донского, в примере 9 летописец прославляет убиенного князя Андрея Боголюбского, и при этом оба автора используют прием, хорошо известный в святоотеческой традиции, – выражают «небесную» ангельскую оценку.

8. Аггелы удиви и человекы возвесели своим мужеством...¹⁰.

9. Удивишася небеснии ангели, видяще кровь твою прольемую за Христа, рыдает же множество правоверных, зряще отца сирымъ и кормителя омраченымъ, звезду светоносную помрачаему¹¹.

Эмоциональный фон, сопровождающий ситуацию удивления, может быть связан с противоположными понятиями – от радости (пример 3) и до ужаса (пример 4). Ситуация удивления указывает на несоответствие представлениям об обычных жизненных отношениях и обстоятельствах и наблюдаемой субъектом

⁹ Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 16.

¹⁰ Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 528.

¹¹ Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Электронные текстовые данные СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. URL: интернет-портал Президентской библиотеки. Оригинал рукописной книги из фонда Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург: Лаврентьевская летопись. 1377 г. 173 л. Шифр: Ф.п.IV.2. <https://www.prlib.ru/item/342021>. Л. 24 об.

действительности. Чувства радости или ужаса в высказываниях способствуют увеличению интенсификации удивления субъекта. Видимо, поэтому в текстах присутствует определенное количество междометных, прилагательных, наречных лексем с корнем див-, выражающих оценочные и интенсифицирующие смыслы. Например.

10. *И премъгнишася тогда жилища человекская на звърская: дивіе бо, некроткое естество, медвѣди и волцы и лисицы и зайцы, на градская и на странная мѣста прешедше, тако же и птицы слетше на велицѣй пищи, на трупъ человеческомъ вселишася... И крыяхуся тогда человекци въ дебри непроходимыя...*¹².

Ср. междометие *дивъ* в словаре¹³.

11. *И в то время дивне нѣяко Богъ руку помощи подал отдохнути земль христианской образомъ симъ*¹⁴.

Ср. также с лексемами *диво* и *дивъ*, являющимися синонимами для слова *чудо*. В семантике этих слов присутствует семантический признак ‘аномальность’, т.е. несоответствие обычной, предсказуемой картине мира¹⁵. Именно такое несоответствие в древнерусском тексте описания чуда как дива часто сопровождается описанием благоговейного ужаса.

12. *Видѣхъ, рече, чудное виденіе и зѣло ужаса исполнено...*¹⁶.

13. *Азъ же ... воззрѣхъ ... чудное ужасное знаменіе...*¹⁷.

Эти примеры связаны с контекстами, описывающими пророческие «страшные» видения о пресечении династии и начале Смуты.

Как видим, предикаты удивления в древнерусских текстах не являются «эмоциональным нулем», «нейтральной» эмоцией, как это характерно для современного русского языка [Вотякова, 2015, с. 123]. Контексты с лексемами удивления и чуда (*чудо чудное, диво дивное, чудо дивное*), как и предикаты *удивляться, дивиться* в некоторых высказываниях, могут выражать чувство благоговейного удивления и одновременно ужаса.

¹² Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 511.

¹³ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1: А–Д. Стлб. 664.

¹⁴ История о Великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Спб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI в. С. 312.

¹⁵ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1: А–Д. Стлб. 663–664.

¹⁶ «Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовному» благовещенского протопопа Терентия // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). Спб.: Наука, 2006. Т. 14: конец XVI века – начало XVII века. Стлб. 178.

¹⁷ Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 255.

Об этом же пишет исследователь религиозного дискурса (текстов Нового Завета, творений Святых Отцов, молитв, псалмов и т.п.), которая как отдельный вид удивления выделяет «удивление-благоговение, являющееся источником веры и Богопознания»¹⁸.

Выводы. Таким образом, эмоциональный предикат удивления имеет различные амбивалентные коннотации, связанные прежде всего с нарушениями обычных причинно-следственных связей. Событие, служащее стимулом появления эмоции удивления, и оценка-вывод и оценочные пояснения, интерпретирующие причины появления эмоции удивления, конструируют необходимые книжникам этико-социальные смыслы в потестарных текстах.

Список источников

1. История о Великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI в. С. 310–479.
2. Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Электронные текстовые данные (СПб., Российская национальная библиотека, 2012). URL: интернет-портал Президентской библиотеки. Оригинал рукописной книги из фонда Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург: Лаврентьевская летопись. 1377 г. 173 л. Шифр: Ф.п.IV.2. <https://www.prlib.ru/item/342021>
3. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 187–218.
4. «Повѣсть о видѣнїи нѣкоему мужу духовному» благовещенского протопопа Терентия // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 2006. Т. 14: конец XVI в. – начало XVII века. С. 196–201.
5. Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 249–260.
6. Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 523–525.
7. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. С. 116–135.
8. Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 473–524.

¹⁸ Дорощеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 12.

9. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова... 2. Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 602–624.
10. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1: А–Д. 806 с.
11. Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 1–144.

Библиографический список

1. Вольф Е.М. Оценка и норма в модальных структурах // Риторика и синтаксические структуры. Красноярск, 1988. С. 52–56.
2. Вотякова И.А. О концепте удивления в русской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 120–124.
3. Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
4. Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния = Investigations in the semantics of inner state predicates. Мюнхен: Sagner, 1992. 201 с.
5. Кустова Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 53–79.
6. Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Эмоциональные предикаты «радоваться» и «веселиться» в древнерусских текстах потестарной семантики // Сибирский филологический форум. 2024. № 3. С. 42–53.
7. Овсянникова М.А. Синтаксическое кодирование экспериенциальных ситуаций в русском языке: сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 68–93.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
9. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 270 с.

Сведения об авторе

Татьяна Витальевна Михайлова – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева; e-mail: ta.rada@mail.ru

Алексей Валерианович Михайлов – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева; e-mail: avm_2006_64@mail.ru

EMOTIONAL PREDICATES 'UDIVLYATI(S'A)' AND 'DIVITI(S'A)' IN ANCIENT RUSSIAN TEXTS OF POTESTAR SEMANTICS

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article, which continues the theme of the publication carried out earlier in this journal, examines emotional predicates with the semantics of surprise ('udivlatsa' and 'divitsa').

The purpose of the article is to analyze predicates with emotional semantics showing the inner life of the ruler and his enemies in ancient Russian texts about power, primarily in the *Tale of Bygone Years*, in the texts of *Tales of the Time of Troubles*, etc.

The authors have reviewed the *scientific literature* on the problem. The ethical assessment of the subjects of ancient Russian power is carried out by scribes using the lexemes *udivlyati(s'a)* and *diviti(s'a)*, nominal predicates based on the root -div-. The syntactic relations of predicates of the emotional plane are characterized.

As a result of the study, conclusions were drawn about the technologies of expressing the emotional component of the authorities of Ancient Russia, about the interaction of predicative blocks within the utterance. The authors have developed their own methodology for analyzing the vocabulary of potestar texts, studying the potestar area of the social space of Ancient Russia. Its essence consists in identifying the relationships between the syntactic structure of statements and the semantics of the described images of the rulers.

Conclusions. The emotional predicate of surprise has various ambivalent connotations, primarily related to violations of the usual causal relationships.

Keywords: *ancient Russian texts, imperious space semantics, ruler image, evaluative predicates, verbs udivlyati(s'a) and diviti(s'a), constructions with the semantics of surprise.*

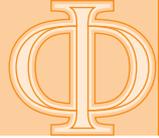
Sources

1. "A reminder of the appearance of a spiritual man" by the Annunciation Protopope Terenty // Library of Literature of Ancient Russia / RAS. Inst. Rus. lit. (Pushkin House). St. Petersburg: Nauka, 2006. Vol. 14: the end of the XVI century – the beginning of the XVII century. Pp. 196–201.
2. A new story about the glorious Russian Kingdom and the great state of Moscow // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodova, 1891. Stlb. 187–218.
3. Laurentian Chronicle: [digital copy]. Electronic text data. (St. Petersburg: Russian National Library, 2012). Access mode: the Internet portal of the Presidential Library. The original handwritten book from the collection of the Russian National Library, St. Petersburg: Laurentian Chronicle. 1377, 173 l. Cipher: F.P.IV.2. <https://www.prilib.ru/item/342021> (access date: 05.09.2024).

4. Message to the Ugra by Vassian Rylo // Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XV century. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1982. Pp. 523–525.
5. Sreznevsky I.I. Dictionary of the Old Russian language. M.: Book, 1989. Vol. 1. Part 1: A-D. 806 p.
6. The lament of the capture and ruin of the Moscow State // Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 219–234.
7. The Legend of the siege of the Trinity-Sergius Monastery of Avraamiy Palitsyn... // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 473–524.
8. The message to the Swedish King Juhan III in 1573 // Library of literature of ancient Russia / RAS. In-t Rus. lit. (Pushkin House). St. Petersburg: Nauka, 2001. Vol. 11: XVI century. Pp. 116–135.
9. The so-called Other legend // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 1–144.
10. The story of a certain battle against Great Russia // Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 249–260.
11. The story of the Grand Duke of Moscow // Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 11: XVI century. St. Petersburg: Nauka, 2001. Pp. 310–479.
12. The works of Ivan Semenovich Peresvetov... 2. Bolshaya chelo-bitnaya Peresvetova // Monuments of literature of Ancient Russia: the end of the XV – the first half of the XVI century. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1984. Pp. 602–624.

References

1. Gusev V.Y. Typology of the imperative. M.: Languages of Slavic culture, 2013. 336 p.
2. Khrakovsky V.S., Volodin A.P. Semantics and typology of the imperative. Russian imperative. L.: Nauka, 1986. 270 p.
3. Kustova G.I. On the semantic potential of words belonging to energetic and experiential sphere // Voprosy Jazykoznanija. 2005. No. 3. Pp. 53–79.
4. Mikhaylova T.V., Mikhaylov A.V. Emotional predicates ‘rejoice’ and ‘have fun’ in ancient russian texts of potestar semantics // Siberian Philological Forum. 2024. No. 3. Pp. 42–53.
5. Ovsyannikova M.A. Syntactic coding of experimental situations in the Russian language: comparison of groups of verbs of perception, thinking and emotions // Questions of linguistics. 2019. No. 6. Pp. 68–93.

6. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience. Moscow: School of "Languages of Russian culture", 1997. 824 p.
7. Votyakova I.A. On the concept of surprise in the Russian language picture of the world // Bulletin of the Udmurt University. History and philology. 2015. Vol. 25. Issue 3. Pp. 120–124.
8. Wolf E.M. Evaluation and norm in modal structures // Rhetoric and syntactic structures. Krasnoyarsk, 1988. Pp. 52–56.

About the authors

Mikhaylova, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru

Mikhaylov, Alexey V. – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

УДК 81-112.2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ОПИСНЫХ КНИГ НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ XVII–XIX ВВ.

А.Д. Экономова (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Актуальность привлечения региональных письменных источников для воссоздания общей картины развития русского языка сегодня осознается и подчеркивается многими исследователями.

Цель статьи – определение лингвистической содержательности указанных текстов.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретической базой исследования являются работы по лингвистическому источниковедению (С.И. Котков, Л.Ф. Копосов) и изучению памятников собственно деловой письменности (Л.А. Глинкина, О.В. Никитин, О.В. Баракова, М.С. Выхрыстюк, Т.П. Рогожникова и др.).

Методология исследования. Основным методом исследования выступает описательный метод, включающий наблюдение, систематизацию, обобщение и интерпретацию языкового материала. Кроме того, используются сравнительный метод и элементы метода моделирования.

Результаты исследования. Каждая из проанализированных описных книг имеет уникальные технические характеристики и палеографические особенности. Орфография памятников отражает как общерусские, так и местные языковые черты и свидетельствует о высоком уровне грамотности писцов. Синтаксис описных книг беден, что предопределено жанровой принадлежностью документов. Лексический материал, представленный в описных книгах Николо-Корельского монастыря, распределяется по девяти тематическим группам («Иконы, их элементы и украшения», «Священнослужительские облачения», «Ткани», «Церковная утварь» и др.) Особый интерес представляют группы антропонимической, топонимической, заимствованной, территориально маркированной лексики.

Выводы. Исследование показало высокую степень лингвистической содержательности описных книг Николо-Корельского монастыря как источника для изучения истории языка и его локальных особенностей.

Авторский вклад заключается в комплексном подходе к изучению архивных материалов, что способствует лучшему пониманию процессов формирования языковых норм и диалектных различий.

Ключевые слова: описная книга, лингвистическая содержательность, лингвистическое источниковедение, палеография, орфография, грамматика, лексика, тематическая группа, антропонимы, топонимы, историческая лингвистика.

Постановка проблемы. На современном витке развития науки не ослабевает необходимость обращения к письменному наследию прошлого. Более того, все яснее осознается тот факт, что только внимательное и полное изучение обширного исторического документального материала позволит проследить развитие языка во всем его многообразии, восстановить пробелы в лингвистическом знании, прогнозировать процессы дальнейшего развития. Сказанным определяется актуальность настоящего исследования.

Обзор научной литературы. Изучение древних письменных источников, зародившееся еще в XVIII в. с созданием первых архивов, продолжает развиваться по сей день. Эта традиция сохраняется во множестве регионов нашей страны. Исследования архивных памятников сегодня ведутся во многих городах и регионах, таких как Вологда (Ю.И. Чайкина, Г.В. Судаков), Челябинск (Л.А. Глинкина, Е.А. Сивкова, Н.А. Новоселова), Тюмень (О.В. Баракова, О.В. Трофимова, Н.К. Фролов, Ю.В. Безбородова), Тобольск (М.С. Выхрыстюк), Омск (Т.П. Рогожникова), Пермь (Е.Н. Полякова), Москва (Л.Ф. Копосов, О.В. Никитин, М.Д. Мазурин). Письменные памятники изучаются в разных аспектах: устанавливаются палеографические, графико-орфографические, грамматические, стилистические и другие особенности документов. Исследователи обращаются к документам различной временной, территориальной и жанровой отнесенности. Так, рассматриваются книги сельскохозяйственные (Л.Ю. Астахина), приходо-расходные (Е.Г. Ганькова, Ю.В. Безбородова), таможенные (О.В. Баракова, И.А. Малышева), дозорные (А.В. Пирогова) и др.

Как показывают исследования, в многочисленных архивах нашей страны хранится значительное количество рукописного и печатного материала, не ставшего до сих пор объектом научного изучения. Работа с этим материалом – одно из важнейших направлений современной науки. Сказанное определяет *актуальность* настоящего исследования.

Объектом данного исследования являются ранее не становившиеся объектом научного интереса тексты пяти описных книг Николо-Корельского монастыря XVII–XIX вв. Всего нами было проанализировано 400 страниц рукописного текста. Предмет исследования – разноуровневые языковые единицы описных книг.

Цель статьи – определить лингвистическую содержательность описных книг Николо-Корельского монастыря XVII–XIX вв. При этом лингвистическую содержательность мы, вслед за С.И. Котковым, понимаем как совокупность «заключенных в источнике лингвистических данных, определяемых его содержанием и отношением данного источника к определенному лингвистическому образованию (языку, наречию, говору), а также степенью познания последнего» [Котков, 1963, с. 10].

Основным *методом*, использованным в данной работе, стал описательный метод, включающий наблюдение над языковым материалом, его систематизацию, обобщение и интерпретацию. Также были использованы сравнительный метод и элементы метода моделирования.

Считаем целесообразным предварить анализ собственно языковых особенностей памятников графико-палеографическим анализом.

Графико-палеографический анализ рукописей имеет, как правило, практическую цель: установление места создания документа, косвенной датировки, авторства и т.д. В ряде случаев он используется для подтверждения достоверности указанных в рукописи данных. Приведем краткое описание исследованных нами описных книг.

Ставшие объектом данного исследования документы составляют фонд 191 Государственного архива Архангельской области (далее – ГААО): «Описные книги Николая Чудотворца Корельского монастыря» (1602 г.)¹; «Описная книга при игумене Козьме» (1657 г.)²; «Опись монастырских строений, имущества, библиотеки и архива» (1726 г.)³; «Опись имущества монастыря» (1814 г.)⁴; «Опись церковного имущества» (1834 г.)⁵. Все документы хранятся под грифом «Особо ценные».

Все рассмотренные рукописи содержат прямое указание на дату создания и авторство. Книги 1602, 1657 и 1726 гг. написаны скорописью. На Руси данный тип письма появился в практических целях (в первую очередь в памятниках делового характера) уже в XIV в. «Скоропись есть почерк, рассчитанный на существенное ускорение процесса письма. Ускорение достигается: 1. Большей свободой нажимов и взмахов <...> 2. Безотрывными написаниями соседних букв. 3. Более многочисленными сокращениями» [Щепкин, 1999, с. 148].

Книги 1602 и 1657 гг. написаны размером «в полдесть» (формат листа, сопоставимый с современным формантом А 5), остальные – «в десть» (формат листа, сопоставимый с современным форматом А 4).

Примечательно, что в документе 1726 г. в одну книгу сшиты три: «Опись монастырских строений, имущества, библиотеки и архива», «Опись монастырских владений», «Приходо-расходная книга монастырским деньгам и зерну». Нумерация в книгах двусторонняя. Переплета и иллюстраций данные рукописи не имеют. При создании рукописей использовались традиционные для Севера темно-коричневые чернила. Можно отметить хорошую сохранность данных документов: наличие всех листов, отсутствие загрязнений и повреждений, затрудняющих прочтение текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Как и в других рукописных документах, написанных скорописью, в описных книгах Николо-Корельского монастыря XVII–XVIII вв. встречаются различные графико-палеографические особенности. Перечислим их: различные способы сокращения слов (контракция, суспенсия, сигла), несколько видов диакритических знаков (звательцо, оковавы, ерок, титло), несколько видов соединений букв (строчная со строчной, надстрочная с надстрочной; строчная с надстрочной – реже). Для этих книг характерны вариативное начертание одних и тех же букв и использование выносных букв. Отметим, что в единичных случаях выносные буквы встречаются и в описи XIX в., что для этого времени является интересным исключением. Помимо общих черт, характерных для всех документов одного исторического периода, в каждой из книг представлены индивидуальные особенности, связанные с каллиграфическим стилем каждого

¹ Описные книги Николая Чудотворца Корельского монастыря 1602 года // ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 6.

² Описная книга при игумене Козьме, 1657 года // ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 489.

³ Опись монастырских строений, имущества, библиотеки и архива, 1726 года // ГААО. Ф. 191. Оп. 5. Д. 20.

⁴ Опись имущества монастыря, 1814 года // ГААО. Ф. 191. Оп. 2. Д. 453.

⁵ Опись церковного имущества, 1834 года // ГААО. Ф. 191. Оп. 2. Д. 554.

из писцов. Изучение особенностей почерка составителей описных книг Николо-Корельского монастыря может стать предметом отдельного изучения.

Развитие скорописи от XVII к XIX в. характеризуется, как отмечают исследователи, следующими тенденциями: упрощением алфавита, утратой диакритических знаков, развитием новых способов сокращения, упразднением и вытеснением выносных букв, избавлением от дублетных букв, становлением связного характера письма, приближением характера написания букв к современному [Сивкова, 1999, с. 68]. Все эти характеристики присущи описям Николо-Корельского монастыря. В целом можно говорить о высоком уровне графической грамотности текстов.

В данной работе при передаче скорописного текста будем следовать сложившимся правилам. Приведем их: «цитаты, извлеченные из рукописных источников, приводятся с сохранением особенностей подлинника; выносные буквы вносятся в строку; пропущенные буквы и знаки препинания не восстанавливаются; буквы, вышедшие из употребления по техническим причинам, заменяются современными <...> знак «ъ» в конце слова практически всегда опускается»⁶.

Обратимся к собственно орфографическим и грамматическим особенностям описных книг. Как отмечают исследователи, для создания полной картины орфографического и грамматического развития языка (на разных этапах) необходимо привлечение данных из документов различной региональной отнесенности [Копосов, 2000, с. 208; Сивкова, 1999, с. 73; и др.].

В описных книгах, как в одном из жанров деловой письменности, отражается живая разговорная речь. Анализ деловой письменности помогает лингвистам решать вопросы о процессе становления языковых норм, о соотношении общерусской нормы и местных вариантов, прояснять вопросы исторической диалектологии. Разработка этих вопросов заслуживает отдельной работы, мы отметим лишь некоторые моменты.

В описных книгах Николо-Корельского монастыря XVII–XVIII вв. отражаются характерные для общерусской традиции фонетические и грамматические особенности. Приведем примеры из изученных документов:

1) фонетическое написание *ы* на месте *и* в начале слова после предлогов на согласный: *с ыскры* (с искры), *с ыспотками* (с испотками);

2) написание *жы*, *шы* с *ы* (как отражение результата отвердения шипящих): *жемчужыны* (жемчужины), *кружыво* (кружево), *кожы* (кожи);

3) написание *ю* вместо *у* после *ч* (как свидетельство мягкости последнего): *чюдотворца* (чудотворца), *жемчюгу* (жемчугу), *бочюрка* (бочурка);

4) изменение *чн* в *ин* «в результате утраты взрывного элемента аффрикаты [ч]» [Копосов, 2000, с. 108]: *почешным* (почечным), *двоелишной* (двоеличной), *киндяшной* (киндячной);

5) упрощение групп согласных: *персней* (перстней), *звезки* (звездки);

⁶ Мазурин М.Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII века как источник исторической лексикологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000, с. 17.

б) отражение процессов ассимиляции по глухости-звонкости: *трафчатый* (травчатый), *трафка* (травка), *з двумя* (с двумя), *столпцы* (столбцы), *серешки* (сережки), *застешки* (застежки). Здесь также параллельно с фонетическим наблюдается традиционное написание: *травки*, *столбцы*, *сережки*, *застежки*;

7) оглушение согласных на конце слова: *лампат* (лампад);

8) процессы диссимиляции: *тицаны*, *чицаны* (чаны).

В текстах встречается характерное для северного диалекта неразличение аффрикат [ц] и [ч]: *кадило серебряное чеканного дела чети и чешка сребряные* (ОК, 1726, л. 21 об.), *в том же ящички цепочка сребряная на ней крст* (ОК 1726, л. 24).

Отметим интересную, на наш взгляд, особенность, обнаруженную в описной книге 1726 г. Как отмечает Л.Ф. Копосов, для текстов северного происхождения характерно «отражающее окающее произношение писцов, последовательное разграничение букв, обозначающих гласные *a* и *o* в безударном положении» [Копосов, 2000, с. 54]. Однако в изучаемой рукописи 1726 г. подобное разграничение отсутствует. В одном и том же документе на одной странице находим: *венцов сребрянных резных с цатами один с короною на ней пять жемчужин <...> в том числе два венца с коронами да пять подвенчиков* (ОК, 1726, л. 4 об.), *пред теми местными иконы привешены лампы медные чеканные луженые все четыре да ломпада оловянная* (ОК, 1726, л. 25 об.). То же относится к словоформам *атлас* и *отлас*, *старона* и *сторона*. Интерпретация данного факта, на наш взгляд, будет возможна при более глубоком его изучении с привлечением дополнительного материала.

В области морфологии книги Николо-Корельского монастыря отражают следующие общерусские черты.

1. Окончания *-ой* в именительном – винительном падеже единственного числа мужского рода полных прилагательных, что соответствовало живому произношению: *<крст> серебряной, гладкой, печальной*.

2. В текстах встречаются вкрапления церковно-славянских вариантов форм (как результат проникновения книжных элементов): *-аго (-яго)* в родительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода: *литургия Иоанна златоустаго, втораго, третияго*; *-ья (-ия)* в родительном падеже единственного числа прилагательных женского рода: *покровы повседневья, воздух камки немецкия*; полногласие *-ере-* (параллельно с *-ре-*): *серебряный – сребряный, деревянной – древянной*.

3. В николо-корельских описях находит отражение и один из «наиболее интересных морфологических процессов в истории русского языка» [Копосов, 2000, с. 185], который до сих пор привлекает внимание исследователей, а именно развитие форм дательного, творительного и предложного падежей множественного числа существительного, где происходила унификация разных окончаний, выражающих одни и те же падежные значения. Памятники отражают сосуществование старых (*с санными покосы, писан краски, уклеен кожы, в разнех станех*) и новых (*с ыспотками, по сторонам, писан красками, на красках*) форм.

4. В окончании существительных третьего склонения наряду с окончанием *-и* встречаем флексию *-е*: образ *Богоматере*. Как отмечает Л.Ф. Копосов, подобная вариативность осознавалась как норма и была свойственна как профессиональным, так и непрофессиональным писцам [Копосов, 2000, с. 162].

В качестве специфической особенности северно-западных говоров выступает флексия *-и* (наряду с общерусскими *-е*, *-у*) в предложном падеже существительных мужского рода: *на жертвенники*, *в ящики*. Эта особенность сохранилась и отражается и в современных говорах.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать ряд выводов:

- 1) при выборе варианта написания авторы опираются как на морфологический, так и на фонетический принципы написания слов;
- 2) и орфография, и грамматика описных книг отражает как общерусские особенности развития языковой системы, так и локальные черты;
- 3) писцы – составители текстов – обладали достаточно высоким уровнем грамотности.

Исторический синтаксис, по мнению исследователей, «особенно нуждается в повороте к непосредственному изучению старинных рукописей» [Котков, 1963, с. 56]. Вместе с тем следует отметить, что описные книги в силу своих особенностей, продиктованных прагматической направленностью (перечисление и описание объектов движимого и недвижимого имущества), довольно однообразны в области синтаксиса.

В рассмотренных нами документах встречаются синтаксические конструкции нескольких видов.

1. Номинативные предложения. Данный тип отвечает жанрово-стилистическим особенностям описи и ее целевой установке – перечислению находящихся в монастыре предметов: *грамота гсдря цря и великого князя блженные памяти Федора Ивановича всея русии* (ОК, 1602, л. 29).

2. Эллиптические предложения, содержательно близкие назывным: *В казне же пицаль свинцу и пуд тул стрелами две сабли д седла рогатина два топорка дорожных стрепен седельних д топоров добрых и худых* (ОК, 1602, л. 27); *подле того образа образ Николая чудотворца у стителя и у богоматере венцыи цаты серебряные сканые с финифтом и камнем и з жемчугомв венцах и цатах десять вставок* (ОК, 1726, л. 1 об.); *В первом ставу Местныя иконы* (ОК, 1834, л. 7), *На том же жертвеннике Потир с накладною резьбою и с чеканными по поддону херувимами* (ОК, 1834, л. 31).

3. Двусоставные предложения с составным именным сказуемым (глагол-связка всегда опущен, именная часть выражена кратким причастием): *миня опцная в тетратех в полдесть недописана* (ОК, 1602, л. 10 об.); *епитрахиль алтабасной золотной по серебряной земли обложен кружевом золотным трафчатым* (ОК, 1726, л. 12 об.); *На горнем месте образ Нерукотворенного спаса, писан на холсте красками, в раме выкрашенной разными красками* (1834, 14 об.); *подолник*

отличен золотым же газом, крест и звезда серебряного газа, подложены каленкором алым (ОК, 1834, л. 42 об.).

Двусоставные предложения с простым глагольным сказуемым представлены единично: *свеча месная полтора пуд предо образом стоит успением* (ОК 1602, л. 19), *да на мнстре ж стоит колоколница а на неи колокола колокол болшей да три середних два малых* (ОК, 1602, л. 20); *1-й престол в Соборной церкви Святителя Николая Чудотворца освяченъ 1674 года сентября 9 дня, по благословению Митрополита Иоакима Новгородскаго и Великолуцкаго, Игуменом Козмою съ братиею, каменный, стоит крепко и непоколебимо* (ОК, 1834, л. 30).

4. Безличные предложения: *сверх сего вышеписаннаго как свод церковный, так и по стенам, равно и в окнах расписано живописью* (ОК 1834, л. 25 об.), *риза из желтой фольги по ней вынизано жемчугом среднемелким по приличным местам* (ОК, 1834, л. 75).

В общих чертах развитие синтаксических единиц, оформлявших деловые тексты, происходит в направлении постепенного вытеснения двусоставных предложений односоставными, а также вытеснения определенно-личных предложений неопределенно-личными и безличными. В этом отражаются тенденция к нивелированию идеи субъекта и стремление к максимальной объективности, к которой тяготеют деловые тексты. В описных книгах преобладают предложения с составным именным сказуемым и эллиптические конструкции, что можно интерпретировать как одну из стилиобразующих черт описных книг.

Выявление и рассмотрение лексических единиц, входящих в состав монастырских описных книг, представляет особый лингвистический интерес.

По мнению М.Д. Мазурина, тщательному анализу с точки зрения исторического развития в современной русистике подверглись лишь несколько тематических групп (это лексика, обозначающая драгоценные камни, русскую народную одежду, ткани, посуду, лексика рыболовства)⁷. Остальные многочисленные тематические группы нуждаются в дальнейшем исследовании с привлечением данных исторических региональных документов.

Исследовательница хозяйственных книг севернорусских монастырей А.В. Волынская утверждает, что «практически все группы предметно-бытовой, ремесленной и производственной лексики, так или иначе документированные и другими видами хозяйственных книг»⁸ представлены в приходо-расходных книгах. Однако анализ описей позволяет исследователям сделать справедливое замечание о содержательных особенностях, присущих только этому жанру хозяйственно-деловой письменности: «Только монастырские описи содержат сведения о внутреннем убранстве храмов (иконах, книгах, сосудах, церковном облачении и проч.) и о других монастырских постройках (кельях, казенной, палате,

⁷ Мазурин М.Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII в. как источник исторической лексикологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 45.

⁸ Волынская А.В. Хозяйственные книги севернорусских монастырей XVI–XVII вв. как лингвистический источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: 1992. С. 8.

гостиных, санных, скотных и других дворах)» (Описи Соловецкого монастыря, 2003, с. 245). Это делает их особо привлекательными для исследования лексики отдельных тематических групп в историческом аспекте.

Анализ лексики того или иного памятника начинается, как правило, с ее классификации по тематическим группам. При этом используются сравнительно-сопоставительный и описательный методы. Состав тематических групп, в свою очередь, зависит от экстралингвистического фактора, а именно от предметов, которые отражают соответствующие «бытовые сюжеты». При анализе тематических групп с опорой на различные словари (в частности, исторические, диалектные, историко-диалектные) дается семантическая, темпоральная и ареальная характеристика словарного состава документа.

Как отмечает исследователь описных книг М.Д. Мазурин, «лексическая информативность описи напрямую зависит от материального благополучия монастыря»⁹, а также от причин и целей составления документа. Так, одни документы дают разноплановую, детальную информацию о реалиях монастырской жизни (включая названия мирской одежды, продуктовых запасов, инструментов, хозяйственных построек, сухопутного транспорта, рыболовных снастей, монастырских угодий и пр.) К таким документам относятся, например, описи 1602, 1726, 1834 гг. В других документах делается акцент на той или иной стороне хозяйственно-экономической жизни монастыря. Например, описная книга 1606 г. преимущественно включает перечисление хранящихся в монастыре юридических и экономических документов: жалованные грамоты, закладные, купчие, харатейные, долговые, челобитные, кабалы, приходо-расходные книги. В описи 1814 г. фиксируются монастырские постройки, столовые приборы, посуда; описная книга 1718 г. целиком посвящена описанию *архимандрицкой шапки*.

Таким образом, мы наблюдаем разную степень лексической информативности документов. Опираясь на денотативную базу документа, в составе описи можно выделить следующие тематические группы: «Монастырские постройки», «Иконы», «Меры длины, веса, счета», «Облачения священнослужителей», «Ткани», «Церковная утварь», «Предметы хозяйственного обихода», «Книги, их размер, бумага», «Монастырские должности» и др.

В качестве примера представим несколько тематических групп на основе описи 1602 г.

«Иконы, их элементы и украшения»: *венец, скань, цата, гривна, проволока, басма, поля, левкас*.

«Священнослужительские облачения»: *сорочка, оплечье, стихарь, наручи, кулар, орарь, варворки, епитрахиль, поручи, пуговица, пояс*.

«Ткани»: *тафта, шелк, зендень, камчатка, алтабас, лен, миткаль, бязь, камка, бархат, крашенина, мухояр, атлас, выбойка, сукна сермяжные, посконные холсты, стамбредная*.

⁹ Мазурин М.Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII в. как источник исторической лексикологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 32.

«Церковная утварь»: *шанданец, чашка кутейная, подсвечник, насвечник, паникадило, укропник, лжица, звездица, дискос.*

«Книги, их размер, бумага»: *евангелие тетро, евангелие апаракос, евангелие толковое, триодь постная, триодь цветная, минеи месячные, богородичник, какнонник молебный, апостол, десть, полдесть, апостол, большое письмо (александрийская бумага).*

«Хозяйственные и жилые постройки»: *трапеза, келарская, келья, дьячея, швальня, погреб, сушильня, амбар рыбной, амбар молочной, амбар квасной, медник, погреб, двор воловий, двор конюшенный, двор гостин, кузница, сарай.*

«Монастырские должности»: *приказчик, дворник, чернец, игумен, казначей, иконник, келарь, слуга, трудник, дьячек, ключарь, пономарь.*

«Посуда»: *тарелка, кандея, блюдо, ставец, ложка, солоница, ендова, достоканец, оловянный котлик, горшечек, кувшин, чашка, росолник, шандан, стопка, фляжка, кружка, перешница, укусница, игот, сковородка, котел.*

«Одежда, обувь»: *свитка, манатья, клобук, шуба, сермяженка, однорядченка, кафтанишки, лопские яры, шапка мужская, сапоги, ловецкие сапоги, уледи, рукавицы ровдужие, испотки, верхницы ровдужие, верхницы ловчие, верхницы дубленые, епанча, рубашки толстые и тонкие, портки, кафтан, поясок.*

Таким образом, можно заметить, что в описных книгах отражается и культурный, и бытовой фон эпохи.

Конечно, особый интерес при лексическом анализе подобного рода документов представляет территориально маркированная лексика. Однако говорить о территориальной закреплённости того или иного слова (лексической единицы) в отдельный исторический период можно только в результате установления и тщательного анализа его темпоральной и лингвогеографической характеристик. Подобный анализ может составить содержание отдельного исследования.

Лингвистическая значимость различных тематических групп, составляющих описи, неоднородна. Выявление территориально маркированной лексики в группе слов, обозначающих церковную утварь, священнослужительские облачения, иконы, маловероятно, поскольку и функции, и названия культовых предметов были унифицированы религиозными правилами и не допускали варьирования. Лексика же, отражающая мирскую жизнь (посуда, одежда, продукты, транспортные средства и пр.), может содержать в себе территориально маркированные единицы.

Описные книги Николо-Корельского монастыря являются богатым источником для исследования местных антропонимической и топонимической систем. Приведем пример из книги 1602 г.: *о Кошки остречихи а судной список у Клементия Берникова с товарищи на деи Попова менная на чарякому на малокурские пожни деловые на яколкурскои остров на дрвню яколкурскои на дрвню Василя Степанова купчая да деловая и отводная, да старых харатеиных é на пожно лахту купчая тулакова да Семена Макарова да морских пожен деловая турских на дрвню купчая властоле Чащины Кулакова и Пашикова на неноцком пол амбара Дядкина купчая летносторонских* (ОК, 1602, л. 33), *Мити Воронина*

и купчих снимок з гсдрвы грамоты купчая на тоню на песчанку **чевакина** на три жеребя **Семена Колобынина** на поженю **ухтостровские дрвни Романа Кузнеця** купчих (ОК, 1602, л. 33).

Предметом отдельного изучения может стать встречающаяся в описях заимствованная лексика. Она представлена почти во всех тематических группах слов: «Ткани», «Драгоценные камни», «Одежда», «Обувь», «Посуда», «Архитектура» и др. Лексика восточного происхождения (арабская, персидская, тюркская) представлена группой слов, обозначающих ткани: *алтабас*, *бархат*, *бязь*, *байберек*, *зендень*, *мухояр*, *камка*, *миткаль*, *тафта*, а также драгоценные камни: *финифт*, *изумруд*, *жемчуг*. Церковный обиход обслуживает лексика греческого происхождения: *амвон*, *антиминс*, *киот*, *деисус*, *стихарь*, *орарь*, *псалтырь*.

Из финно-угорских и самодийских языков заимствованы некоторые названия одежды и обуви, а также термины, употребляющиеся в рыболовецком промысле. Например: *яры* ‘высокие сапоги <...> шерстью наружу’¹⁰, *улеги* ‘обувь из кожи’¹¹, *ровдуга* ‘замша из оленей кожи’¹², *юнда* ‘рыбачья сеть без поплавков’¹³, *харва* ‘сеть, невод на семгу’¹⁴, *рында*¹⁵. Заимствования из языков коренных жителей Севера отражают естественные контакты русскоязычного населения, пришедшего на Север, с местными жителями.

Выводы. Изучение хозяйственных (в том числе и описных) книг монастырей различной территориальной принадлежности вносит свои коррективы в знание об исторической лексикологии, уточняет время появления и бытования, ареальную отнесенность слова. Благодаря активному изучению лексики из документов областного архива в будущем, возможно, осуществится выпуск историко-диалектного словаря. (Проект подобного издания под названием «Лексика архангельских памятников XVI – начала XVIII века» был предложен А.В. Волынской, но до сих пор не реализован.)

Анализ представленной в документах Николо-Корельского монастыря лексики позволяет согласиться с выводами исследователей о том, что монастыри в XVI–XIX вв. были центрами не только духовной, но и хозяйственно-экономической жизни регионов [Мазурин, 2000, с. 11].

Решение целого ряда вопросов, составляющих проблематику истории развития русского национального языка, невозможно без привлечения регионального материала. Описные книги Николо-Корельского монастыря как документы высокой лингвистической содержательности являются ценным источником такого материала.

¹⁰ Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. С. 574.

¹¹ Там же. С. 519.

¹² Там же. С. 433.

¹³ Там же. С. 570.

¹⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1980. С. 543.

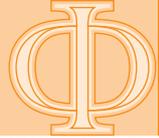
¹⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2002.

Библиографический список

1. Климкович О.А. Историческая стилистика в русском языкознании // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер.: А. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 70–74. DOI: 10.52928/2070-1608-2023-68-3-70-74
2. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (Орфография, фонетика, морфология). М.: Изд-во МГУ, 2000. 287 с.
3. Котков С.И. Исследования по лингвистическому источниковедению / ред. С.В. Котков. М.: АН СССР, 1963. 200 с.
4. Сивкова Е.А. Тексты «Троицкой таможи» конца XVIII – середины XIX веков как лингвистический источник: Палеографический, графический, орфографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1999. 231 с.
5. Цыпкин Д.О., Симонова Е.С., Шибяев М.А. Технологические особенности древнерусской книги в описях монастырских библиотек раннего Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67, вып. 4. С. 1313–1328. DOI: 10.21638/spbu02.2022.415
6. Шамина И.Н. Описание Коломенской епархии 1701–1702 гг. по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах // Известия Саратовского университета. 2022. Т. 22. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 144–151.
7. Щепкин В.Н. Русская палеография. М.: Аспект Пресс, 1999. 270 с.

Сведения об авторе

Экономова Александра Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; e-mail: aleksabondareva@yandex.ru

LINGUISTIC CONTENT OF THE 17TH–19TH CENTURY INVENTORY BOOKS OF THE NIKOLO-KORELSKY MONASTERY

A.D. Ekonomova (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The importance of regional written sources for reconstructing the general picture of the development of the Russian language is recognized and emphasized by many researchers today.

The purpose of the article is to determine the linguistic content of these texts.

Review of scientific literature on the problem. The theoretical corpus of the study includes works on linguistic source studies (S.I. Kotkov, L.F. Kopsov) and the examination of documents of business writing (L.A. Glinkina, O.V. Nikitin, O.V. Barakova, M.S. Vykhrystyuk, T.P. Rogozhnikova, etc.).

Methodology (materials and methods). The main research method used is the descriptive method, which involves observation, systematization, generalization, and interpretation of linguistic material. Additionally, comparative methods and elements of modelling are employed.

Research results. Each of the analyzed inventory books has unique technical characteristics and paleographic features. The orthography of the monuments reflects both pan-Russian and local language traits, indicating a high level of literacy among scribes. The syntax of the inventory books is poor, as predetermined by their genre. The lexical material presented in the inventory books of the Nikolo-Korelsky Monastery is distributed across nine thematic groups ("Icons, their elements and decorations," "Ecclesiastical vestments," "Fabrics," "Church utensils," etc.). Particularly noteworthy are the groups of anthroponymic, toponymic, borrowed, and territorially marked vocabulary.

Conclusions. The study revealed a high degree of linguistic content in the inventory books of the Nikolo-Korelsky Monastery as a source for studying the language history and its local peculiarities.

The author's contribution lies in a comprehensive approach to the study of archival materials, facilitating a better understanding of the processes involved in the formation of language norms and dialectal differences.

Keywords: *inventory book, linguistic content, linguistic source studies, paleography, orthography, grammar, lexicon/vocabulary, thematic group, anthroponyms, toponyms, historical linguistics.*

References

1. Klimkovich O.A. Historical Stylistics in Russian Linguistics // Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities. 2023. No. 3. Pp. 70–74. DOI: 10.52928/2070-1608-2023-68-3-70-74
2. Kopsov L.F. Northern Russian Business Writing of the 17th–18th Centuries (Orthography, Phonetics, Morphology). Moscow: MSU Publishing House, 2000. 287 p.
3. Kotkov S.I. Research on Linguistic Source Studies / Ed. by S. V. Kotkov. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. 200 p.
4. Sivkova E.A. Texts of the "Trinity Customs" of the Late 18th–Mid-19th Centuries as a Linguistic Source: Paleographical, Graphic, Orthographic Aspects: Dissertation... Candidate of Philological Sciences. Chelyabinsk, 1999. 231 p.

5. Tsyplin D.O., Simonova E.S., Shibaev M.A. Technological Features of Old Russian Books in Inventories of Early Modern Monastic Libraries // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2022. Vol. 67. Issue 4. Pp. 1313–1328. DOI: 10.21638/spbu02.2022.415
6. Shamina I.N. Description of the Kolomna Diocese in 1701–1702 According to Handwritten Notes, Marginalia, and Signatures in Census Books // Proceedings of Saratov University. 2022. Vol. 22, ser. "History. International Relations". Issue 2. Pp. 144–151.
7. Shepkin V.N. Russian Paleography. Moscow: Aspect Press, 1999. 270 p.

About the author

Ekonomova, Alexandra D. – PhD (Philology), Associate Professor, Philology Department, Moscow Financial and Industrial University ‘Synergy’; e-mail: aleksabondareva@yandex.ru

УДК: 811.161.1 : 81'373.45

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ЗАИМСТВОВАНИЯ И КАЛЬКИРОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОЦЕНКА

Д.Г. Демидов (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Калькирование слов и заимствование рассматриваются как видовые понятия относительно родового понятия словообразования. Понятие эрзац-слов применяется к русскому языку. Оно находится на пересечении исконного словообразования и калькирования. Вводятся термины *лексическое* и *поморфемное калькирование*. В сфере лексикологии выделяется зона пересечения со словообразованием, включающая проблему иноязычного заимствования. Роль нормативной оценки ниже всего в исконном словообразовании, выше в калькировании, намного выше в иноязычном заимствовании. Рассматриваются и оцениваются с нормативной точки зрения новое эрзац-слово *повестка* (англ. *agenda*), лексические кальки *сделка* (англ. *the deal*), *продать* (англ. *to sell* об информации), а также этикетное эрзац-предложение и синтаксическая калька. Определяются условия уместности и неуместности их употребления.

Цель статьи – выработать непротиворечивое, пригодное для исторического и нормативного изучения русского языка соотношение процессов словообразования, калькирования и заимствования.

Материалом статьи являются ресурсы основного и газетного подкорпусов НКРЯ.

Методы исследования: исторический, сопоставительный, контекстный, нормативно-прагматической оценки.

Обзор научной литературы по проблеме учитывает труды о словообразовании, кальках и заимствованиях С.К. Булича, Л.П. Ефремова, К. Флекенштейн, Н.М. Шанского, Фр. Кейнца, Г.А. Николаева, Л.П. Крысина.

Результаты исследования. Предложен вариант упорядочения исторических понятий лексикологии, словообразования, калькирования и заимствования. Они распределены в отношении возрастания необходимого кодификационного воздействия.

Выводы. Требуется строго различать переводческую практику и неблагоприятные изменения значений русских слов в языке.

Ключевые слова: *пересечение объемов понятий, вторичная мотивация, лексическое калькирование, поморфемное калькирование, эрзац-слова, эрзац-предложение, синтаксическая калька, нормативная точка зрения, ментальность, английский язык, С.К. Булич, Виктор Пелевин.*

Автор выражает искреннюю благодарность профессору Александру Михайловичу Камчатнову и доценту Сергею Васильевичу Власову за неоценимую помощь в работе над обсуждаемой темой.

Постановка проблемы. Объемы научных понятий, особенно в гуманитарных науках, могут частично пересекаться, поэтому для дальнейших исследований очень важно вновь уяснить признаки их содержания и их общие зоны взаимного пересечения. Стремление к механическому разделению исходных понятий с устранением таких зон приводит к грубому искажению реальной картины живой развивающейся стихии языка и нарциссическому изучению собственноручно сконструированной модели вместо предмета, лежащего вне исследователя, – русского языка. В отличие от математики, языкознание имеет дело с культурно значимым объектом, обладающим ценностью, поэтому результаты изучения узуса и системы, добытые с **объективной точки зрения**, следует расширять общественно значимыми выводами с нормативной точки зрения [Пешковский, 1925], оценивая одно как приятное, красивое, правильное, уместное, допустимое, полезное, другое как терпимое, nereкомендуемое, недопустимое, неправильное, вредное, безобразное или даже запрещенное, оскорбительное и наказуемое.

Обзор научной литературы. По существу основного вопроса словообразования, **как были образованы** (порождены) **слова**, «...деление способов на синхронические и диахронические не оправдано, так как все производные слова, независимо от того, каким способом они образованы, являются результатом словообразовательных процессов и поэтому находятся в одинаковых отношениях к современной словообразовательной системе» [Николаев, 2010, с. 23]. Следовательно, чтобы узнать, *как* образованы современные слова, надо знать и *когда* они образованы, по крайней мере, относительно своих производящих. Словообразовательная система выстраивается за счет первичных мотивационных отношений (включая случаи иностранных мотивирующих слов), порождающих реальные словообразовательные связи, и вторичных мотивационных отношений, не совпадающих с ними, но образующих потенциальные словообразовательные связи, со временем способные реализоваться в языке и повышать свою продуктивность, вплоть до подавления продуктивности первичных. Так, первичные отношения «имя > глагол» (*ловь > ловити, борь > беру*) вытесняются вторичными «глагол > имя» (*ловити > ловля, призывать > призыв*). Важнейшими в этой системе являются не парадигматические или синтагматические связи, а деривационные [Добродомов, Камчатнов, с. 18]. Словообразовательная модель зарождается, переживает повышение своей продуктивности, образование следующего звена, процесс выпадения среднего звена своей словообразовательной цепи (напр., *уловити > улавляти > улавливать*, см. [Демидов, Камчатнов, 2019]), переразложение, опрощение и отпочкование вторичных моделей, включая конфиксальные, наконец, угасание творческой энергии в порождении новых слов вплоть до морфологического опрощения, то есть перехода словообразовательного аффикса в формообразовательный, или вплоть до распада полисемии, утраты каких бы то ни было мотивационных связей с производящим.

Указанных В.В. Виноградовым способов словообразования вовсе не достаточно, чтобы ответить на основной вопрос словообразования. Существует множество случаев, при которых производящее слово находится в иностранном языке. Если слово переносится в русский язык целиком, его внешняя звуковая форма вместе со значением, то говорят о заимствовании. Если в русский язык переносится только значение, то есть внутренняя форма, а внешняя звуковая форма, хотя бы в корне, подбирается своя, то говорят о калькировании.

Перенос в русский язык сразу всей иностранной внутренней формы как готового значения слова обычно называется *семантическим калькированием* (о недостатке этого терминологического сочетания см. ниже). Калькирование с последовательным переводом морфем производного в языке-источнике слова или хотя бы его корня, то есть внутренней формы внутренней формы (представления значения, по Потебне) и внешнего оформления слова в русском языке каким-либо иным способом называется в русской языковедческой традиции *словообразовательным*. Однако если калькирование в части образования новых слов признавать целиком способом словообразования, как это делается в настоящей статье, то приходится терминологическое сочетание *словообразовательное калькирование* расценивать как неудачное, поскольку *семантическое* калькирование в этом случае будет тоже *словообразовательным* по определению.

В разделении калькирования слов на *семантическое* и *словообразовательное*, при родовом для калькирования слов понятии словообразования, не выдерживает критики и определение *семантическое*. Калькирование слов по морфемам есть также семантическое: корень и, как правило, аффиксальные морфемы переводятся согласно их семантике. Дело здесь не в плане содержания, а в плане выражения, поэтому перевод и распространение в своем языке иностранного слова целиком, придающее известному русскому слову новое значение, целесообразнее назвать *лексическим калькированием*, а перевод по морфемам – *поморфемным калькированием*. Даже если переводится один корень, а аффиксы передаются по-другому или вовсе не передаются (такое бывает при неточном калькировании), передача смысла происходит от иностранного корня к русскому, то есть тоже по морфемам, а не от слова к слову.

Появившееся в последнее время сочетание *морфемная калька* [Крысин, 2012, с. 55] обладает тем же недостатком, что и *словообразовательная*. Она вообще не указывает на результат калькирования – новое слово в русском языке, а указывает лишь на возможность перевода морфем без создания нового слова в русском языке. Единственный случай, который можно было бы так назвать, связан с сохранением иностранной основы и переводом аффикса, например, *стабилизирование* (англ. *stabilization*), *монтажник* (фр. *le monteur*). Но такие слова невозможно отнести даже к полукалькам, поскольку они представляют собой результат совсем другого процесса – не калькирования, а заимствования, не только освоенного в морфологическом отношении, но и включенного в систему собственно русского словообразования: *стабилизировать* > *стабилизирование*, *монтаж* > *монтажник*.

Это русские по образованию слова с заимствованной основой. Практически бывает очень трудно, а иногда и невозможно установить, является ли образование типа *монтажник* заимствованием с русским словообразовательным оформлением, то есть случаем, лежащим на пересечении заимствования и поморфемного калькирования, или же новое слово образовалось целиком в русском языке независимо от иностранного, и лишь его производящая основа заимствована. Нам представляется, что в большом числе случаев словообразовательные пары типа *революция* > *революционный* на поверку представляют собой иные пары – типа фр. *révolutionnaire* > *революционный*. И действительно, судя по НКРЯ, первым, кто ввел в русский язык это прилагательное, был А.С. Шишков, описывая события Великой французской революции в сочетаниях *революционное французское правительство, революционные войска, революционные ужасы и мерзости*. Наш знаменитый пурист допускал иностранные слова с отрицательной коннотацией.

Описанный выше довольно распространенный случай образования новых слов лежит на пересечении основной исконнорусской части системы словообразования (со стороны формантов) и части заимствования иноязычных слов (со стороны производящих основ). В русистике такое состояние рассматривается как одна из последних стадий освоения иноязычных заимствований. Такие древние заимствования общеславянской эпохи, как семитизм *кумиръ*, греко-латинизм *мята*, или латинизм *баня*, или китайское сочетание, проникшее через тюркское посредство, *кънига*, или тюркизм *капище*, или персидское слово, пришедшее к славянам через тюркское посредство, *чертогъ*, или германизм *хльбъ*, вполне можно расценивать как полностью освоенные с субъективной точки зрения, прошедшие все стадии освоения заимствований, но мы обязаны рассматривать эти же слова как иноязычные заимствования древнейшей эпохи с объективной точки зрения.

Поскольку сама русская словообразовательная система высоко «морфологизирована» в том смысле, что многие продуктивные словообразовательные аффиксы приобретают единственно возможное морфологическое оформление (*-ост(ь)* – только по ж. роду 3-го скл., *-ьств(о)* – только по ср. роду 1-го скл., *-от(а)* – только по ж. роду 2-го скл., *-ова(ть)* – только по 1-му спр. и т.п.), процесс заимствования часто связан не с постепенным фонетическим, морфологическим, наконец, словообразовательным освоением иноязычных слов, а с появлением первых же употреблений таких слов со своими иноязычными производящими сразу во вполне освоенном в словообразовательном отношении виде, например лат. *stabilis* > *стабильный*. Латинский формант *-bilis* передается русским формантом *-бильный*, включающим вариант суффикса *-ьн-*, представляющий собой результат опрощения латинского по происхождению и славяно-русского суффиксов *-бил-ьн-*. Процесс заимствования связан не только с индивидуальной лексической историей слова, его переходом из одного языка в другой, но и с взаимодействием словообразовательных систем двух языков. Это еще одна проблема, лежащая на пересечении собственно русского словообразования и заимствования.

Первым, кто задолго до Ш. Балли разграничил у нас факты заимствования и поморфемных и фразеологических калек с латинского, немецкого и французского, был, по нашим наблюдениям, С.К. Булич, излагая существо дела, но не подыскивая термина. Он привел в пример поморфемные кальки *выглядеть, влияние, предмет, обстоятельство, трогательный, немислимый, сосредоточить, начитанный, развитие, утонченный, осмотрительный, предусмотрительный* и фразеологические кальки *раз я берусь сделать то и то – я сделаю, делать кого несчастным, считаться с чем, рассчитывать на кого или что, хранить молчание, проходить* (и, добавим от себя, *обходить*. – Д.Д.) *молчанием, иметь жестокость, предпослать что чему, иметь что-нибудь против, быть слишком добрым или умным, чтобы... иметь что сказать или возразить, разделять чьи чувства или мысли* [Булич, 1893, с. 19–22].

С.К. Булич, К. Флекенштейн¹ и другие ученые считают кальки разновидностью заимствования, другие выделяют словесные кальки в качестве особого третьего разряда лексики по своему происхождению, наряду с исконным и заимствованным [Ефремов, 1974], третьи уверенно относят кальки к исконной по происхождению лексике [Шанский, 1955]. Такой разнотой реализует все три логически возможных варианта решения вопроса о взаимно пересекающихся объемах понятий заимствования и исконного словообразования. Относительно позднее выделение калькирования в истории европейского языкознания связано именно с тем, что это явление занимает именно зону пересечения исконного словообразования и заимствования. Калькирование слов входит в понятие заимствования с ономаσιологической точки зрения и входит в понятие исконного словообразования с семасиологической точки зрения. Л.П. Ефремов разрешает это противоречие путем повышения статуса понятия калькирования слов с видового на родовой. Это помогает осмыслить специфику процесса.

Результаты и обсуждение. С нашей точки зрения, видовые понятия исконного словообразования, калькирования слов и заимствования входят в родовое понятие словообразования. Оно, в свою очередь, имеет зоны взаимного пересечения с морфологией и лексикологией. В лексикологии традиционно рассматривается вопрос о происхождении слов. Он лежит в зоне пересечения лексикологии и словообразования. В связи с этим нет непреодолимых препятствий против того, чтобы считать калькирование слов и заимствование способами словообразования.

Вопрос о развитии полисемии также занимает зону пересечения словообразования и лексикологии. Это было известно давно, с тех пор как академика В.В. Виноградов ввел лексико-семантический способ словообразования. В эту зону пересечения входит и лексическое калькирование, и растянутый на многие десятилетия процесс заимствования. Так, слово *партизан*, последовательно развивавшее в русском языке военное и дипломатическое значения, с начала XIX в. стало все шире употребляться в обобщенном французском значении ‘сторонник

¹ Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 21 с.

вообще' – какой-нибудь политической силы, партии, направления в науке или науке. Однако это, логически родовое и претендующее на синхронное положение основного, значение с начала XX в. стало стремительно уходить из русского литературного языка, видимо, в связи с резким уменьшением числа носителей русско-французского двуязычия, и оказалось семантическим архаизмом. Тем более забылось и дипломатическое значение сторонника того или иного монарха. На первое место, в связи с двумя мировыми войнами, в XX в. вышло военное значение. Этот пример показывает, что процесс освоения заимствования, в данном случае семантического освоения, связан не обязательно с постоянным расширением функций иноязычного слова и придания ему все более и более исконного вида в русском языке. Может происходить и обратный процесс очищения, специализации, устранения полисемии в семантической структуре заимствования.

Полезные лексические кальки, принятые говорящим коллективным субъектом – русским народом, могут входить в область исконного словообразования. Так, в первое время появления полезного приспособления для работы с персональной ЭВМ оно называлось *мышью* (англ. *mouse*). Происходит обычное лексическое калькирование. Однако со временем, как показывают данные НКРЯ, русское уменьшительное производное *мышка* стало все более вытеснять первоначальный вариант *мышь*, сначала в разговорной речи, затем в торговой и специальной сферах среди профессионалов, в том числе в официально-деловом стиле. Мы живем в период активного вытеснения русским производным *мышка* первоначально калькированного слова *мышь*.

На пересечении калькирования и семантического развития исконных слов находится явление, названное в 1910-е гг. в германистике «эрзац-словами». В русле пуристической тенденции «онемечивания» французских заимствований с XVII в. составлялись слова или известным немецким словам приписывались значения попавших в немецкий язык французских слов. Например, слово *Register* заменялось на *Inhaltsverzeichnis*, буквально 'обозначение содержания' [Keinz, 1974, S. 350], затем просто *Inhalt* 'содержание' – слово, прочно закрепившееся в современном немецком для обозначения оглавления, содержания книги. В конце концов, благодаря французскому слову, в немецком слове *Inhalt* появилось новое значение, но ему предшествовало описательное сложное слово, впервые появившееся в переписке Гете и Шиллера. Схожая история происходила и при замене итальянского слова *innamorarsi* на русское *влюбиться* или французского слова *partisan* на русское *приверженец* (подробности излагаются в статьях, написанных совместно с С.В. Власовым и А.М. Камчатновым). Если в немецком языке заменялись уже проникшие было французские слова, то в русском языке этот процесс проходил и без проникновения иностранных слов. Внутренняя форма эрзац-слов не совпадает с внутренней формой иностранного слова, берется совершенно другой исходный образ, но славяно-русскому слову придается иностранное значение. В отношении первых переводов с греческого подобное явление Е.М. Верещагин называет *ментализацией*, а А.М. Камчатнов – *эйдетическим переводом*.

Это, пожалуй, наибольшее отличие эрзац-слов от калек, которые повторяют внутреннюю форму иностранных слов русскими средствами.

Особую проблему представляют собой заимствование и калькирование из близкородственных языков. К примеру, часть отадъективных существительных на *-ость* унаследована из старославянского языка, часть создана на русской почве после распада славянской семьи, а часть заимствована в XVII – нач. XVIII в. из польского. Так, слова *аккуратность, актуальность, аутентичность, беглость, безбожность, безбрежность, безграничность, безгрешность, бездетность, бездушность, безлюдность, безмерность, бременность* и *беременность, беспечность, бесплатность, бесправность, бессильность, бесспорность, бесчинность, близкость, боязливость, бридкость, брутальность, бывалость, бытность* и мн. др. отмечаются как заимствования из польского языка². Как видим, практически все эти существительные легко находят свою мотивацию в русских прилагательных, а некоторые из них, возможно, появились не путем заимствования из польского, а путем независимого от польского параллельного образования в русском языке. Традиционный путь проникновения полонизмов в общерусский язык лежал через малорусскую речь. Так, слова *беглость* ‘благоискушение, козацтво’, *безбожность* ‘беззаконие’, *беспечность* ‘извество, отрада, необиновение, опаство, утверждение, дерзновение’, *боязливость* ‘говение’, *бридность* ‘мерзость, гнюс, туга, бессластие, несладость, скорбь, сокрушение’, *бытность* ‘бытие, существо’ отмечаются в юго-западнорусских рукописях XVII в.³ Многие кальки из близкородственных языков в действительности оказываются либо общим достоянием, либо заимствованием [Ефремов, 1974].

Процесс калькирования происходит не только на морфемном и лексическом уровне, но и во фразеологии и на уровне синтаксиса. Следовательно, калькирование в полном объеме этого понятия имеет общие зоны пересечения не только со словообразованием, но и с синтаксисом и учением об устойчивых словосочетаниях.

Переходя к **нормативной точке зрения**, возьмем заявленные в заглавии статьи понятия в их полном объеме. Нам представляется, что роль нормы как регулятора узуальной стихии, как предписываемого идеала, как образца литературной речи последовательно повышается от исконного словообразования через разные случаи калькирования к заимствованиям.

Исконное словообразование никаких тревог не вызывает. Напротив, развитие самых разных моделей, обогащение аффиксальных средств, их осложнение и дифференциация весьма благотворно сказываются на развитии русской лексики и в связи с этим тончайших оттенков мышления, чувствования, на совершенствовании всех сторон жизни и наиболее полном воплощении русской ментальности.

² Witkowski, Wiesław Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: UNIVERSITAS, 2006. 253 s.

³ Житецкий П. Словарь книжной малорусской рѣчи. Рукописи XVII вѣка. Киевъ: Тип. Г.Т. Корчакъ-Новицкаго, 1888. 104 с.

Норма дифференцирует словообразовательную синонимию. На периферии основной части словообразовательной системы лежат заимствованные аффиксы. Например, скандинавский суффикс со значением лица или животного *-яг//яж//яз-*, будучи оформленным по м. роду, усваивается вместе с заимствованиями: *князь, варяг*, но изредка может осваиваться и в русском (*работяга и планеника родиши* в Александрии XI–XIII вв., по НКРЯ). Женское производное от первого слова создается уже целиком на русской почве: *княгиня*. Иронические или уничижительные производные с суффиксом *-яг-* развиваются при оформлении по мужскому или общему роду на *-а*: *коняга, (белка) летяга, работяга, трудяга, бродяга, миляга*, фамилии *Дурняга, Тепляга*, а также от заимствованных основ *симпатьяга* и др.

Эрзац-слова, внешне напоминающие лексические кальки, сыграли ключевую роль в усвоении греко-славянской христианской культуры и старославянского языка как литературной формы родного русского, в котором с первых памятников письменности появилась нормированная церковно-славянская стихия. Они продолжали играть важную роль и при переводах с латинского и новоевропейских языков, способствующих естественному обогащению русской лексической системы. Правда, среди новых эрзац-слов встречаются и неудачные, затемняющие смысл сказанного, не соответствующие требованию точности речи.

Таким, по нашему мнению, является новое эрзац-слово *повестка* (англ. *the agenda*). Судя по НКРЯ, слово *повестка* употребляется с самого начала XVIII в. *По повестке* от вышестоящего начальства необходимо что-то сделать; ее (их) можно *учинить, послать, разослать, подать, получить*; *повесткой* можно что-то *отменить*; *повестка* бывает кому, к кому-чему, по кому-чему, на чье имя, о чем; что-то, откуда можно наблюдать противника (холмы, вершины деревьев), можно *превратить в повестку*; *повестка* бывает *пригласительная, понудительная, денежная, предварительная, условленная, особая*. Это слово стало развивать образные употребления:

«Четыре дня потом. Показалась кровь горлом – *повестка адской почты!* Зовут на получение савана...» [А.А. Бестужев-Марлинский. Он был убит (1835–1836)]⁴.

А во мне, что ни слово, то ложь, даже совестно ехать с таким, грузом, право! В разговор вмешались и *повестки*. То-то обрадуется тот, кто получит меня, – сказала одна *повестка* (К. Д. Ушинский. Хрестоматия (1864))⁵.

В толковых словарях ближайшим к новому дается значение, известное в устойчивом сочетании *повестка дня*. Это полное сочетание встречается и в новейших употреблениях, из которых становится ясно происхождение эрзац-слова *повестка дня* > *повестка*:

«Учитывая то, что Трамп в начале срока знал о внешней политике намного меньше бывшего конгрессмена, позволяет сказать, что именно Помпео во многом формирует внешнеполитическую и оборонную *повестку дня* нынешнего хозяина

⁴ НКРЯ, основной корпус.

⁵ Там же.

Овального кабинета» (Константин Эггерт. Человек с президентскими амбициями. Почему Москва еще не видела такого госсекретаря США, как Майк Помпео (18.03.2018) // «Сноб», 2018)⁶.

Иногда это сочетание в переносном значении ставится в кавычки или с предупредительной оговоркой вроде *так называемая*:

Более того, люди считают, что информационное пространство автоматически отображает социальную реальность, тогда как фактически СМИ не могут быть объективными уже на этапе поиска и отбора фактов и формирования *так называемой повестки дня* (Решетинская. Массмедиа и межэтнические взаимодействия // «Информационное общество», 2015)⁷.

По нашим наблюдениям, еще в 2015–2017 гг. в новом расширительном значении слово *повестка* употреблялось очень редко:

«Результатом этой программы конституционной трансформации становится возрождение... идеи реструктурирования мировой и внутренней политической *повестки* в понятиях консервативных ценностей...» [А.Н. Медушевский. Политические сочинения (2015)]⁸.

Такой была *повестка* 1930-х: стройки, войны, шпионы, новые города... (Авченко, Фадеев, 2017)⁹.

Новое появившееся в непереводах текстах расширительное значение, близкое к ‘актуальная задача, тема обсуждения, программа действий’ (последний компонент ‘программа действий’ в русской среде едва ли понятен, см. ниже), встречается регулярно с 2018 г. с определениями *новостная, информационно-политическая; общественная, внешнеполитическая, международная, внутренняя, оборонная, патриотическая, феминистская, «белоленточная»; радикальная, глобальная, мировая, региональная; современная*:

Речь идет о запросе на обобщенно понимаемую *повестку* справедливости. (Екатерина Шульман. Запрос на справедливость переживет и Путина, и Грудинина (07.03.2018) // «Сноб», 2018]¹⁰.

Существует несколько вполне подходящих русских слов, пригодных к этой семантической функции, вроде *запрос, задача*, еще больше разнообразных перифраз. Новое значение переносит в русский обиход иностранный образ, давая иное объяснение процедуре принятия решений. Но даже в этом случае весьма прозрачная связь с *ведать – весть* нарушает западную традицию, связанную не с ментальной сферой, а непосредственно с практической, поскольку производящий лат. глагол *agere* означает ‘приводить в движение, гнать’, то есть связан с физическим, а не ментальным действием. *Повестка* связана со словом *агенда* – с действием. Вот его первое употребление, пока еще как варваризма:

⁶ НКРЯ, основной корпус.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ НКРЯ, основной корпус. Е.М. Шульман включена в список иноагентов.

«Негоцианты порта были этим удивлены и обижены, – на всех лицах было заметно неудовольствие, а Шер, принеся свое поздравление отцу невесты, отошел в амбразуру окна и, достав из кармана *агенду*, написал *nota bene*, по которой тайной *агентуре* следовало пошарить везде, где возможно: все ли благополучно в делах почитаемого в миллионерах Фрица?» (Н.С. Лесков. Чертовы куклы (1890))¹¹.

Обратим внимание на *figura etimologica ag-енда – ag-ентура*. Процесс заимствования начался не с английского, а с латинского значения ‘руководство к действию’, взятого из обычаев лютеранской церкви: *агендой* называется сборник церковных обрядов и правил, служебник. В английском (а сначала *церковно-английском* – термин В. Пелевина) это слово усвоено в значении повестки дня, но ясно, что слово накапливает в себе и прежние образы, которые затем воспринимаются как «переносные».

Как это обычно бывает, заимствование появляется в русском языке раньше исконного эквивалента:

«Важно, что эта политизация или как минимум смена взглядов никак не сказалась на субкультурном коде: стиль правых скинхедов оставался таким же, каким он был до появления их новой политической *агенды*» (Ирина Сезина. Скинхеды в России: особенности субкультурного кода и идентификаторы // «Теория моды», 2013)¹².

Можно смело утверждать, что эрзац-слово *повестка* полностью вытеснило уже не такое новое и редкое заимствование *агенда*. После процитированного примера в НКРЯ приводится только несколько контекстов с персонажем В. Пелевина *Агенда*. Как правило, такое вытеснение позволяет выработать точную русскую номинацию новому явлению и включить его в мир русских представлений. Но в данном случае церковная идея окончательного решенного канонического порядка богослужебных действий переносится на такой же строгий и окончательный решенный порядок обсуждения какого-либо вопроса с предсказуемым результатом. Английская монархическая система предполагает обсуждение не решения, а путей наилучшего исполнения готового решения, предписываемого порядка действий. Отсюда разное понимание *повестки дня*, которое затушевывается при переносе на русскую почву. В результате задача эрзац-слова подобрать именуемому предмету более ясную и привычную идейную интерпретацию, новое представление предмета не выполняется. Предмет либо подменяется нашей советской и постсоветской «повесткой дня», либо обрастает какими-то индивидуальными фантастическими домыслами, только затемняющими смысл сообщения.

Поморфемные кальки с греческого послужили важнейшим ресурсом начальной стадии русского литературного языка. Они послужили образцами для становления многочисленных собственно русских словообразовательных моделей. Их положительную роль трудно переоценить. Развитию научной терминологии, а также новых светских жанров, способствовали и способствуют позднейшие

¹¹ НКРЯ, основной корпус.

¹² Там же.

поморфемные кальки. Отметим особо их роль в развитии синонимии типа *евангелие – благовествование, орфография – правописание, объект – предмет* и под.

Если неудачными можно признать лишь единичные эрзац-слова, то лексические кальки распадаются на благотворно влияющие на богатство и выразительность русской лексики (их большинство) и такие, которые не способствуют точности и прямоте литературной речи, провоцируют двусмысленность и незаметное проникновение чуждых русской ментальности принципов мышления и изъяснения. Приведем в пример слова *сделка* и *продать* (новость).

С недавнего времени вместо привычных дипломатических терминов *меморандум, соглашение, договор* приходится слышать слово *сделка*. Даже нефилологу становится понятно, что это буквальный перевод какого-то английского слова (*the deal*), которое находится в ином, англо-американском понятийном окружении. Русский человек сразу включает новое употребление старого и хорошо знакомого слова в привычные сочетания *коммерческая сделка, пойти на сделку, сделка с совестью* и под. При заключении сделки партнеры исходят каждый из своих правил. Заключение сделки возможно только в том случае, если какие-то элементы правил одного партнера совпадают с какими-то элементами правил другого партнера. Самое существенное в подготовке сделки состоит в том, что правила могут меняться. Сильная сторона пытается сохранить свои правила и заставить слабую сторону изменить ее правила. Соблюдение закона при этом мыслится на последнем месте. Конечно, сделки заключаются при желательном соблюдении закона, но закон играет внешнюю роль: сначала заключается сделка и только потом можно вынести суждение, законна она или незаконна.

Перенесение торгово-коммерческих отношений в дипломатическую сферу чревато пренебрежением международными законами. Но для дипломатов закон – это не внешнее ограничивающее препятствие, а внутреннее условие, стимулирующее их деятельность. В этом принципиальное различие *сделки* и *договора*. При нарушении сделки (тем более если нет возможности вынести суждение относительно ее законности) закон применить очень трудно, при нарушении договора закон вступает в силу моментально. Соблюдение сделки бывает до тех пор, пока обеим сторонам это выгодно. Ее легко расторгнуть на совершенно законных основаниях. Соблюдение договора накладывает на стороны взаимные обязательства не только ради сиюминутной выгоды, но и ради долгосрочной политической перспективы того или иного сосуществования сторон.

Ясно, что термин *сделка* предлагается в системе «правил», а не установленных международных законов. И если российская сторона выступает против «правил», которые пытается установить только одна, притом нероссийская сторона, то и новый элемент языка, применяемого в международных отношениях, в переводах сообщений западных журналистов следует по возможности оговаривать: *по словам...* и под. Послушное подведение под понятие договора термина *сделка* в обзорах международных отношений уже влечет за собой игру по правилам противной стороны и первый шаг к сдаче наших позиций, наших правил.

Во всяком случае, даже если мы заключаем сделку, а не договор, то все равно в юридическом отношении в результате сделки надо будет подписывать договор, и эту последнюю цель никогда не следует упускать из виду.

Приведенный пример требует более внимательного отношения к переводам, их изоляции от наших отечественных устоев, особенно когда переводы новых иностранных терминов буквальны. В конце концов, и серьезным зарубежным дипломатам, и нашим слушателям новостей и политических обзоров ясно, что реальный подписываемый документ *сделкой* не называется, это всего лишь ковбойский *нарратив*. Значит, дело не в изменении протокола, а в каком-то особом настраивании западных слушателей. Может быть, *сделка* – это какой-то эвфемизм, истинное значение которого всякий раз, хотя бы в аналитических обзорах, требуется оговаривать. В прямых переводах иностранных политиков и журналистов это делать порой просто некогда. Но буквальные переводы вовсе не обязательно распространять, начиная бездумно процесс лексического калькирования.

Перевод является необходимым условием калькирования, но вовсе не его обязательной причиной: лишь малая толика удачно найденных переводных эквивалентов продолжает жизнь как иноязычные содержательные вкрапления в русский язык, незаметно растворяясь в нем. Всякое переведенное слово остается в тексте и пребывает как факт текста, но не факт языка. Всякая калька есть результат повторения и усвоения нового слова членами языкового сообщества, приятие факта текста в виде факта языка. Переводной эквивалент становится калькой лишь при особых условиях, при особом осознанном и обоснованном культурно-национальными интересами желании говорящих строить с помощью усваиваемого новосозданного слова (значения слова) новые оригинальные тексты.

Глагол *продать* (англ. *to sell*) калькирует новое английское значение из информационной сферы. Можно считать, что промежуточными объектами при этом глаголе были такие, как *секрет*, *важные сведения*. Но в этом случае распространение информации не предполагается. Актуальна вторая валентность «кому». Калькируется другое значение, связанное с широким распространением каких-либо новостей. Адресатом в этом случае становятся СМИ, читатели. Ср.:

«Что греха таить, у меня в кабинете появлялись “ходоки”, которые предлагали *продать информацию* – на Западе в ней были очень заинтересованы многие научные центры» (Владимир Губарев, Владимир Котляков. Академик Владимир Котляков: «Когда от любви тают льды...» // «Наука и жизнь», 2008)¹³.

Один из ранних русских примеров калькируемого значения предусмотрительно подается с английским переводом, в отношении выделенных слов – обратным:

«Медиа-бизнес / Media business. Когда к людям приходит горе, постарайтесь хорошенько его *продать* в виде новостей – и будет вам счастье. / When people suffer affliction, try your damndest *to sell* it as news – and their misfortune will be

¹³ НКРЯ, основной корпус.

your good luck» (Подготовила Наталья Кочеткова. Чисто английское убийство // lenta.ru, 17.08.2015)¹⁴. Это русско-английский словарь важнейших понятий в переводе Эндрю Бромфилдом романа Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.». Русские слова принадлежат Пелевину.

Как художественный сатирический прием, которым Пелевин пользуется виртуозно, такое употребление глагола *продать* очень остро и выразительно. Но его повтор в собственной речи русских интеллектуалов стирает уничижительную окраску и вызывает болезненную привыкаемость к этому аморальному и циничному безбрежному расширению товарных отношений. Однако с оговорками типа *якобы* с подчеркиванием фигурального смысла такое употребление вполне допустимо:

«Авторство слухов об уничтожении подразделения российских боевых вертолетов и двух десятков грузовиков принадлежит пропагандистам ИГ (“Исламское государство”, запрещенная в России террористическая группировка. – “Ъ”), которые безуспешно пытались *продать* эту якобы новость около 10 дней назад», – заявил господин Конашенков (Мария Рудницкая. В ведомстве назвали сообщения о потерях пропагандой ИГ // Коммерсант, 24.05.2016)¹⁵.

Прошло достаточно времени, чтобы фразеологические кальки, приведенные С.К. Буличем, могли расцениваться с нормативной точки зрения. Некоторые из них оказались недолговечными, нарушающими норму, уходящими в жаргон декадентов точно так же, как во второй пол. XVIII в. высмеивались и быстро уходили в прошлое кальки щегольского жаргона. Нынешние кальки с английского – одни актуальны и полезны для обсуждения и оценки соответствующего явления, напр., *ядерная война, глубинное государство*, другие остаются принадлежностью *интер-русского* языка [Воробьева, 2009, с. 178] – нынешнего щегольского наречия.

На синтаксическом уровне, наподобие эрзац-слов, возможны эрзац-предложения. Одни усваиваются нашим этикетом и успешно перерабатываются (*Как (Ваши, твои) дела?* – англ. *How are you?* Впрочем, чистая синтаксическая калька (*Ну как Вы (ты)?*) подошла к русской традиции частного общения еще лучше), другие проносятся в СМИ, а вслед за ними и в речи публики, следящей за речевыми «трендами», нарушают русскую традицию неспешного душевного общения. *Берегите себя!* навязывается через СМИ как новая формула прощания на месте формально-этикетного английского *Take care!*, хотя в русской традиции это всегда актуализованное сердечное пожелание родному или близкому дорогому человеку:

«– “*Береги себя, друг мой!*” – сказала она мне, сквозь слезы: – “ты еще так молод!” – И точно я был дитя: мне был только семнадцатый год от роду!» (Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846–1849))¹⁶.

Среди синтаксических калек, не соответствующих русскому культурно-языковому контексту, можно назвать формулу знакомства *Я Иван* (англ. *I'm Ivan*) вместо традиционной безличной *Меня зовут Иваном*. Продолжение реплики

¹⁴ НКРЯ, газетный подкорпус (центральные СМИ).

¹⁵ Там же.

¹⁶ НКРЯ, основной корпус.

Я студент 1-го курса в обоих случаях будет одинаковым, но необходимое указание на неопределенность, выражаемое русским неопределенно-личным предложением, в английском соответствует неопределенному артиклю *a* перед сочетанием со словом *student*. Если заменить русское односоставное на двусоставное по английскому образцу, необходимая ситуативная неопределенность исчезнет вообще, потому что в русском языке неопределенность в морфологии имени не выражается.

Споры об уместности/неуместности заимствований уже сами по себе показывают их положительную или отрицательную роль в развитии русского языка.

Итак, нормативная точка зрения требует выработки языкового идеала, первой чертой которого является «паразитительный консерватизм» [Пешковский, 1925, с. 113]. В этот идеал входит ясность речи [Там же, с. 116].

Выше было сказано о принципиальном отличии перевода от калькирования. В связи с этим слова *сделка* и *продать* (новость) можно только приветствовать как переводные эквиваленты, ясно и точно раскрывающие внутренний образ и способ переноса значений соответствующих английских слов. Но калькирование этих образов зарубежной публицистической речи в русских оригинальных текстах влечет за собой перенос иностранных риторических правил в русское общество, направляя его во всеобщее и безраздельное верховенство коммерции и торговли, где допустимы ловкие трюки менеджмента и маркетинга. В. Пелевин подметил, что трагическое событие при этом становится товаром, на котором можно нажиться. А раз так, значит, такое событие можно и создать. Внедрение таких калек в русскую публицистику вызовет и практические политические решения сомнительного, аморального толка. Качество калек создает новые, не всегда приемлемые ценности. То же можно сказать и об эрзац-слове *новестка*.

Русское словообразование, с одной стороны, захватывает модели с заимствованными формантами, с другой стороны, предоставляет материал для эрзац-слов. В части лексического и поморфемного калькирования оно пересекается с процессом заимствования. Заимствование иностранных слов представляет собой особый способ словообразования с отсутствием исконной мотивации. Вопрос о происхождении слов в лексикологии пересекается, таким образом, со словообразованием. Предлагаемые уточнения терминологии встраиваются в уже существующее основание классификации калькирования по уровням языка: *поморфемное, лексическое, фразеологическое*, наконец, *синтаксическое калькирование* и, соответственно, *поморфемные* и т.д. *кальки*.

Русское говорящее сообщество выделяет из себя гениев словесности, которые подхватывают лучшие узуальные решения, сами составляют слова из исконных морфем, калькируют полезные и выразительные иностранные языковые единицы, высмеивают неудачные кальки; заимствуют одни слова и отказываются от заимствования других, которым находят удачные эрзац-слова. В обязанность языковеда входит не только бесстрастное наблюдение за этими процессами, но и их нормативная оценка с опорой на образцы, созданные мастерами слова.

Список словарей

1. Житецкий П. Словарь книжной малорусской рѣчи. Рукописи XVII вѣка. Кіевъ: Тип. Г.Т. Корчакъ-Новицкаго, 1888. 104 с.
2. Witkowski, Wiesław Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: UNIVERSITAS, 2006. 253 s.

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

Библиографический список

1. Булич С.К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Спб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893. Ч. I. 409 с.
2. Воробьева С.В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2009. № 5 (42). С. 178–186.
3. Демидов Д.Г., Камчатнов А.М. Происхождение двух моделей инфиксального глагольного словообразования в истории русского языка: глаголы на -ать (-ять) и -ивать, -ывать // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 115–124.
4. Добродомов И.Г., Камчатнов А.М. Дериватологические призраки. С. 13–20. URL: <https://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).
5. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования: учебное пособие. Алма-Ата: Казахский гос. ун-т им. С.М. Кирова, 1974. 191 с.
6. Крысин Л.П. Слова-чужестранцы в русском обличье // Русская речь. 2012. № 4. С. 52–57.
7. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Изд. 2-е, доп. М.: УРСС, 2010. 184 с.
8. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: сб. ст. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 109–121.
9. Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке // Русский язык в школе. 1955. № 3. С. 28–35.
10. Keinz, Friedrich Klassik und Romantik // Grundriss der germanischen Philologie. Bd. 2. Deutsche Wortgeschichte. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1974. S. 245–492.

Сведения об авторе

Демидов Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: demidoffs@rambler.ru

CORRELATION BETWEEN PROCESSES OF WORD FORMATION, BORROWING AND LOAN TRANSLATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR EVALUATION

D.G. Demidov (St. Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Loan translation (or calque) and borrowing are considered as specific concepts relative to the generic concept of word formation. The concept of ersatz words is applied to the Russian language. It is at the intersection of original word formation and loan translation. The terms *lexical* and *morphem-by-morphem loan translation* are introduced. In the field of lexicology, there is a zone of intersection with word formation, including the problem of foreign language borrowing. The role of normative evaluation is lowest in native word formation, highest in loan translation, and much higher in foreign borrowing. The new ersatz word *povestka* (English *agenda*), lexical loan translations *sdelka* (English *the deal*), *prodat'* (English *to sell* about information), as well as the etiquette ersatz sentence and syntactic calque are considered and evaluated from a normative point of view. The conditions for the appropriateness and inappropriateness of their use are determined.

The purpose of the article is to develop a consistent correlation between the processes of word formation, loan translation and borrowing, suitable for the historical and normative study of the Russian language.

The material of the article is the resources of the basic and newspaper sub-corpora of the NCRL.

The research methods include historical, comparative, contextual, normative-pragmatic assessment.

The review of scientific literature on the problem takes into account works on word formation, loan translation and borrowings by S.K. Bulich, L.P. Efremov, K. Fleckenstein, N.M. Shansky, Fr. Keinz, G.A. Nikolaev, and L.P. Krysin.

Research results. A variant of ordering the historical concepts of lexicology, word formation, loan translation and borrowing is proposed. They are distributed in ascending order of the required codification effect.

Conclusions. It is required to strictly distinguish between translation practice and unfavorable changes in the meanings of Russian words in the language.

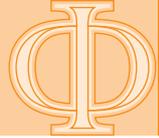
Keywords: *intersection of concept volumes, secondary motivation, lexical calque (loan translation), morphemic calque, ersatz words, ersatz sentence, syntactic calque, normative point of view, mentality, English language, S.K. Bulich, Viktor Pelevin.*

Dictionaries

1. Zhitetsky P. Dictionary of book Little Russian speech. Manuscripts of the 17th century. Kiev: G.T. Korczak-Novitsky's printing house, 1888. 104 p.
2. Witkowski, Wiesław New dictionary of Polish loanwords in Russian. Kraków: UNIVERSITAS, 2006. 253 p.

Sources

NCRL – National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (date accessed: 01.14.2025).

References

1. Bulich S.K. Church Slavonic elements in modern literary and folk Russian language. Part I. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov's printing house, 1893. 409 p.
2. Vorobyova S.V. Grammatical assimilation of the latest Anglicisms in the Russian language // Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Ser. 1. Philology. 2009. No. 5 (42). P. 178–186.
3. Demidov D.G., Kamchatnov A.M. The origin of two models of infixal verbal word formation in the history of the Russian language: verbs in -at' (-yat') and -ivat', -yvat' // Ancient Rus'. Questions of medieval studies. 2019. No. 2 (76). P. 115–124.
4. Dobrodomov I.G., Kamchatnov A.M. Derivatological ghosts. P. 13–20. URL: <https://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf> (access date: 01.11.2025).
5. Efremov L.P. Fundamentals of the theory of lexical tracing (textbook). Alma-Ata: Kazakh state. University named after S. M. Kirova, 1974. 191 p.
6. Krysin L.P. Foreign words in Russian guise // Russian speech. 2012. No. 4. P. 52–57.
7. Nikolaev G.A. Russian historical word formation: Theoretical problems. Ed. 2nd, add. Moscow: URSS, 2010. 184 p.
8. Peshkovsky A.M. Objective and normative point of view on language // Peshkovsky A.M. Collection of articles. Methods of the native language, linguistics, stylistics, poetics. Leningrad: State publishing house, 1925. P. 109–121.
9. Shansky N.M. Lexical and phraseological calques in the Russian language // Russian language at school. 1955. No. 3. P. 28–35.
10. Keinz, Friedrich Classics and Romanticism // Outline of Germanic Philology. German word history. Berlin\$ New York: Walter de Gruyter, 1974. Vol. 2. P. 245–492.

About the author

Demidov, Dmitry G. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e-mail: demidoffs@rambler.ru

УДК 811.131.1

ПРЕДЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ТАКСИСА

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Настоящая статья посвящена исследованию итальянских предложных девербатов, выступающих в качестве средства актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности.

Вопрос таксисной актуализации в итальянском языке до сих пор остается неосвещенным, что обуславливает актуальность и научную новизну исследования.

Целью исследования является описание предложных девербатов как средства таксисной актуализации в высказываниях итальянского языка.

В настоящей работе используется термин *предложный девербатов*, трактуемый как сочетание девербатива с предлогом обстоятельственной семантики.

В фокусе данного исследования – итальянские предложные девербативы, в состав которых входят такие предлоги временной семантики, как *a (al, all’), durante, mentre, prima di, prima che, dopo*.

Материал исследования – высказывания на базе предложных девербатов с темпоральными предлогами – получен методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса.

В составе рассматриваемых предложных девербатов – аффиксальные имена действия на *-aggio, -eggio, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -ura*. При условии сохранения акциональной семантики производящих глаголов и в сочетании с предлогами они проявляют способность к таксисной реализации.

Результаты исследования. В ходе исследования установлено, что итальянские предложные девербативы с темпоральными предлогами *a (al, all’), durante, mentre, prima di, prima che, dopo* выполняют роль таксисных соактуализаторов категориальных значений одновременности, предшествования и следования.

Заключение. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с изучением таксисной актуализации в других романских языках (французском, испанском), в том числе в сопоставительном освещении.

Ключевые слова: итальянский язык, таксис, предложный девербатив, темпоральный предлог, таксисное значение, таксисный соактуализатор, одновременность, предшествование, следование.

Постановка проблемы. В настоящее время в функционально-грамматических и типологических исследованиях недостаточно подробно описываются проблемы речевой актуализации таксисных категориальных значений в романских языках (испанском, французском, итальянском). Исключение составляют работы отечественных языковедов, посвященные вопросам категориальной актуализации таксиса в испанском [Тирадо, 2016; Урсул, 2015],

французском [Аврамов, 2014; Корди, 2009; 2020; Винокурова, Артемьев, 2014; Донченко, 2019; 2020] и итальянском [Бурак, 2018; Говорухо, 2007; Гречаная, 2012; Ивонина, 2024; Киселева, Цулимова, 2019; Гуревич, Жолудева, 2019; Капилупи, Коршунова, 2021; Косинец, Сычева, 2016] языках.

Вопросы таксисной актуализации во французском языке рассматриваются такими отечественными лингвистами, как Г.Г. Аврамов, Е.Е. Корди, Е.В. Донченко [Аврамов, 2014; Корди, 2009; 2020; Донченко, 2019; 2020]. Исследователи Р.Г. Тирадо и К.В. Урсул освещают вопрос структуры и семантики таксиса в испанском языке, в том числе в сопоставительном освещении с русским языком [Тирадо, 2016; Урсул, 2015]. Работа А.В. Киселевой и Ж.О. Цулимовой описывает особенности репрезентации категории таксиса в английском и итальянском языках [Киселева, Цулимова, 2019]. И.И. Косинец и О.В. Сычева проводят сопоставительный анализ реализации таксисных значений английских герундиальных и причастных конструкций в итальянском, немецком и русском языках [Косинец, Сычева, 2016]. М.Ю. Ивонина дает краткий обзор исследований категории таксиса в романских языках, определяя нефинитные глагольные формы как способ таксисной актуализации [Ивонина, 2024].

На материале итальянского языка подробно исследуются грамматические категории глагола (время, наклонение), а также таксисные функции итальянского герундия [Питталуга, 2024; Косинец, Сычева, 2016; Капилупи, Коршунова, 2021; Гречаная, 2012]. Вне поля зрения современных исследователей остается такое прототипическое средство таксисной реализации в итальянском языке, как предложный девербатив, с чем связана научная новизна настоящего исследования.

Методология исследования (материалы и методы). Материалом данного исследования послужили высказывания с предложными девербативами итальянского языка, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (LC)¹.

В работе были использованы метод направленной выборки, а также гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный методы, метод интерпретации и обобщения языковых фактов. С помощью метода направленной выборки было отобрано 200 итальянских высказываний с предложными девербативами с предлогами *a (al, all')*, *durante*, *mentre*, *prima di*, *prima che*, *dopo*.

Результаты исследования и их обсуждение. Целью данного исследования является описание предложных девербативов как средства таксисной актуализации в высказываниях итальянского языка.

В статье используется термин *предложный девербатив*, введенный нами ранее на материале высказываний современного немецкого языка [Архипова, 2020; 2024]. Предложный девербатив – это сочетание отглагольного имени (девербатива) с предлогом обстоятельственной семантики (темпоральной, кондициональной, concessивной, каузальной, финальной и др.).

¹ LC – Leipzig Corpora (Лейпцигский национальный корпус).

В фокусе данного исследования – итальянские предложные девербативы с темпоральными предлогами *a (al, all')* (в), *durante, mentre* (во время, в течение), *prima di, prima che* (до) и *dopo* (после).

Отметим, что в качестве эмпирического материала исследования нами выбраны только такие темпоральные предлоги, как: *a (al, all')* (в), *durante, mentre* (во время, в течение), *prima di, prima che* (до) и *dopo* (после). Они представляют особую лингвистическую ценность для контекста данной статьи, так как характеризуются таксисной функцией, т.е. способностью маркировать таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования, в силу чего эти темпоральные предлоги являются таксисными маркерами в высказываниях с предложными девербативами. Таксисная семантика одновременности, предшествования, следования реализуется лишь при условии сочетания девербативов с данными предлогами. В рамках единого временного периода действия предложных девербативов совпадают или не совпадают (т.е. предшествуют или следуют) с действиями глагольных предикатов.

В состав рассматриваемых предложных девербативов итальянского языка входят девербативы с акциональной семантикой, образованные с помощью следующих словообразовательных суффиксов:

(1) *-aggio, -eggio*: *fissaggio* (фиксация), *glissaggio* (скольжение), *gonfiaggio* (надувание), *blindaggio* (закрепление), *festeggio* (празднование, проведение);

(2) *-izzazione*: *schiaivizzazione* (порабощение), *motorizzazione* (моторизация), *strumentalizzazione* (эксплуатация), *organizzazione* (организация);

(3) *-enza*: *utenza* (использование), *partenza* (отправление), *convivenza* (совместное проживание, сосуществование), *udienza* (слушание), *partenza* (вылет);

(4) *-o*: *ricordo* (воспоминание), *saluto* (приветствие), *invito* (приглашение), *arrivo* (приезд), *passo* (шаг);

(5) *-zio, -io*: *divorzio* (развод); *cambio* (обмен), *mormorio* (бормотание), *borbottio* (бормотание), *calpestio* (топтание), *brontolio* (ворчание), *sventolio* (махание);

(6) *-ta*: *entrata* (вход);

(7) *-zione, -sione*: *operazione* (операция), *preparazione* (приготовление), *persecuzione* (преследование), *applicazione* (применение);

(8) *-ura*: *chiusura* (закрытие);

(9) *-нулевой суффикс*: *commandaro – comando* (от глагола *commandaro*).

Кроме того, ряд итальянских девербативов образуется путем конверсии. В результате конверсии глаголы теряют свой категориальный статус и переходят в отглагольные имена акциональной или конкретно-предметной семантики, например: *dare* (давать, вручать) – *il dare* (долг, вклад, взнос), *dovere* – *il dovere* (долг), *mostrare* (показывать) – *la mostra* (показ, выставка), *visitare* (посещать) – *la vi'sita* (посещение), *lavorare* (работать) – *il lavoro* (работа), *parlare* (говорить) – *parlare* (речь). При сохранении девербативами акциональной семантики производящих глаголов они выполняют таксисную функцию в высказываниях с предлогами.

Итальянские предложные девербативы, актуализующие таксисные значения одновременности. В высказываниях с темпоральным предлогом *a* (*al*, *all'*) реализуются таксисные значения одновременности. Ср.:

(1) *Al loro arrivo*, i soccorritori sono entrati dentro l'appartamento tramite una finestra, che è stata infranta per garantire il celere soccorso (LC). – *По прибытии* спасатели проникли в квартиру через окно, которое было разбито для скорейшего спасения (здесь и далее перевод наш. – И.А.).

(2) *Al suo arrive* è stato accolto da un fragoroso applause (LC). – *По прибытии* его встретили бурными аплодисментами.

В примерах (1–2) предложные девербативы *al loro arrive*, *al suo arrive* выполняют функцию соактуализаторов таксисного значения одновременности (наряду с глагольными предикатами).

Кроме того, для выражения таксисных значений одновременности используются предложные девербативы с временными предлогами *durante* и *mentre*. Ср.:

(3) Lo ha detto l'alto commissario Onu per i rifugiati, Filippo Grandi, *durante una visita a Stoccolma* (LC). – Об этом заявил Верховный комиссар ООН по делам беженцев Филиппо Гранди во время визита в Стокгольм.

(4) L'uomo è indagato anche per aver maltrattato l'ex compagna con parole ingiuriose *durante la convivenza* (LC). – Мужчина также находится под следствием за то, что *во время совместного проживания* оскорблял свою бывшую партнершу.

(5) Suo padre, lo psichiatra Carlo nella sua clinica riuscì a salvare molti ebrei *durante le persecuzioni naziste* (LC). – Его отцу, психиатру Карло, удалось спасти множество евреев в своей клинике *во время нацистских преследований*.

(6) I quattro sono stati arrestati *mentre festeggiavano* i colpi messi a segno (LC). – Четверо были арестованы *во время проведения терактов*.

В приведенных выше примерах посредством предложных девербативов простой и сложной структуры *durante una visita a Stoccolma*, *durante la convivenza*, *mentre festeggiavano* актуализовано таксисное значение одновременности. Предлоги *durante*, *mentre* (как и предлог *a/al*) маркируют одновременность двух соотносимых в высказывании действий.

Итальянские предложные девербативы, актуализующие таксисные значения следования. В высказываниях, содержащих предложные девербативы с темпоральным предлогом *dopo*, реализуются таксисные значения следования. Например:

(7) ... *poco dopo il loro arrivo*, gli agenti hanno notato l'auto in transito (LC). – ... вскоре после прибытия полицейские заметили едущую машину.

(8) *Dopo il suo arrive nel Regno Umano*, ha perso il suo corpo fisico in una missione andata storta (LC). – *После прибытия в мир людей*, он потерял свое физическое тело из-за неудачной миссии.

(9) *Dopo la partenza* sono rimasto intrappolato nel gruppo e sono andato sull'erba alla prima curva finendo ventiduesimo (LC). – *После старта* я застрял в группе и вылетел на траву в первом повороте, финишировав двадцать вторым.

(10) *Dopo la partenza dal piazzale del Vox* il percorso si snoda sul territorio alla riscoperta dei luoghi della Resistenza, a cura di Anpi Nonantola (LC). – После выезда с площади Вокс маршрут проходит через территорию и открывает места Сопротивления, куратором которых является Анпи Нонантола.

В примерах (7–9) употребляются предложные девербативы *poco dopo il loro arrivo, dopo la partenza, dopo la partenza dal piazzale del Vox*. Темпоральный предлог *dopo* в силу своей семантики маркирует таксисное значение следования.

Итальянские предложные девербативы, актуализующие таксисные значения предшествования. В высказываниях с предложными девербативами с темпоральным предлогом *prima (prima di, prima che)* реализуются таксисные значения предшествования. Ср.:

(11) *Per i ritardatari, l'ultimo ingresso sarà consentito fino a un'ora prima della chiusura* (LC). – Для опоздавших последний вход будет разрешен за час *до закрытия*.

(12) *Era riuscito a fuggire prima dell'arrivo dei soccorritori, senza che nessuno l'avesse notato* (LC). – Ему удалось сбежать *до прибытия спасателей*, и его никто не заметил.

(13) *La destinazione resta ignota fino a qualche giorno prima della partenza* (LC). – Пункт назначения остается неизвестным *за несколько дней до вылета*.

В приведенных выше примерах предложные девербативы простой и развернутой (сложной) структуры *prima della chiusura, prima dell'arrivo dei soccorritori, prima della partenza* выступают как прототипическое средство актуализации таксисных значений предшествования.

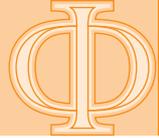
Заключение. Итак, итальянские предложные девербативы, входящие в состав полипропозитивных высказываний, выступают как прототипическое средство актуализации таксисных категориальных значений.

В составе рассматриваемых предложных девербативов – акциональные имена, образованные с помощью таких деривационных суффиксов, как *-aggio, -eggio, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -ura*. При условии сохранения акциональной семантики производящих глаголов и в сочетании с предлогами они проявляют способность к таксисной реализации.

Предложные девербативы с темпоральными предлогами *a (al, all`), durante, mentre* выполняют функцию соактуализаторов таксисных значений одновременности (наряду с глагольными предикатами), а предложные девербативы с предлогами *prima di, prima che, dopo* – разновременности (предшествования и следования).

Библиографический список

1. Аврамов Г.Г. Асимметрия функционирования конstituентов функционально-семантического поля таксиса в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1 (37). С. 15–19.

2. Архипова И.В. Итальянские девербативы сквозь призму категории таксиса // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 4 (305). С. 216–219.
3. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
4. Бурак М.С. Аналитические конструкции с глаголом «делать» в современных испанском и итальянском языках // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 185–190.
5. Винокурова Л.В., Артемьев И.Т. Одновременность процессов, выраженная при помощи неспецифицированных темпоральных союзов // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-4. С. 103–106.
6. Говорухо Р.А. Некоторые типы итальянских и русских временных конструкций и проблема связности текста // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2007. № 5. С. 81–96.
7. Гречаная К.Б. Итальянский герундий как средство выражения зависимого таксиса // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. № 22-2. С. 198–199.
8. Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И. Герундиальные перифразы с глаголом движения в итальянском и португальском языках // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: сб. матер. I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 105–113.
9. Донченко Е.В. Категории таксиса и согласования времен во французском и русском языках // Теоретические и практические аспекты лингвистики, лингводидактики, литературоведения, культурологии, перевода и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / сост. Е.И. Сернова. Астрахань, 2019. С. 12–15.
10. Донченко Е.В. Категория таксиса и анализ аспектуально-таксисных ситуаций в сложных предложениях с атрибутивным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 45–51.
11. Ивонина М.Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82.
12. Капилупи С.М., Коршунова А.А. Проблемы интерпретации категории вида глагола (на материале русского, итальянского и английского языков) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2021. Т. 2, № 1. С. 9–17.
13. Киселева А.В., Цулимова Ж.О. Особенности репрезентации категории таксиса в английском и итальянском языках // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: матер. III Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. ун-т, 2019. Ч. 1. С. 163–170.

14. Корди Е.Е. Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2020. Т. 2, № 16. С. 509–543.
15. Корди Е.Е. Таксис во французском языке // *Типология таксисных конструкций* / отв. ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2009. С. 217–268.
16. Косинец И.И., Сычева О.В. Реализация таксисных значений английских герундиальных и причастных конструкций в итальянском, немецком и русском языках // *Язык и культура (Новосибирск)*. 2016. № 26. С. 125–134.
17. Питталуга Р. Функции *congiuntivo*, *condizionale* и *futuro* в итальянском языке: некоторые замечания // *Homo loquens: язык и культура: сб. науч. ст., докладов и переводов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. СПб., 2024. С. 23–35.
18. Тирадо Р.Г. О категории таксиса в русском и испанском языках // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2016. № 1. С. 90–94.
19. Урсул К.В. Категория таксиса в структуре современного испанского языка // *Вестник университета Российской академии образования*. 2015. № 1. С. 30–34.
20. Урсул К.В. Взаимодействие понятийных категорий внутреннего и внешнего времени при реализации таксисных отношений // *Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Л.К. Раицкой, С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко*. М., 2015. С. 757–767.

Сведения об авторе

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: irarch@yandex.ru

PREPOSITIONAL DEVERBATIVES OF THE ITALIAN LANGUAGE AS A MEANS OF ACTUALIZATION OF TAXIS

I.V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article is devoted to Italian prepositional deverbatives, which act as a means of actualizing the taxis categorial meanings of simultaneity and non-simultaneity. The issue of taxis actualization in the Italian language still remains unexplored, and thus determines the relevance of the study.

The purpose of the article is to describe prepositional deverbatives as a means of taxic actualization in Italian language utterances.

In this paper, the term ‘prepositional deverbative’ is used and interpreted as a combination of a deverbative with a preposition of circumstantial semantics.

The focus of this study is on Italian prepositional deverbatives, which include such prepositions of temporal semantics as *a (al, all’), durante, mentre, prima di, prima che, dopo*.

The research material – utterances based on prepositional deverbatives with temporal prepositions – was obtained by the method of directed sampling from the electronic database of the Leipzig National Corpus.

The prepositional deverbatives under consideration include affixal names of action ending with -aggio, -eggio, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -ura. Provided that the actional semantics of the generating verbs is preserved and combined with prepositions, they show the ability to taxis realization.

Research results. The study found that Italian prepositional deverbatives with temporal prepositions *a (al, all’), durante, mentre, prima di, prima che, dopo* act as taxis co-actualizers of categorial meanings of simultaneity, precedence and succession.

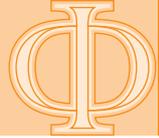
Conclusion. The prospects for further research may be related to the study of taxis actualization in other Romance languages (French, Spanish), including their comparative coverage.

Keywords: *Italian language, taxis, prepositional deverbative, temporal preposition, taxis meaning, taxis co-actualizer, simultaneity, precedence, succession.*

References

1. Avramov G.G. Asymmetry of functioning of constituents of the functional-semantic field of taxis in modern French // *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. 2014. No. 7-1 (37). P. 15–19.
2. Arkhipova I.V. The category of taxis in languages with different structures. Monograph. Novosibirsk, 2020. 173 p.
3. Arkhipova I.V. Italian deverbatives through the prism of the category of taxis // *Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*. 2024. No. 4 (305). P. 216–219.
4. Burak M.S. Analytical constructions with the verb "to do" in modern spanish and italian languages // *Upper Volga Philological Bulletin*. 2018. No. 2. P. 185–190.
5. Vinokurova L.V., Artemyev I.T. Simultaneity of processes expressed by means of unspecified temporal conjunctions // *Bulletin of the Buryat State University*. 2014. No. 10-4. P. 103–106.

6. Gurevich D.L., Zholudeva L.I. Gerundial periphrases with a verb of movement in Italian and Portuguese // *Linguistics, translation studies and methods of teaching foreign languages: current problems and prospects. collection of materials of the I All-Russian scientific and practical conference with international participation.* 2019. P. 105–113.
7. Govorukho R.A. Some types of Italian and Russian tense constructions and the problem of text coherence // *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology.* 2007. No. 5. P. 81–96.
8. Grechanaya K.B. Italian gerund as a means of expressing dependent taxis // *Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities.* 2012. No. 22-2. P. 198–199.
9. Donchenko E.V. Categories of taxis and agreement of tenses in French and Russian // *Theoretical and practical aspects of linguistics, linguodidactics, literary criticism, cultural studies, translation and intercultural communication. Collection of scientific articles. Com. by E.I. Sernova. Astrakhan, 2019.* P. 12–15.
10. Donchenko E.V. The category of taxis and the analysis of aspectual-taxis situations in complex sentences with an attributive clause in French // *Humanitarian Studies.* 2020. No. 4 (76). P. 45–51.
11. Ivonina M.Yu. Non-finite verb forms as a way of actualizing taxis in Romance languages // *Eurasian Humanitarian Journal.* 2024. No. 2. P. 75–82.
12. Kapilupi S.M., Korshunova A.A. Problems of interpretation of the category of verb aspect (based on the material of Russian, Italian and English languages) // *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. Philological sciences.* 2021. Vol. 2, No. 1. P. 9–17.
13. Kiseleva A.V., Tsulimov Zh.O. Features of representation of the category of taxis in English and Italian // *Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education: Proceedings of the III International scientific and practical conference. In 2 parts. Part 1. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University Publishing House, 2019.* P. 163–170.
14. Kordi E. E. Taxis in French // *Typology of taxis constructions / Ed. B. S. Kharkovsky. Moscow: Znack, 2009.* P. 217–268.
15. Kordi E.E. Mental verbs: valence taxis (based on the French language) // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research.* 2020. Vol. 2, No. 16. P. 509–543.
16. Kosinets I.I., Sycheva O.V. Realization of taxis meanings of English gerundial and participial constructions in Italian, German and Russian languages // *Language and Culture (Novosibirsk).* 2016. No. 26. P. 125–134.
17. Pittaluga R. Congiuntivo, condizionale and futuro functions in Italian: some remarks // *Homo loquens: language and culture. Collection of scientific articles, reports and translations of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. St. Petersburg, 2024.* P. 23–35.

18. Tirado R.G. On the category of taxis in Russian and Spanish // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2016. No. 1. P. 90–94.
19. Ursul K.V. The category of taxis in the structure of the modern Spanish language // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. 2015. No. 1. P. 30–34.
20. Ursul K.V. Interaction of conceptual categories of internal and external time in the implementation of taxis relations // World cultural-linguistic and political space: innovations in communication. Collection of scientific papers. Under the general editorship of L.K. Raitskaya, S.N. Kurbakova, N.M. Mekeko. Moscow, 2015. P. 757–767.

About the author

Arkhipova, Irina V. – DSc (Philology), Professor, Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); e-mail: irarch@yandex.ru

УДК 801 + 78 + 659.123

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРИОД НЭПА В КИРГИЗСКОЙ АССР

Р.Ш. Зайнулин (Бишкек, Республика Кыргызстан)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается специфика газетной рекламы на русском языке в Республике Кыргызстан в период НЭПа.

Цель исследования – выявление специфики языка рекламных обращений в начале советского периода в Кыргызстане и в настоящее время через анализ рекламных текстов 1920–1930-х гг.

Материал и методы. Анализируются объявления рекламного либо информационного характера на страницах газет «Батрацкая Правда», «Крестьянский Путь», «Советская Киргизия», хранящихся в настоящее время в Центральном государственном архиве Кыргызской Республики и в Фонде редких и особо ценных изданий Национальной Библиотеки Кыргызской Республики им. А. Осмонова *методами* структурным и синтаксическим.

Результаты и обсуждение. Заказчиками рекламных объявлений выступают органы власти, городские подразделения, частные лица. Объявления носят информативный характер, в них говорится о режиме работы организаций, они могут быть связаны с торговлей и транспортом. Изучены композиция и синтаксис жанра объявлений различного содержания. Рассматриваются характерные черты 1920–1930-х гг. языка, фотомонтажа, полиграфии, рекламной графики в рекламе и книжном оформлении как поликодовом пространстве коммуникации. Авторский вклад заключается в выявлении лингвистических особенностей рекламного текста на русском языке в Кыргызстане по сравнению с рекламными обращениями начала XXI в. Определены характерные черты в синтаксических структурах и лексике рекламных обращений.

Выводы исследования заключаются в констатации более динамичного характера рекламных обращений в настоящее время, большей конкретности и детализации, чем в рекламных текстах 1920–1930-х гг. Значительно отличаются способы формирования образов автора и адресата рекламных обращений.

Ключевые слова: *Киргизская АССР эпохи НЭПа, язык газетной рекламы, жанры рекламы, синтаксис и лексика, поликодовость, креолизованные тексты, сопоставление с современным рекламным текстом.*

Постановка проблемы. Киргизская АО образована 25 мая 1925 г. из Кара-Киргизской АО, а 1 февраля 1926 г. была преобразована в Киргизскую АССР, 5 декабря 1936 г. появилась Киргизская Советская Социалистическая Республика.

Появление периодической печати в Кыргызстане датируется 1913 г., когда представителям прогрессивной русской интеллигенции был основан и издан журнал «Пржевальский сельский хозяин» в объеме 18 страниц тиражом 1 тыс. экземпляров, в котором публиковались материалы сельскохозяйственной темы. После 4 номеров выпуск журнала был прекращен, но в истории Кыргызстана он остался первым печатным изданием.

Цель статьи – выявление специфики языка рекламных обращений в начале советского периода в Кыргызстане и в настоящее время через анализ рекламных текстов 1920–1930-х гг.

Материал для исследования. В 1914 г. в Пишпекке частным издательством начал выпускаться «Пишпекский бюллетень». В нем давались объявления по вопросам купли-продажи, спроса и предложения граждан, публиковались новости, полученные из других источников, материалы о внешней и внутренней политике царской России. В 1916 г. конторой Чуйского водного хозяйства выпущена газета «Телеграфный вестник». Данные издания вскоре были закрыты [Усупов, 2007, с. 6]. В 1918–1919 гг. издавалось периодическое издание «Пишпекский листок».

История профессиональной периодической печати в Кыргызстане начинается с появления в 1924 г. первой национальной газеты «Эркин Тоо». В 1925 г. начался выпуск другой газеты – «Батрацкая Правда» – на русском языке, в 1926 г. – молодежной газеты «Ленинчил жаш» на кыргызском языке. В дальнейшем в Кыргызстане издаются многочисленные газеты, различные журналы [Усупов, 2007, с. 6]. 23 марта 1925 г., в день открытия конференции Кыргызской областной партийной организации в Пишпекке вышел первый номер газеты «Батрацкая Правда». В 1926 г. газета переименована в «Крестьянский Путь», с 1927 г. – «Советская Киргизия», в 1991 г. – «Слово Кыргызстана» [Усупов, 2007, с. 12]. К 1937 г. в республике издавалось 7 республиканских и 38 местных газет. 1 мая 1938 г. вышел первый номер молодежной газеты на русском языке «Комсомолец Киргизии». К 1980-м гг. в республике выходило 8 республиканских, 6 областных, 51 районная, 1 вечерняя городская и 40 многотиражных газет общим тиражом чуть менее двух миллионов экземпляров на киргизском, русском, узбекском и дунганском языках [Князев, 2002, с. 38].

Обзор литературы. Значимой работой по данному периоду является книга Ж.О. Султановой «Первые печатные периодические киргизские издания» [Султанова, 2015, с. 16].

В 1920-е гг. рекламная графика и вообще графический дизайн в целом оказался ведущей областью. Многое вводилось впервые – фотомонтаж в рекламе и книжном оформлении, разработка характерных графических знаков для государственных предприятий («фирменный стиль») и т.д. [Лаврентьев, 2000, с. 235]. Особенно важна работа Э.М. Глинтерник «Реклама в России XVIII – первой половины XX века» [Глинтерник, 2007]. Относительно развития кыргызской периодической печати важна работа Т.А. Шаймергеновой «Развитие киргизской периодической печати и ее роль в социалистических преобразованиях республики (1924–1937 гг.)» [Шаймергенова, 1984].

В своей работе «Агитация и реклама». В.В. Маяковский говорит о необходимости рекламы: «Ни одно даже самое верное дело не двигается без рекламы. Реклама – это имя вещи. Реклама должна напоминать, даже о самой чудесной вещи. Думайте о рекламе» [Маяковский, 1949, с. 57].

Т. Волобуева в статье «Советская реклама 1920–1930-х гг.» говорит о развитии рекламы данного периода: «В период НЭПа реклама стала вновь бурно развиваться. Советская реклама этого периода сумела объединить достижения художников-конструктивистов и традиционные приемы старой русской рекламы» [Волобуева, 2006, с. 18].

С.О. Хан-Магомедов утверждает, что «реклама того времени объединила труды художников-конструктивистов. Конструктивизм формировался в сложных и противоречивых условиях перехода от военного коммунизма к НЭПу. Новая экономическая политика еще больше обострила проблему эстетического идеала различных социальных слоев» [Хан-Магомедов, 1994, с. 34].

К.В. Виноградова, Е.Н. Остапенко утверждают: «Реклама периода НЭПа в России <...> выступала в качестве одного из средств, которые способствовали установлению экономической политики» [Виноградова, Остапенко, 2016, с. 85].

О.О. Савельева в статье «Советская реклама 20-х гг. как средство агитации и пропаганды» утверждает, что «...при правильной постановке вопроса реклама – политическая, социальная, коммерческая – могла, как и писатели, стать социальным инженером» [Савельева, 2006, с. 59].

Современник того времени М.А. Мануйлов в своей книге «Психология рекламы» 1925 г. издания писал про цель рекламы следующее: «Цель рекламы – повлиять на мысль других, выявить их интерес и побудить купить товар. Реклама занимается чтением мыслей тех людей, к которым она обращается и, следовательно, ее основание находится в науке, которая занимается познанием и определением законов мышления» [Мануйлов, 1925, с. 5].

Исследователь Р.Р. Юсупова в статье «Виды советской рекламы в годы нэпа» делает вывод о том, что после прихода к власти коммунистов в 1917 г. произошел постепенный спад объема коммерческой рекламы. «Объяснялось это отсутствием конкуренции между предприятиями, а в период НЭПа <...> рекламное дело имело временный расцвет» [Юсупова, 2011, с. 195].

С официальным прекращением НЭПа и запрета частной торговли в 1931 г. рекламные объявления из газет окончательно исчезают. Так, в газете «Вечерняя Москва» в 1930–1935 гг. нет ни одного рекламного объявления. Публикуются афиши театров и кинотеатров, объявления о премьерах, а также информационные объявления частных лиц (о поиске жилья, утере документов и т.д.) и учреждений. Даже объявления об оказании услуг остаются исключительно информационными по форме [Тарасова, 2018, с. 227–228].

По мнению М.А. Клиновой и А.В. Трофимова, «жанровое разнообразие периодических изданий позволяло соответствовать различным запросам читателей и в то же время формировать эти запросы, а визуальный ряд, представленный в периодике, и сопровождающие его тексты придавали зрительным образам субъектность и релевантность» [Клинова, Трофимов, 2023, с. 6]. В этом контексте особого внимания заслуживают языковые особенности рекламных текстов, которые выполняли не только информационную, но и эмоционально-побудительную функцию.

Ранее автором была рассмотрена специфика текстов печатной рекламы на русском языке в Кыргызстане в начале постсоветского периода [Зайнулин, 2024, с. 28], что позволяет осуществить сопоставление текстов рекламы разных периодов ее развития.

Методы исследования. Структурно-семантический анализ рекламных текстов выявил, что они отличаются уникальными лингвистическими характеристиками, направленными на привлечение внимания и убеждение аудитории. Кроме того, тексты рекламы характеризуются лаконичностью и выразительностью, достигаемыми с помощью стилистических и лингвистических средств.

Результаты и обсуждение. Важной чертой является использование побудительных конструкций и восклицательных предложений, что придает тексту эмоциональность и побуждает к действию. Как отмечено, такие конструкции создают эффект беседы с потенциальным покупателем [Лазарев, Савченко, 2017, с. 36]. Широко применяются тропы и фигуры речи, такие как метафора, гиперболла и каламбур, усиливающие экспрессивность сообщения.

Рекламные тексты отражают культурные стереотипы и ценности общества. Анализ рекламы позволяет выявить отношение носителей языка к различным социальным явлениям, таким как старость или благотворительность [Николаева, Шайхутдинова, 2018, с. 12]. Таким образом, реклама не только информирует о продукте, но и транслирует культурные нормы и традиции.

Указывается, что визуальный ряд рекламных текстов придает субъектность и релевантность представляемым образам, влияя на восприятие аудитории и формируя читательские запросы [Клинова, Трофимов, 2023, с. 6]. Этот аспект подчеркивает важность взаимодействия вербальной и визуальной составляющих рекламы в периодических изданиях того времени.

Учитывая эти особенности при создании или анализе рекламных текстов, важно обращать внимание на их лингвистическую структуру и культурный контекст, что способствует более эффективному воздействию на целевую аудиторию.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, имеющейся литературы по рекламе 1920-х гг. можно сделать вывод о том, что реклама претерпела значительные изменения, которые касались подходов в подаче рекламного материала и в принципах взаимодействия с целевой аудиторией. В представленной статье анализируются объявления рекламного либо информационного характера, которые публиковались на страницах «Батрацкая Правда», «Туркестанская Правда», «Крестьянский Путь», «Советская Киргизия».

Рекламные объявления в газете «Туркестанская правда»: информирование о переносе продажи с публичных торгов: «Отдел Косналогов Сыр-Дарьинского ОБФО объявляет, что назначенная на 12–14 декабря продажа с публичных торгов 7.000.000 штук папирос переносится на 12, 13 и 14 января»¹. Функционирование

¹ Туркестанская правда. 1924. 8 янв. № 5. С. 2.

так называемого «Делового двора» в Воскресенский базар, на котором осуществлялись валютные операции: «...открыт для производства всеми гражданами валютных операций (червонцы, сертификаты, займы и прочее) и коммерческих сделок. Теплым, светлым, удобным помещением можно пользоваться за небольшую плату в течение целого дня. Имеются для всех клиентов и посетителей коммерческого зала специально оборудованный для деловых переговоров телефон, буфет»².

Текст представляет официальный деловой стиль начала XX в. с элементами коммерческой риторики. Используются сложные синтаксические конструкции («открыт для производства всеми гражданами валютных операций»), где «производство» означает «совершение», что характерно для бюрократического дискурса того времени. Лексика сочетает терминологию («валютные операции», «сертификаты», «коммерческие сделки») с персуазивными элементами («теплым, светлым, удобным помещением»). В финале используется маркетинговый прием абонементного обслуживания, отражающий ранние формы рыночной коммуникации в советской деловой практике.

Акционерное общество «Туркестанский шелк» в своем рекламном объявлении заявляет о своей монополии: «...единственный представитель шелктреста на всю Среднюю Азию. Получены большие партии хлопчатобумажной и шелковой мануфактуры»³. Текст сочетает административно-канцелярский стиль («единственный представитель шелктреста») с коммерческой терминологией («большие партии мануфактуры»), подчеркивая монопольное положение компании. Прямая номинация статуса выполняет персуазивную функцию, отражая тенденцию совмещения государственной регламентации с рыночной риторикой. В рекламном объявлении Туркторга ц.с.н.х. заложена информативная часть, которая рекламирует товары, сообщая о событии: «...Прибыла партия шпагата и веревки пеньковой разных размеров»⁴. Используется точная и конкретная лексика, что свидетельствует о фокусе на передаче фактической информации. Синтаксис прост и прямолинеен, что типично для делового стиля, ориентированного на быстрый и ясный обмен сведениями.

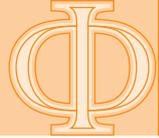
Туркестанская контора «Петроготка» в рекламе обуви делает акценты на цене: «...Получена новая партия изящной обуви “Скорход”. Цены значительно ниже»⁵. Лексика проста и понятна, с использованием конкретного и заманчивого выражения, направленного на привлечение внимания к выгоды предложения. Синтаксис также прямолинеен, что способствует ясному восприятию сообщения и стимулирует интерес потребителя к предложенной скидке. В конце рекламного объявления делается акцентуация о снижении цены.

² Туркестанская правда. 8 января 1924. № 5. С. 2.

³ Туркестанская правда. 25 января 1924. № 19. С. 2.

⁴ Туркестанская правда. 30 января 1924. № 23. С. 2.

⁵ Там же.

Книжный магазин Госиздат рекламирует учебные пособия на разных языках: *«Издания Госиздата – учебные пособия на языках: русском, узбекском, киргизском, туркменском, таджикском и др.»*⁶. Лексика текста ориентирована на точность и функциональность, с акцентом на многоязычии продукции. Выражение *«учебные пособия на языках: русском, узбекском, киргизском, туркменском, таджикском и др.»* демонстрирует ориентированность на многонациональную аудиторию, что характерно для того времени, когда происходило активное развитие регионального образования.

Государственный сельскохозяйственный ремонтный завод госсельсклада НКЗ публикует следующее объявление: *«Ремонтирует: всевозможные сельскохозяйственные машины. Трактора, двигатели, мельницы, маслобойные заводы и другие. Заказ выполняется точно и аккуратно к обусловленному сроку по строго установленным твердым ценам»*⁷. Объявление использует деловой стиль, акцентируя внимание на разнообразии услуг и гарантиях качества (*«точно и аккуратно», «строго установленные твердые цены»*). Лексика конкретна и информативна, что подчеркивает надежность и доступность сервиса. Перечисление городов и методы подачи заказов усиливают организационную ясность и удобство для клиентов.

Рекламные объявления в газете «Батрацкая Правда» – в каждом номере печаталась информация, как можно оформить подписку на газету: *«Открыта подписка на газету “Братская правда”. Условия подписки для городских и иногородних подписчиков: На 1 месяц – 60 коп; На 3 месяца 1,50 коп; На 6 месяцев – 2,80 коп. Для коллективных подписчиков (не менее 15 экземпляров) и деревенских учителей 10 % скидка. Редакция и контора помещаются в здании Обкома РКП (б) (Ташкентская улица)»*⁸.

В газете «Батрацкая правда» в конце газеты размещались объявления разного характера об условиях деятельности организаций, о днях приема граждан, довольно часто размещались городские объявления. К примеру: *«Областной Комитет извещает, что прием по частным делам граждан производится: у председателя Ревкома: по воскресеньям с 10 до 12 час. дня; по вторникам с 10 до 12; по четвергам с 10 до 11. У ответственного секретаря: Ежедневно, кроме среды с 9 до 11 часов утра...»*⁹. Объявление в газете использует формальный и информативный стиль. Лексика акцентирует внимание на деталях графика приема граждан, что важно для организации и планирования взаимодействия с населением. Структура текста проста и логична: указаны конкретные дни и время приема, что способствует легкому восприятию и доступности информации. Синтаксис объявления прямолинейен, что соответствует его административному характеру.

⁶ Туркестанская правда. 23 февраля 1924. № 45. С. 2.

⁷ Туркестанская правда. 1 мая 1924. № 68. С. 4.

⁸ Батрацкая правда. 24 апреля 1925. № 8. С. 6.

⁹ Батрацкая правда. 23 марта 1925. № 1. С. 6.

На страницах газеты встречаются коммерческие объявления, инициаторами которых были не собственники, а государственные органы власти, к примеру, сообщения о начале функционирования организации, которая занимается внешней торговлей: *«Настоящим доводится до всеобщего сведения, что согласно приказа по Народному Комиссариату внешней торговли СССР от 14 апреля 1925 года за № 80, на территории Кара-Киргизской автономной области организовано и приступило к функционированию Кара-Киргизское Областное Управление Народного Комиссариата Внешней Торговли с постоянным местом пребывания в г. Пишпекке»*¹⁰. Текст выполнен в официально-деловом стиле, что подчеркивает его административный характер. Лексика точна и нормативна, акцентирует внимание на законодательной основе создания новой структуры («согласно приказа», «за № 80»). Указание на дату, номер приказа и местоположение управления подчеркивает формальную законность и организованность. Структура текста четкая и логичная, что облегчает восприятие информации о начале функционирования государственного органа.

С 6 июня 1925 г. начала функционировать электрическая станция типографии «Серп и молот». Об условиях получения света свидетельствует публикация: *«Все учреждения и частные лица, имеющие электропроводку для получения электричества должны зарегистрироваться в конторе типографии. Желающие же вновь получить свет должны подать заявление в контору типографии. Заведующий типографией П. Григорьев»*¹¹. Лексика ясна и функциональна, с акцентом на процессе регистрации и получения услуги («должны зарегистрироваться», «должны подать заявление»). Указание на ответственного за организацию процесса («Заведующий типографией П. Григорьев») придает объявлению официальный и авторитетный характер. Структура сообщения логична и прямолинейна, что способствует простоте восприятия.

Объявление от фотографа А. Дрампова: *«Фотография А. Дрампова принимает заказы на всевозможные фотографические работы. Художественное и скорое выполнение заказов. Большой выбор видов Киргизстана/Кошчийная улица»*¹². В данный период времени характерным было то, что объявления фотографов имели именной характер, можно говорить, что формировался личный бренд для более эффективного продвижения услуги. Такие же тенденции с использованием имени в рекламном сообщении можно встретить и у парикмахерских: *«Парикмахерская Ф.А. Весс открыта ежедневно с 8 часов дня до 7 часов вечера. Судейская, против хлебного базара»*¹³. Аналогичный пример с другой парикмахерской: *«Парикмахерская бр. Чернобровкиных открыта ежедневно с 8 ч. утра до 7 ч. Вечера. Судейская улица, рядом с маг. “Туркино”»*¹⁴. В качестве ориентира

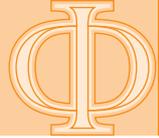
¹⁰ Батрацкая правда. 25 мая 1925. № 15. С. 4.

¹¹ Батрацкая правда. 21 июня 1925. № 21. С. 6.

¹² Крестьянский Путь. 26 апреля 1926. № 64. С. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

используется магазин «Туркино», с одной стороны, это, безусловно, ориентация клиентов по локации парикмахерской, с другой – дополнительное упоминание другой торговой точки в газете.

Магазин готового платья Б. Зелениной и А. Андриевского. *«...Имеется всегда большой выбор всевозможного готового мужского и дамского платья. Изготовление в собственной мастерской. Цены вне конкуренции. Принимаются заказы с точным и аккуратным выполнением. Аламединская, 24. Магазин по Советской ул., против ВТС»*¹⁵. Объявление выполнено в рекламно-информативном стиле, направленном на привлечение внимания покупателей. Лексика акцентирует внимание на разнообразии продукции («большой выбор всевозможного готового мужского и дамского платья»), а также на качестве услуг («изготовление в собственной мастерской», «точным и аккуратным выполнением»). Упоминание о «ценах вне конкуренции» служит для подчеркивания конкурентных преимуществ. Указание на местоположение магазинов способствует облегчению нахождения точек продаж.

Объявления используют официальный деловой стиль с четким и лаконичным изложением информации, акцентируя внимание на расписании и услугах транспортировки. Лексика и синтаксис способствуют точной передаче данных, обеспечивая ясность и информативность для целевой аудитории.

Трест «Кирторгсырье» информирует, что цены снижены *«...с 15-го марта с.г. во всех магазинах и киосках “Кирторгсырье” цены снижены на следующие товары: Мануфактура, Галоши всех сортов и номеров, Цветные мет. изделия, Парфюмерию, Стекло оконное, Силикаты, Шерстяные и полушерстяные ткани, Готовое платье, Электро-принадлежности, Охотничьи принадлежности, Ламповый товар, Эмалирован. посуда, Кондитерские изделия. Цены снижены от 3-х до 20 проц.»*¹⁶. Объявление использует официальную и информативную лексику с перечислением товаров, на которые снижены цены. Структура текста ясная, с акцентом на фактах и конкретных товарах. Тон нейтральный и прямолинейный, что характерно для коммерческих сообщений того времени.

Реклама газеты «Советская Киргизия» использует стратегию усиления своей значимости, подчеркивая высокий уровень аудитории. Текст краткий, прямой и убеждающий, что сообщение достигает множества людей, что повышает эффективность рекламных объявлений в газете.

Объявление о продаже машин: *«Спешно продаются две совершенно новые машины “ундервуд” и “мерседес”. Справиться Дунганская ул. Садовой 56–27 ул. Голунова»*¹⁷. Использование лексем «спешно» и «справиться» в данном контексте подчеркивает срочность и необходимость оперативного действия, что характерно для рекламы тех времен. Такие выражения были типичны для стимулирования покупок, создавая ощущение важности и ограниченности предложения.

¹⁵ Крестьянский Путь. 26 апреля 1926. № 64. С. 4.

¹⁶ Советская Киргизия. 21 марта 1927. № 54. С. 4.

¹⁷ Советская Киргизия. 20 июня 1928 № 18. С. 4.

Реклама о сдаче в аренду помещения: *«Вторник, 8 января 29 года, в 12 часов дня на ст. Пишпек назначаются АУКЦИОННЫЕ ТОРГИ на сдачу в аренду буфета и перронной лавки при станции сроком по 30 сентября 30-го года. Условия аренды буфета лавки можно узнать у нач. ст. Пишпек с 8 ч. до 15 ч. местного времени ежедневно»*¹⁸. В данном рекламном объявлении используются официальные и деловые формулировки, такие как «аукционные торги», «сроком по», «условия аренды», что отражает официальный стиль того времени. Также присутствует акцент на конкретном времени и месте проведения события, что подчеркивает точность и организованность рекламной информации, свойственные деловому обороту 1920-х гг.

Преимущества издательство обещает всем тем, кто оформит подписку на долгий срок: *«Всем годовым и полугодовым подписчикам будут выданы бесплатные приложения “Пятилетка Киргизии”. Решения шестой областной партконференции. Своевременная подписка: гарантия получения газеты без перебоя»*¹⁹. В данном рекламном объявлении используется лексика, ориентированная на создание положительного имиджа подписки: фразы «бесплатные приложения», «гарантия получения газеты» акцентируют внимание на преимуществах для читателей. Включение официальных терминов, таких как «решения шестой областной партконференции», подчеркивает связь с партийной политикой, что было характерно для того времени.

Объявление о приеме подписки на велообязательство с двумя интересными слоганами в тексте «Пешему совет: садись на велосипед» и «Пролетарий – на велосипед – Торопись немедленно»: *«По велообязательству ты получишь в рассрочку велосипед производства московского, пензенского или харьковского заводов. Цена обязательства 160 рублей, слагающаяся из поквартальных, месячных и полумесячных взносов подписчика, с нарастающими процентами в сберкассе из 6 годовых. По оплаченному полностью велообязательству выдача велосипедов будет производиться не позже 30 дней после предъявления обязательства. Прием подписки на велообязательства производится во всех сберкассах и госбанках до 15 июля 1930 года. Пролетарий – на велосипед – Торопись немедленно»*²⁰. В данном объявлении несколько слоганов делают акцент на доступности и срочности предложения. Фразы «Пешему совет» и «Пролетарий – на велосипед – Торопись немедленно» служат не только мотивацией, но и обращением к идеологии того времени, активно использовавшей лозунги для привлечения внимания. Упоминание о рассрочке и процентах указывает на доступность товара.

В 1930-х гг. появляются объявления пятилетки и о том, что нужно подключаться к плановой экономике. Реклама, связанная с НЭП, практически исчезает: *«Пятилетка требует кадров! Нужна миллионная армия шоферов, трактористов, дорожных работников. Учись владеть машиной, строить дороги.*

¹⁸ Советская Киргизия. 8 января 1929. № 4. С. 4.

¹⁹ Советская Киргизия. 28 марта 1929. № 67. С. 4.

²⁰ Советская Киргизия. 29 июня 1930. № 148. С. 4.

Центральный совет автодора открывает заочные курсы. Каждый трудящийся, умеющий читать и писать, может быть слушателем заочных курсов автодора. Срок обучения 9 месяцев. По окончании курсов и прохождения практики – слушателю выдается соответствующее удостоверение, дающее преимущественное право поступления в центральный заочный политехнический институт транспорта, а также на все госкурсы авто-тракторного и дорожного дела (наркомтруда и его органов)»²¹. Лексически объявление ориентировано на привлечение широкой аудитории, т.к. использует призыв к социальной активности, например фразой «Пятилетка требует кадров!». Термины, такие как «миллионная армия шоферов, трактористов, дорожных работников», подчеркивают важность массового вовлечения в экономическое строительство. Акцент на «заочных курсах» указывает на доступность образования для широких слоев населения, что было важным элементом плановой экономики.

Реклама 5-й Всесоюзной лотереи Осоавиахима: «...В продажу выпускается 35.000.000 билетов на сумму 25.000.000 рублей. Все билеты разбиваются на 10 разрядов. Каждый из 10 разрядов имеет свой самостоятельный тираж. Всего 5-й лотерей Осоавиахима разыгрывается 340.872 ценных выигрыша на общую сумму 4.010.000 рублей» (Советская Киргизия. 20 февраля 1931. № 42. С. 4). В лексическом плане реклама 5-й Всесоюзной лотереи Осоавиахима использует точные количественные данные («35.000.000 билетов», «340.872 ценных выигрыша») и подчеркивает масштаб мероприятия. Используемые термины, такие как «самостоятельный тираж» и «ценные выигрыши», создают впечатление важности и значимости лотереи. Структурированность информации и акцент на больших суммах и количествах подчеркивает организованность и официальный характер события, что также соответствует времени плановой экономики.

В объявлениях используется официальный стиль с короткими и четкими предложениями. Лексика строго функциональная, с акцентом на инструкции и обязательства, например «предлагают», «явиться», «иметь». Синтаксис прямолинейен, с ясной организацией информации и использованием инфинитивных конструкций, что придает тексту характер указания и обязательности.

Выводы. В работе проанализированы объявления рекламного и информационного характера, которые публиковались на страницах газет «Батрацкая Правда», «Туркестанская Правда», «Крестьянский Путь», «Советская Киргизия». Во многих объявлениях заложен маркетинговый механизм привлечения клиентов. Функционирование так называемого «Делового двора» в Воскресенский базар, на котором осуществлялись валютные операции. К примеру, акционерное общество «Туркестанский шелк» в рекламном объявлении заявляет о своей монополии, Туркестанская контора «Петроготка» в рекламе обуви делает акцент на цене. Объявление о торжественном открытии воздушного сообщения в Средне-Азиатских Республиках. Объявления коммерческого характера Универсального магазина (Турквоенкоп), который находился в Ташкенте.

²¹ Советская Киргизия. 26 мая 1930. № 119. С. 4.

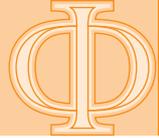
Исходя из лингвистического анализа текстов рекламных объявлений, можно сделать следующий вывод. Структуры предложений имели разнообразные вариации. Лексика строго функциональная, с акцентом на инструкции и обязательства. Лексически объявления ориентированы на привлечение широкой аудитории, использовались призывы к социальной активности. Лексика и синтаксис способствуют точной передаче данных, обеспечивая ясность и информативность для целевой аудитории. Часто используется точная и конкретная лексика, что свидетельствует о фокусе на передаче фактической информации. Синтаксис прост и прямолинеен, что типично для делового стиля, ориентированного на быстрый и ясный обмен сведениями. Все это отражает принципы экономической политики НЭПа, направленные на стимуляцию потребительского спроса и активизацию торговли.

Рекламные объявления в газете «Батрацкая Правда» поделены на различные разделы, в каждом номере печатается информация, на каких условиях и по какой цене можно оформить подписку на газету. В газете «Батрацкая правда» в конце газеты, как правило, размещались объявления разного характера о работе организаций. Объявления рекламного характера зачастую инициировали так называемые тресты. Областное управление государственными аптечными предприятиями и торговли медицинским имуществом Кара-Киргизской Автономной области часто публиковало рекламные объявления на страницах «Батрацкой Правды». При редакции газет «Эрки-Тоо» и «Батрацкая правда» продавались книги, которые также предлагались читателям газет с указанием цен. В исследуемый период характерным было то, что объявления фотографов и парикмахеров имели именную характер, можно говорить, что формировался личный бренд для более эффективного продвижения услуги.

Подробное изучение текстов и смыслов рекламных обращений, динамики их текстовых трансформаций позволит найти лингвокультурологические сдвиги, отражавшиеся в рекламе. Много интересного обещает дать сопоставление исторических изменений в языке рекламы. Подобная работа предстоит в будущем автору данной статьи.

Список источников

- Туркестанская правда. 1924. 8 января. № 5.
- Туркестанская правда. 1924. 25 января. № 19.
- Туркестанская правда. 1924. 30 января. № 23.
- Туркестанская правда. 1924. 23 февраля. № 45.
- Батрацкая правда. 1925. 24 апреля. № 8.
- Батрацкая правда. 1925. 1 мая. № 9.
- Батрацкая правда. 1925. 25 мая. № 15.
- Батрацкая правда. 1925. 21 июня. № 21.
- Крестьянский Путь. 1926. 6 сентября. № 169.
- Крестьянский Путь. 1926. 8 октября. № 197.

- Советская Киргизия. 1927. 27 января. № 9.
Советская Киргизия. 1927. 21 марта. № 54.
Советская Киргизия. 1928. 28 апреля. № 96.
Советская Киргизия. 1928. 20 мая. № 113.
Советская Киргизия. 1928. 8 июня. № 128.
Советская Киргизия. 1928. 20 июня. № 138.
Советская Киргизия. 1929. 8 января. № 4.
Советская Киргизия. 1929. 17 января. № 12.
Советская Киргизия. 1929. 28 марта. № 67.
Советская Киргизия. 1930. 26 мая. № 119.
Советская Киргизия. 1930. 29 июня. № 148.
Советская Киргизия. 1931. 20 февраля. № 42.
Советская Киргизия. 1931. 13 февраля. № 36.

Библиографический список

1. Виноградова К.В., Остапенко Е.Н. Особенности советской плакатной рекламы в период нэпа (1921–1929 гг.) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: матер. XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 85–90.
2. Волобуева Т. Советская реклама 1920–1930-х гг. // Рекламные технологии. 2006. № 4. С. 18–23.
3. Глинтерник Э.М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века. Опыт иллюстрированных очерков. СПб.: Аврора, 2007. 360 с.
4. Зайнулин Р.Ш. Специфика текстов печатной рекламы на русском языке в Кыргызстане в начале постсоветского периода // Сибирский филологический форум. 2024. № 3 (28). С. 28–40. DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-28-40
5. Киргизия // Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004–2017. М.: Большая российская энциклопедия, 2009. Т. 13.
6. Клинова М.А., Трофимов А.В. Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн. Екатеринбург: УрГЭУ, 2023. 335 с.
7. Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек: КРСУ, 2002. 70 с.
8. Лаврентьев А.Н. Лаборатория конструктивизма: учебно-методическое пособие по истории графического дизайна М.: Грантъ, 2000. 256 с.
9. Лазарев В.А., Савченко Е.А. Специфика рекламных текстов и их переводов // Наука и образование сегодня. 2017. № 5 (16). С. 35–37.
10. Мануйлов М.А. Психология рекламы. М.: ГТИ, 1925. 36 с.
11. Маяковский В.В. Агитация и реклама // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Художественная литература, 1949. Т. 12.
12. Николаева А.В., Шайхутдинова Т.Н. Рекламный текст как источник лингвокультурной информации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (197). С. 9–13.

13. Савельева О.О. Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 2. С. 58–69.
14. Султанова Ж.О. Первые печатные периодические Киргизские издания: учебно-методическое пособие / сост. Ж.О. Султанова. Бишкек: КРСУ, 2015. 40 с.
15. Тарасова К.П. Развитие печатной рекламы как речевого жанра на материале российских газет XVIII–XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 225–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-225-230>
16. Усупов С. История кыргызской журналистики: учебное пособие. Б.: БГУ, 2007.
17. Хан-Магомедов С.О. Конструктивизм – концепция формообразования: в 3 т. М.: URSS, 1994. Т. 3. 496 с.
18. Шаймергенова Т.А. Развитие киргизской периодической печати и ее роль в социалистических преобразованиях республики (1924–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1984. 204 с.
19. Юсупова Р.Р. Виды советской рекламы в годы нэпа // Казанская школа связей с общественностью. Казань, 2011. С. 195–200.

Сведения об авторе

Зайнулин Рашид Шамильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью и кафедры международной журналистики; Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Республика Кыргызстан); e-mail: zaynulin_rashid@mail.ru

SPECIFICS OF THE LANGUAGE OF NEWSPAPER ADVERTISING IN RUSSIAN DURING THE NEP PERIOD IN THE KYRGYZ ASSR

R.Sh. Zaynulin (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the specifics of newspaper advertising in Russian in the Republic of Kyrgyzstan during the New Economic Policy (NEP) period.

The purpose of the study is to identify the specifics of the language of advertisements in the early Soviet period in Kyrgyzstan and at the present time through the analysis of advertising texts from the 1920s till 1930s.

Methodology (materials and methods). Using structural and syntactic methods the article analyzes advertisements of an advertising or informational nature on the pages of the newspapers *Batratskaya Pravda*, *Peasant Way*, *Soviet Kyrgyzstan*, currently stored in the Central State Archive of the Kyrgyz Republic and in the Collection of Rare and Especially Valuable Publications of the National Library of the Kyrgyz Republic named after A. Osmonov.

Research results. The customers of advertisements are government authorities, city departments, and individuals. The ads are informative in nature, they talk about the working hours of organizations, they may be related to trade and transport. The composition and syntax of the genre of ads of various content are studied. The characteristic features are considered of language, photomontage, printing, advertising graphics in advertising and book design of 1920s – 1930s as a polycode communication space. The author's contribution is to identify the linguistic features of the advertising text written Russian in Kyrgyzstan in comparison with the advertisements of the early 21st century. The characteristic features in syntactic structures and in the vocabulary of advertisements are determined.

Conclusions. The study states the more dynamic nature of advertisements at the present time, more specific and detailed nature of advertising texts in the 1920s–1930s. The ways of forming images of the author and the addressee of advertisements differ significantly.

Keywords: *NEP era Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic, newspaper advertising language, advertising genres, syntax and vocabulary, polycode, creolized texts, comparison with modern advertising text.*

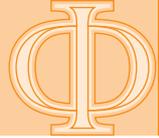
Sources

- The truth is Turkestan / Turkestanskaya pravda. 1924. January 8. No. 5.
The truth is Turkestan / Turkestanskaya pravda. 1924. January 25. No. 19.
The truth is Turkestan / Turkestanskaya pravda. 1924. January 30. No. 23.
The truth is Turkestan / Turkestanskaya pravda. 1924. February 23. No. 45.
The farmhand and his truth. 1925. April 24. No. 8.
The farmhand and his truth. 1925. May 15. No. 9.
The farmhand and his truth. 1925. May 1. No. 15.
The farmhand and his truth. 1925. June 21. No. 21.
Peasant Ways. 1926. September 6. No. 169.
Peasant Ways. 1926. October 8. No. 197.
Soviet Kyrgyzstan. 1927. January 27. No. 9.

Soviet Kyrgyzstan. 1927. March 21. No. 54.
 Soviet Kyrgyzstan. 1928. April 28. No. 96.
 Soviet Kyrgyzstan. 1928. April 30. No. 113.
 Soviet Kyrgyzstan. 1928. June 8. No.128.
 Soviet Kyrgyzstan. 1928. June 20. No. 138.
 Soviet Kyrgyzstan. January 8, 1929. No. 4.
 Soviet Kyrgyzstan. 1929. January 17. No. 12.
 Soviet Kyrgyzstan. 1929. March 28. No. 67.
 Soviet Kyrgyzstan. 1930. May 26. No. 119.
 Soviet Kyrgyzstan. 1930. June 29. No. 148.
 Soviet Kyrgyzstan. 1931. February 20. No. 42.
 Soviet Kyrgyzstan. 1931. February 13. No. 36.

References

1. Glinternik E.M. Reklama v Rossii KhVIII – pervoy poloviny KhKh veka. Opyt illyustrirovannykh ocherkov. SPb.: Avrora, 2007. 360 p.
2. Khan-Magomedov S.O. Konstruktivizm – kontsepsiya formoobrazovaniya. M., 1994.
3. KIRGÍZIYA: [arkh. 6 dekabrya 2022] // Kantselyariya konfiskatsii – Kirgizy. M.: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2009. – (Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: [v 35 t.] / gl. red. Yu. S. Osipov; 2004–2017, t. 13).
4. Klinova M.A., Trofimov A.V. Vizual'nye standarty obraza zhizni sovetskogo gorodskogo naseleniya posle mirovykh voyn: monografiya / Ural'skiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet. Ekaterinburg: UrGEU, 2023. 335 p.
5. Knyazev A.A. Entsiklopedicheskiy slovar' SMI. Bishkek: Izdatel'stvo KRSU. 2002.
6. Lavren't'ev A.N. Laboratoriya konstruktivizma: Uchebno-metodicheskoe posobie po istorii graficheskogo dizayna. M., 2000.
7. Lazarev V.A., Savchenko E.A. The specifics of advertising texts and their translations // Science and education today. 2017. No. 5 (16). P. 35–37.
8. Manuylov M.A. Psikhologiya reklamy. M.: GTI, 1925. 36 p.
9. Mayakovskiy V.V. Agitatsiya i reklama. Poln. Sobr. soch., V. 12.
10. Nikolaeva A.V., Shaikhutdinova T.N. Advertising text as a source of linguistic and cultural information // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2018. No. 8 (197). P. 9–13.
11. Savel'eva O.O. Sovetskaya reklama 20-kh godov kak sredstvo agitatsii i propagandy // Chelovek. 2006. No. 2. Pp. 58–69.
12. Shaymergenova T.A. Razvitie kirgizskoy periodicheskoy pechati i ee rol' v sotsialisticheskikh preobrazovaniyakh respubliki (1924–1937gg.): dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Frunze, 1984.
13. Sultanova Zh.O. Pervye pechatnye periodicheskie Kirgizskie izdaniya: uchebno-metodicheskoe posobie / sost. Zh.O. Sultanova. Bishkek: KRSU, 2015.

14. Tarasova K.P. Razvitie pechatnoy reklamy kak rechevogo zhanra na materiale rossiyskikh gazet XVIII–XX vv. // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No. 2. Pp. 225–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-225-230>
15. Usupov S. Istoriya kyrgyzskoy zhurnalistiki: uchebnoe posobie. B. BGU, 2007.
16. Vinogradova K.V., Ostapenko E.N. Osobennosti sovetskoy plakatnoy reklamy v period neps (1921–1929 gg.) // Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: mat-ly XXVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2016. Pp. 85–90.
17. Volobueva T. Sovetskaya reklama 1920–1930-kh gg. // Reklamnye tekhnologii. 2006. No. 4. Pp. 18–23.
18. Yusupova R.R. Vidy sovetskoy reklamy v gody neps // Kazanskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu. Kazan', 2011. Pp. 195–200.
19. Zaynulin R.S. The specifics of print advertising texts in Russian in Kyrgyzstan at the beginning of the post-Soviet period // Siberian Philological Forum. 2024. No. 3 (28). Pp. 28–40.

About the author

Zaynulin, Rashid Sh. – PhD (History), Associate Professor, Department of Advertising and Public Relations, Department of International Journalism, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (Bishkek, Kyrgyz Republic); e-mail: zaynulin_rashid@mail.ru

УДК 82-31

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МИРА В РОМАНЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «АНГЕЛ СМЕРТИ»

А.В. Александрова (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Художественная проза И.В. Одоевцевой в отечественном литературоведении пока изучена мало. Поэтому анализ ее прозаических художественных произведений представляет научный интерес.

Цель работы – выявить особенности восприятия мира в романе И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Обзор научной литературы по проблеме. Произведен обзор работ, связанных с изучением прозы И.В. Одоевцевой, в основном это исследование мемуарных произведений. Работы, связанные с изучением лирики, в данной статье не рассматриваются.

Методология. В качестве метода были использованы герменевтический и метод интерпретации, которые позволяют системно и детально подойти к проблеме. Материалом анализа послужил роман И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Результаты исследования. В процессе работы выяснилось, что детское восприятие связано с прошлым и ассоциируется исключительно с жизнью в Российской империи; взгляд самого автора на настоящее весьма скептически и отражает жизнь русских эмигрантов во Франции. Эти точки зрения находятся в трагической конфронтации для того, чтобы вызвать эмоции гнева у реципиентов.

Выводы. Раскол связан с политическими событиями в России начала XX в. (захват власти большевиками и смена общественно-экономической формации в стране). И.В. Одоевцева принадлежит к той части писателей-эмигрантов, которые стремились все проблемы списать на 1917 г.

Ключевые слова: *Одоевцева, ангел смерти, русский роман, эмигрантская литература, восприятие мира, литература русского зарубежья, литература первой волны, Люка, Азраил.*

П*остановка проблемы.* Эмигрантская литература, возвращенная литература – особый пласт произведений, так как эти авторы претерпели ряд серьезных жизненных потрясений: разрыв с родиной, потеря имущества, близких, изменение социального статуса и языковой среды. Тем не менее талант не утратился, они продолжали писать, но основа творчества поменялась, так как жизнь стала восприниматься по-другому. Одним из таких авторов была И.В. Одоевцева. Ее произведения в отечественном литературоведении пока еще мало изучены.

Обзор научной литературы. Э.И. Боброва обзорно освещает творчество писательницы, больше обращая внимание на сюжеты [Боброва, 1995]. Мария Рубинс также в целом рассматривает творчество И.В. Одоевцевой, определяя ее место в литературе русского зарубежья [Рубинс, 2011]. Большинство работ связано

с мемуарами «На берегах Невы», «На берегах Сены» [Жулькова, 2022; Кузнецова¹, 2005; Лекманов, 2020; Сонькин, 2020; Якушева, 2012]. Немного статей посвящено рассказам [Петухова, 2020; Цепенникова, 2014]. Есть и другие работы, где творчество И.В. Одоевцевой затронуто эпизодично. Часть статей направлена на изучение поэзии данного автора, однако мы ограничимся рассмотрением прозы. Именно анализ романов И.В. Одоевцевой представляет несомненный интерес для исследования.

Цель работы – выявить особенности восприятия мира в романе И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Методология. Были использованы герменевтический и метод интерпретации, которые позволяют системно и детально подойти к проблеме. Материалом анализа послужил роман И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Результаты и обсуждение. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) рассмотрен мир с точки зрения детского восприятия; 2) рассмотрен мир с точки зрения автора, как сама И.В. Одоевцева нам его показала; 3) выявлено, какими художественными средствами пользовался автор, описывая явления мира; 4) определены причины трагического раздробления мира в романе И.В. Одоевцевой «Ангел смерти». Данная тема рассматривается впервые. Результаты работы могут быть использованы в процессе преподавания на филологических факультетах.

Детское восприятие мира. Швейцарский философ и психолог Жан Пиаже считал, «что на первом этапе мышления (4–6 лет) ребенок думает, что неодушевленные предметы и природные явления обладают сознанием, психикой и душой и что они живут так же, как и люди. Пиаже называет это явление анимизмом» [Шербаева, 2021]. И.В. Одоевцева использует эту особенность детского восприятия, когда рисует эпизоды из раннего детства главной героини. Пятилетняя Люка (Людмила), заглядывая на кухню, обнаруживала, что вода в чайнике «булькала неприятно и насмешливо» [Одоевцева, 2022, с. 38]. Четырнадцатилетняя девушка во время болезни опять начинает воспринимать мир по-детски: «стол горбится и хихикает, стулья подбегают к самой постели и шаркают круглыми тонкими ножками» [Одоевцева, 2022, с. 27]. Она влюблена, и ей кажется, что это не болезнь, а горе приводит ее к плохому самочувствию, так как любимый человек уехал. Люка боится чем-нибудь выдать свою тайну, оттого-то ей и грезится, что вещи (они все про всех знают) смеются над ней. Писательнице важно показать, несмотря на то, что в начале романа мама говорит своей младшей дочери, что та стала взрослой, душа Люки продолжает оставаться детской. На этом противоречии и основан сюжет романа.

Ж. Пиаже отмечал: «Чем больше ребенок отрицает существование своих мыслей, тем больше он дает жизни и интеллекта каждому объекту, с которым

¹ Кузнецова А.А. Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005. 18 с.

сталкивается...» [Обухова, Бурменская, 2001]. Люка не имеет возможности высказаться, она постоянно скрывает свои мысли, так как ей не с кем общаться. Мать поглощена бытовыми проблемами, старшая сестра живет исключительно в рамках собственного «я» (достаточно эгоистичного и агрессивного), одноклассницы – более низкого интеллектуального уровня. Именно поэтому невысказанные мысли скапливаются внутри, образуя особый внутренний мир.

Этот мир во многом схож со сказкой. В.А. Сухомлинский в работе «Сердце отдаю детям» писал: «Сказка неотделима от красоты, способствует развитию эстетических чувств, без которых немислимо благородство души, сердечная чуткость к человеческому несчастью...» [Сухомлинский, 2024, с. 197]. Благородство души у Люки есть. А вот с сердечной чуткостью сложнее – она не может разобраться, что есть счастье, а что – нет. Она пока еще не совсем отчетливо понимает, что хорошо, а что плохо. Отца нет, а матери некогда заниматься ее воспитанием. Поэтому девушка сама по своим правилам строит сказочную вселенную, имеющую кое-где точки соприкосновения с реальностью. Например, когда ее не берут на бал, то она все равно там присутствует в своем воображении: надевает туфли сестры, которые от нее спрятала, и кружится в танце по комнате. Ей весело, она королева бала. Несправедливость в этом настоящем мире исправлена в другом, воображаемом.

Автор нам подсказывает, на каких сказках воспитана главная героиня, это сказки Андерсена. Но не только – кухарка Аксинья раскрывает перед ней яркие образы русского народного фольклора. В.А. Сухомлинский отмечал важность соприкосновения с народным творчеством: «Сказка воспитывает любовь к родной земле уже потому, что она – творение народа» [Сухомлинский, 2024]. И любовь к России у Люки есть, она наполняет все ее существо, она является основой ее вселенной. Это далекий таинственный мир – мир ее детства. Там, в Петербурге, мама собиралась на бал подобно сказочной принцессе, там «все белое, и все сияет... Солнце сияет, сияет гранит, сияет прозрачный голубой лед. И по голубому льду скользят маленькие легкие эльфы» [Одоевцева, 2022, с. 15–16]. И один из этих эльфов, темноглазый Арсений, признается ей в любви. Мы видим, как свободно детское воображение соединяет действительность со сказкой. Но даже в этот прекрасный сияющий мир врывается страшная жизнь. Кухарка говорит, что черти перевелись, зато теперь вместо них появились большевички. Это они расстреляли папу Люки и Веры. А вместо чудесного эльфа уже за границей рядом окажется ловкий альфонс.

Уезжая из России навсегда, пришлось расстаться с маленьким ангорским котенком Ступкой – это Люкина собственность, но взять его с собой не разрешили. Охваченная тревогой за судьбу котенка, девочка приходит к радикальному решению – лишить его жизни, чтобы не достался никому. На чердак, где она повесила Ступку, залетел голубь, но ей показалось, что это ангел смерти прилетел за душой ее маленького друга. И она счастлива – котенок пристроен, он в надежных руках. Так у нее появился еще один друг – ангел смерти Азраил, он стал частью

внутреннего волшебного мира, а потом начал незаметно сливаться с призрачным эльфом Арсением.

Азраил имеет демоническую природу. И само имя Азраил, и сам образ ангела смерти взяты у М.Ю. Лермонтова, об этом открыто говорится в романе (Люка пытается вспомнить его стихи). В демоне поэт видит «трагедию не столько в том, что он отвергнут Богом и обречен на одиночество, а в том, что в его душу вошло зло и стало управлять им» [Чанкаева, 2010]. Здесь мы видим его двойную натуру: он притягивает и пугает. Точно так же, как у М.Ю. Лермонтова, демон навеивает зловещие сны, толкает человека на роковой путь. Например, в опустевшей комнате после отъезда Веры Люке привиделся кот Васька, который не реагирует на пламя свечи, у него стеклянные глаза, как тогда у Ступки. Это Азраил подает свой знак. Мысли о взрослой жизни (грязной, пугающей) наполняют ее детскую душу после свадьбы старшей сестры Веры и выливаются в такой сложный образ: Васька – Ступка – Азраил. Ей долго потом чудилось, что Васька-Азраил, запертый на кухне, ходит, освещенный лунным светом.

Ночь, холодный всепроникающий лунный свет – хронотоп присутствия в нашем мире потустороннего. Именно лунный свет объединяет два образа – Арсения и Азраила. В части 3, главе 2 приход Арсения Николаевича предваряется появлением ангела смерти, и это очень символично. Демоническая природа проникает все больше и больше в образ Арсения. Тревожные сны снятся не только Люке, но и Вере. Перед свадьбой она чувствует себя маленькой девочкой, дурачится, шалит с младшей сестрой, как ребенок, а ночью ей снится сон, предвещающий беду.

В Евангелии сказано, что «устами младенца глаголет истина» (Мф. 21:16). С одной стороны, это означает, что дети не могут врать, а с другой – что они погружены в подсознательное лучше, чем взрослые, и им открыто будущее. Это и происходит с Верой, она начинает смотреть на происходящее глазами ребенка, подключаясь к области бессознательного. Просыпаясь, она сама расшифровывает приснившиеся образы: «В церкви быть – к несчастью, и с горы бежать плохо» [Одоевцева, 2022, с. 64]. Икона, которую во сне она украдала в церкви, превращается в часы, а это символ скоротечности жизни. «Дождь в день свадьбы – хорошее предзнаменование», – решает Вера, глядя в окно. А почему к хорошему – в произведении не указывается. Если обратиться к фольклорным источникам, то это к рождению ребенка. Все, что будет с ней после вступления в этот брак, открыто. Остается только решать: надо или не надо делать этот шаг. Невеста в последнюю минуту колеблется, хочет отказаться, но вспоминает, что она взрослая и так дела не делаются. Таким образом, совершается непоправимая ошибка.

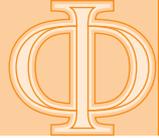
Люка больше доверяет своему подсознательному, вернее, иначе не может осмысливать этот мир, но понятия «добра» и «зла» для нее пока еще не совсем ясны, окончательно поможет в них разобраться только жизненный опыт. Однако у нее уже есть некоторые принципы, которые она готова отстаивать, если на то пойдет, даже кулаками.

Авторское восприятие мира. Репрезентация мира И.В. Одоевцевой сильно отличается от детских грез. Этот мир груб и жесток. Франция очень не похожа на царскую Россию, откуда эмигрировала семья Вишневы. Люка – единственная русская девочка во французском лицее, но учится лучше всех. И дело тут вовсе не в том, что за нее платят деньги, как говорит злая Вера, а просто на родине был другой подход к обучению. Остальные дети не считают нужным учить уроки. Одноклассница Ивонна готова дать два су святому Антонию, чтобы ее не вызвали к доске.

Французские подростки развращены, это выясняется из разговоров Ивонны и Жанны. В отличие от них, Люка не интересуется пошлостями, она даже закрывает уши, чтобы не слышать подобные разговоры. Ее внутренний мир наполнен романтическими грезами о возвышенном счастье с Арсением, которого она сама себе придумала. Он единственный ее утешитель, к нему она тянется, туда, в чудесную сказку, от этой страшной и неприглядной реальности. Ее любовь к Азраилу вдохновенна и возвышенна, в отличие от ее одноклассниц, которые с восторгом воспринимают развязного Поля. Люке подобные типы кажутся омерзительными. Русская девушка воспитана не так, как француженки, ее идеалом становится герой стихов М.Ю. Лермонтова. И она готова постоять за свой прекрасный мир. Так, в лицее вспыхивает драка между ней и Ивонной. Можно сказать, что это своеобразная дуэль. Люка отстаивает свое право на чистое детство и побеждает.

Но реальный мир стал не намного лучше. В метро те же надоевшие рекламы: гуси клюют паштет из гусиной печени и нахваливают еду. «Глупые утки. Безнравственная реклама», – пишет И.В. Одоевцева [Одоевцева, 2022, с. 30]. В семье сложные отношения. Между сестрами дружбы нет. Вера часто оскорбляет Люку, называя ее «змеенышем». Когда она выгоняет младшую сестру из их общей комнаты, то та рада, что будет спать с мамой. «С мамой можно поговорить, мама не облает, как Вера», – думает Люка [Одоевцева, 2022, с. 36]. Но поговорить и с мамой тоже не удастся. Люку тревожат всякие жуткие газетные статьи об убийствах, расчленении тел, а маме, уставшей за день, просто хочется спать. Позже об этом она попытается рассказать Жанне, но та от нее отмахнется. Включая в повествование подобные эпизоды, И.В. Одоевцева показывает, что жизнь вокруг – штука опасная.

Когда мама говорит ей, что она взрослая, Люка думает: «Значит, конечно детство. Что ж, и слава богу. Не жалко. Это все выдумки про “золотое детство”» [Там же, с. 9]. Люка не любит вспоминать о России. «Так больно. Так грустно...» [Одоевцева, 2022, с. 15]. Но она хранит эти воспоминания глубоко в душе. Переехав за рубеж, семья вовсе не обретает рай. Идет напряженная борьба за место под солнцем. Живут они бедно: Екатерина Львовна глядит на младшую дочь, на то, как она вытянулась и озабоченно думает, неужели придется новое пальто шить? Старшая Вера – девушка на выданье, но женихов нет, «французы

не женятся без денег» [Там же, с. 14]. А про Арсения Николаевича, который всегда оказывается рядом, ходят слухи, что он альфонс, живет за счет старой американки. Но Вера считает это сплетнями.

Взаимоотношения в семье непростые, поскольку в своей собственной матери Вера видит соперницу (скорее всего, не напрасно, ей тоже хочется устроить свою жизнь). Но здравый смысл, забота о дочерях всегда берут верх в поступках этой женщины. Однако Вера на всякий случай ей не доверяет. Она вообще старается отстраниться от своих близких, так как замыкается на любви к Арсению. Екатерина Львовна говорит старшей дочери: «Странная ты. Такая ласковая, а сердца настоящего у тебя нет, и никого ты не любишь. Как кошка» [Одоевцева, 2022, с. 60]. Об этом же ведет речь пожилая дама, бывшая подруга Владимира Ивановича, за которого собралась выходить замуж Вера: «Какая вы черствая. У вас вместо сердца камень» [Там же]. Вере же нет до нее никакого дела ни сейчас, ни тогда, когда выяснится, что несчастная женщина сделает попытку отравиться. Она поняла, в чем суть жизни, – это деньги, а у Владимира Ивановича они есть. Когда он подарит ей дорогую беличью шубу, Вера решит, что нужно принять его предложение. Меркантильность в ней берет верх над простыми человеческими чувствами. А любовь отдана Арсению. Он вовсе не против Веринаго брака, считая, что можно оставаться любовниками. Вера гордо выгоняет его, но потом, как увидим, драма будет разыгрываться по законам этого грязного мира. Молодая девушка не сможет жить с нелюбимым стариком и вновь окажется вместе со своим возлюбленным.

Автор романа показывает Арсения как человека с черными блестящими глазами, черными блестящими волосами, блестящими зубами – безжизненным, лишенным человечности. Всегда внешний блеск, и никогда никаких душевных качеств. Благодаря этому блеску и черному цвету Люка соединяет его образ с Азраилом, а его имя, в свою очередь, связано с эльфом Арсением. Так для подростка происходит соединение двух миров в одной точке. Но альфонс Арсений принадлежит только реальному миру, он полностью порожден им. После того как беременная Вера переезжает с остальными близкими на дачу, он поселяется рядом. Люка, рассматривая его дачу, считает, что «все здесь совсем особенное, влюбленное, бесстыдное» [Одоевцева, 2022, с. 101]. Это в том числе и взгляд автора на жилище молодого человека. Девушка влезает в окно – внутри ничего особенного: «Буфет с пестрыми тарелками. У стульев высокие спинки. На стене заяц из папье-маше. Неинтересно». Какого-то скрытого удивительного внутреннего мира у Арсения не обнаруживается. А вот на письменном столе найдены четыре десятифранковые бумажки. «На сорок франков можно много сделать» [Там же], – и деньги автоматически зажимаются в кулаке. Этот реальный мир уже кое-чему научил Люку, правда, обнаружив в ящике любовное письмо (ей кажется, что именно она его адресат), девушка возвращает деньги. Так что автор показывает нам грязный и пагубный мир, в котором оказались русские эмигранты.

Художественные средства, используемые автором. Рассмотреть художественные средства, которые применяет И.В. Одоевцева, очень важно, поскольку с помощью них формируется представление автора о мире:

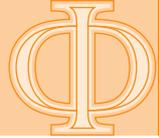
«Картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, отборе используемых языковых средств» [Попова, Стернин, 2007, с. 8].

Описывая воспоминания о жизни в России и сны Люки, автор применяет сравнения, характерные для сказочно-волшебного и детского восприятия мира. «Маленькая круглая розовая луна катилась сквозь тучи, как детский мячик», «Чулки, как змеи, свернулись на коврике» [Одоевцева, 2022, с. 7]. «На кровати бархатное темно-красное платье, длинный хвост его, как хвост дракона, извивался на ковре», «Как две маленькие испуганные птицы, бронзовые тувельки» [Одоевцева, 2022, с. 19]. «На постели, как гора битых сливок, лежит белое тюлевое платье» [Там же, с. 20].

Когда автор возвращает Люку в реальность, то сравнения показывают неуютность, неправильность окружающей действительности: «полосы [обоев] как прутья клетки». А далее следует подтверждающая метафора: «Люка чувствует себя птицей, запертой в клетке» [Одоевцева, 2022, с. 54]. Образ птицы неоднократно применяется именно к Люке, например: «В горле что-то бьется, как пойманная птица» [Там же, с. 12]. Страх и тревожное настроение создают сравнение и олицетворение: «Полосатое кресло в углу кажется гвианским каторжником. Притаился, присел на корточки, ждет, чтобы прыгнуть с ножом на горло» [Там же, с. 36]. Способствуют этому настроению и эпитеты: «узкий зеленоватый луч уличного фонаря», «уличные тени, расплывчатые и смутные, скользят по темному стеклу» [Там же, с. 37].

Эпитеты, связанные с лицейской жизнью, такие как «темноватый класс», «очкастый учитель», «курносая толстая Ивонна» [Одоевцева, 2022, с. 30], указывают на то, что тема просвещения снижена.

Сравнения, используемые Верой по отношению к сестре, отражают негативное отношение к ней: «держишь голову, как цирковая лошадь» [Одоевцева, 2022, с. 10], «танцуешь, как слон» [Там же, с. 18]. Сама Вера «похожа на самоеда в халате с капюшоном» [Одоевцева, 2022, с. 9]. Здесь писательница умело использует многозначность слова. С одной стороны, капюшон напоминает одежду народов севера, которых прежде называли «самоедами». С другой – «самоед» – это человек, который сам себя разрушает изнутри постоянным недовольством. Еще характерное для Веры сравнение в самом начале романа: «Вера кажется мертвой» [Одоевцева, 2022, с. 7]. Затем на протяжении всего произведения это ощущение будет усиливаться, пока не превратится в трагический эпизод. Когда идут приготовления к свадьбе, закупают приданое, Екатерина Львовна говорит старшей дочери: «...надо было розовое одеяло купить. А то лиловое совсем, как гроб» [Одоевцева, 2022, с. 57]. Запах цветов напоминает ладан – все сравнения связаны с гибелью.

Эпитет «блестящий» по отношению к внешности Арсения, сравнение «волосы как лакированные» [Одоевцева, 2022, с. 20] делают его больше похожим на манекен, чем на человека. Эпитет «черный» сближает его с Азраилом. Но природа его вполне земная. Описание дачи, где он проживает, позволяет раскрыть истинную суть этого персонажа. «Сад маленький, весь в цветах. Ни дерева, ни куста. Только зеленая трава и цветы» [Там же, с. 100]. С цветами еще в начале произведения сравниваются представительницы прекрасного пола: «женщины в белых и розовых платьях издали похожи на кусты цветов, над ними, как бабочки, мелькают маленькие пестрые зонтики» [Там же, с. 11]. Все это говорит о его непостоянстве в любви. Правильность наших интерпретаций подтверждается сравнением: дача «густо розовая, как земляничный пирог» [Одоевцева, 2022, с. 100]. Этот троп можно осмыслить как жажду Арсения ухватить свою долю праздничного пирога жизни. Зачем он приехал на дачу? Вера отправляется за город дышать свежим воздухом, что в ее положении полезно. Арсений здесь, чтобы быть рядом с Верой, которая, судя по всему, лучше, чем старая американка.

Цветы, пирог – атрибуты праздника. Именно праздный образ жизни ведет Арсений. Он не настоящий мужчина, он альфонс, тот, кто живет за счет женщин. Отсюда и ощущение бесстыдства от его дачи, которое трудно скрыть. Сделав ребенка Вере, он, скорее всего, собирается в будущем заняться шантажом, вымогать деньги, ведь ее муж богат.

Предположение о том, что не любовь удерживает его возле Веры, подтверждает то, что от нее у него есть секреты. Когда Люка говорит, что прочла письмо из ящика стола, то он убежден, что теперь она все знает, и требует, чтобы Люка никому об этом не говорила, даже Вере. Арсений имеет в виду явно не то недописанное письмо, о котором думает Люка. Когда же он разобрался, в чем дело, когда понял, что Люка в него влюблена, то решил тут же воспользоваться наивностью подростка. Девушке опять видится Азраил. Это не что иное, как символ полового созревания. Отношение автора к данному персонажу выражается через эпитеты: когда Арсений изменяет Вере с ее сестрой, глаза у него «шалые и подлые» [Одоевцева, 2022, с. 112]. Смерть Веры он перекладывает на плечи Люки. «Это из-за вас, из-за вас», – говорит он сквозь зубы [Там же, с. 13]. Она же сразу после этого теряет к нему интерес. И даже не отвечает на его вопрос о ребенке. Никакого ребенка нет. Дети – это всегда олицетворение будущего. У Веры нет будущего, оно бы не сложилось ни с Арсением, ни с Володей, везде тупик. Именно поэтому перед смертью Вера говорит: «Я не могу. Какая жестокая жизнь, как несчастны люди. Мне жаль, жаль. Всех жаль» [Одоевцева, 2022, с. 110]. Эти слова роднят ее с героями произведений А.П. Чехова, которые тоже жалуются на неправильно устроенную жизнь. Например, Ермолай Лопухин из пьесы «Вишневый сад»: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь» [Чехов, 2020, с. 232].

На страницах этого романа мы встречаемся еще с одной аллюзией в четвертой части третьей главы, когда Вера поет, а младшая сестра, принарядившись, сидит в комнате и ждет свидания с Арсением. «Люка слушает, прижав руки к груди, и вдруг все забывает: свое ожидание, и свое волнение, и то, что ей предстоит этой ночью. Как хорошо поет Вера. Как хорошо...» [Одоевцева, 2022, с. 103]. Эта сцена отсылает нас к роману-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» (т. 2, ч. 1, гл. XV), когда Николай Ростов проиграл в карты Долохову большую сумму, и, придя домой, услышал пение сестры Наташи. «И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы... Эх, жизнь наша дурацкая! – думал Николай. – Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба и честь, – все это вздор... а вот оно – настоящее...» [Толстой, 2022, с. 72].

Помимо Азраила и ребенка, в произведении есть еще образы-символы. Белый ангорский котенок – символ чистоты, детства. Он не переехал во Францию. Все, что он олицетворяет собой, осталось навсегда в России, в той России, которой уже нет, поэтому гибель котенка символична и неизбежна.

Дерево и небосвод всегда ассоциировались с трансцендентными силами. Так, темные ели и кусок голубого неба, которые видны из окна квартиры, где поселились русские эмигранты, – это символы бренности земного существования и вечности потустороннего.

Эльф Арсений – символ романтической, возвышенной любви. Именно с ним сначала соединяет Люка образ реального Арсения, но потом его заменяет Азраил, символ любви земной, греховной. В заключительном эпизоде, когда молодой человек пришел в церковь проститься с бывшей возлюбленной, Люка видит его «черные блестящие глаза» и «за плечами огромные черные крылья» – это лермонтовской Азраил, коварный ангел смерти.

Заяц на стене в дачном доме Арсения – символ сексуальной энергии, бьющей через край. Все предсказуемо, нужно только уметь видеть, но все поглощены своими проблемами или, как Люка, пребывают в наивном неведении.

Таким образом, произведение буквально насыщено разнообразными художественными средствами.

Причины трагического раздробления мира. В романе «Ангел смерти» мы наблюдаем раскол между мечтой и действительной жизнью. То, что должно быть реальностью, – богатая счастливая жизнь в России – перешло в область недостижимой мечты. Той России больше нет. Но воспоминания остались. Не случайно автор показывает, как вечерами, когда к Вере приходил Владимир Иванович, они вели нескончаемые разговоры об утраченной родине. А значит, они не смирились с потерей, в душе у каждого поселилась обида. Екатерина Львовна осталась без мужа, она красивая, моложавая, но никому не нужна. Она с трудом сводит концы с концами, на ее попечении двое детей. Вера вынуждена выйти замуж за пожилого нелюбимого человека – безденежье и шаткое положение в обществе замучило, хочется твердой почвы под ногами. Люка не получает должного внимания со стороны членов семьи, так необходимое подростку (семья неполная, отца убили),

каждый занят своими проблемами. Она самостоятельно пытается разобраться в жизни, совершая ошибки. Французское общество поражает своей безнравственностью. Люка, пытаясь вписаться в него, делает свои умозаключения. Например, что если денег нет, то можно и украсть (эта тема в данном произведении И.В. Одоевцевой только намечена, но в других хорошо раскрыта). Или такой вывод: богатых нужно уважать.

Но кто виноват во всех бедах этих людей? Те, кто заставил их эмигрировать, кто расстрелял главу семьи, кто лишил их высокого статуса и материальных благ. Автор дает четкое название виновника – это большевики. Название «Ангел смерти» можно рассматривать не только в применении к конкретному персонажу из грез Люки, но и в более широком масштабе, когда под «ангелом смерти» можно подразумевать захват власти большевиками, смену общественной формации, превращение Российской империи в СССР. Эти перемены пролетели над всей страной, и огромные черные крылья унесли тот знакомый уютный мир раз и навсегда. Той России больше не будет, а новая страна И.В. Одоевцеву не интересует. Она жаждет возвращения прежней Родины и прекрасно понимает, что ее вернуть невозможно. Но смириться с этим фактом не может. Вот самая главная причина раскола.

Заключение. Мир в романе И.В. Одоевцевой «Ангел смерти» показан разнолико и многогранно. С одной стороны, это детские грезы о сказочно-прекрасной России, это разговоры о том, как в России хорошо. И в то же самое время четкое осознание того, что все это в прошлом. Та чудесная страна, которую знали герои-эмигранты, в которой имели высокое положение в обществе, богатство, широкие перспективы, рухнула. Оказавшись за рубежом, герои вынуждены вести борьбу за существование. И здесь уже другой взгляд на мир – реалистичный. Кто-то остался верен воспитанным с малых лет идеалам, как Екатерина Львовна, которая всю себя посвящает семье. Кто-то приспособился к ситуации, как Вера, которая вышла замуж за пожилого Владимира Ивановича только потому, что у него водились деньги. Кто-то не брезгует ничем, потеряв честь и совесть, лишь бы ухватить кусочек счастья, как Арсений. Кто-то лишился золотого детства и оказался беззащитным и одиноким в водовороте жизни, как Люка. У каждого из них свой взгляд на мир, своя жизненная правда. Но есть еще и взгляд автора – всезнающий и строгий взгляд. Именно автор показывает разницу жизни в потерянной России и обретенной Франции, причем не в пользу последней. Взгляд И.В. Одоевцевой полон горечи, отсюда и смерть Веры, и потеря ребенка, и безнравственный поступок Арсения, и беспринципное вовлечение во взрослую жизнь подростка Люки. Контраст взглядов на мир (грезы и реальность, там и здесь, тогда и сейчас) вызывает у читателя чувство несправедливости, трагизма происходящего. Причем трагизм передается читателю для того, чтобы вызвать негодование и обрушить его на виновников всех бед – большевиков. Именно таков главный посыл данного романа. Однако каждый из героев произведения содержит в себе внутренние противоречия, к которым большевики не причастны. Попытка же объяснить все свои проблемы исключительно 1917 годом стала трагедией части русской эмиграции.

Библиографический список

1. Боброва Э.И. Ирина Одоевцева: поэт, прозаик, мемуарист. М.: Наследие, 1995. 156 с.
2. Жулькова К.А. Специфика функционирования художественной детали в мемуарах Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2022. № 1. С. 49–61. DOI: 10.31249/lit/202.01.03
3. Лекманов О.А. «Жизнь прошла. А молодость длится...». Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. 864 с.
4. Обухова Л.Ф., Бурменская Г.В. Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии. М.: Гардарики, 2001. 622 с.
5. Одоевцева И. Елисейские поля: романы, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. 832 с.
6. Петухова А.И. Мотив счастья в рассказах Ирины Одоевцевой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 3. С. 94–100. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
8. Рубинс М. Парижская проза Ирины Одоевцевой (Предисловие) // Одоевцева И.В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 2–11.
9. Сонькин В. Портрет и характер «особенного человека» мемуарной прозе И.В. Одоевцевой // Филология и культура. 2020. № 3 (61). С. 157–162. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-157-162
10. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. М.: Концептуал, 2024. С. 320.
11. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Эксмо, 2022. Т. 2. 448 с.
12. Цепенникова А.Н. Трансгрессия концепта «дом» в литературе эмиграции четвертой волны // Уральский филологический вестник. 2014. № 4. С. 39–48.
13. Чанкаева Т.А. Тема демонизма в творчестве М.Ю. Лермонтова // Система ценностей современного общества. 2010. № 15. С. 61–65.
14. Чехов А.П. Пьесы. М.: Детская литература, 2020. 314 с.
15. Шербаетва Ж.Р. Специфика мира сказок в восприятии ребенка // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, № 8. С. 319–324. URL: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/36>
16. Якушева Г.В. Женский взгляд на русское зарубежье (о мемуарах Ирины Одоевцевой) // Вопросы русской литературы. 2012. № 24 (81). С. 169–175.

Сведения об авторе

Александрова Ариадна Викторовна – старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; e-mail: qwiny@mail.ru

FEATURES OF PERCEPTION OF THE WORLD IN I.V. ODOEVTSEVA'S NOVEL *THE ANGEL OF DEATH*

A.V. Aleksandrova (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The artistic prose of I.V. Odoevtseva has so far been little studied in Russian literary criticism. Therefore, the analysis of her prose works of fiction is of scientific interest.

The purpose of the article is to identify the peculiarities of perception of the world in I.V. Odoevtseva's novel *The Angel of Death*.

Review of scientific literature on the problem. A review of the works related to the study of I.V. Odoevtseva's prose has been made, mainly a study of memoirs. Works related to the study of lyrics are not considered in this article.

Methodology (methods and materials). The hermeneutical and interpretation methods were used as a method, which allow a systematic and detailed approach to the problem. The material of the analysis was I.V. Odoevtseva's novel *The Angel of Death*.

Research results. In the course of the work, it became clear that children's perception is connected with the past and is associated exclusively with life in the Russian Empire; the author's own view of the present is very skeptical and reflects the life of Russian immigrants in France. These points of view are in tragic confrontation in order to provoke emotions of anger in the recipients.

Conclusions. The split is connected with the political events in Russia at the beginning of the 20th century (the seizure of power by the Bolsheviks and the change of socio-economic formation in the country). I.V. Odoevtseva belongs to that part of the emigrant writers who tried to blame all the problems on 1917.

Keywords: *Odoevtseva, Angel of Death, Russian novel, emigrant literature, world perception, Russian diaspora literature, first wave literature, Luke, Azrael.*

References

1. Bobrova Je.I. Irina Odoevtseva: poet, novelist, memoirist. Moscow: Nasledie. 1995. 156 p.
2. Zhul'kova K.A. The specifics of the functioning of an artistic detail in Irina Odoevtseva's memoirs "On the Banks of the Neva" // *Social sciences and humanities. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura*. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal. 2022. No. 1. Pp. 49–61.
3. Lekmanov O.A. "Life has passed. And youth lasts..." A guide to Irina Odoevtseva's book "On the Banks of the Neva". Moscow: AST, edited by Elena Shubina. 2020. 864 p.
4. Obuhova L.F., Burmenskaja G.V. Jean Piaget: theory, experiments, discussions. Moscow: Gardariki, 2001. 622 p.
5. Odoevceva I. Champs-Elysees. Novels, short stories. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus, 2022. 832 p.

6. Petukhova A.I. The motive of happiness in the stories of Irina Odoevtseva // *Vestnik of the Moscow State Regional University*. Serija: Russkaja filologija. 2020. No. 3. P. 94–100.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Language and national worldview. Voronezh: Istoki, 2007. 61 p.
8. Rubins M. The Parisian prose by Irina Odoevtseva (Predislovie) // Odoevtseva I.V. *The Mirror: selected prose*. Moscow: Russkij put', 2011. Pp. 2–11.
9. Son'kin V. Portrait and character of a "special person" in I.V. Odoevtseva's memoir prose // *Philology and culture*. 2020. No. 61 (3). Pp. 157–162.
10. Sukhomlinskiy V.A. I give my heart to my children. Moscow: Konceptual, 2024. P. 320.
11. Tolstoy L.N. War and Peace. Moscow: Eksmo, 2022. Vol. 2. 448 p.
12. Cepennikova A.N. The transgression of the concept of "home" in the literature of the fourth wave of emigration // *Ural Philological vestnik*. 2014. No. 4. Pp. 39–48.
13. Chankaeva T.A. The theme of demonism in the works of M.Y. Lermontov // *The value system of modern society*. 2010. No. 15. Pp. 61–65.
14. Chekhov A.P. The plays. Moscow: Detskaja literature, 2020. 314 p.
15. Sherbaeva Zh. R. The specifics of the fairy tale world in the child's perception // *Bulletin of science and practice*. 2021. No. 7 (8). Pp. 319–324. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/36>
16. Yakusheva G.V. A woman's view of the Russian diaspora (about the memoirs of Irina Odoevtseva) // *Questions of Russian literature*. 2012. No. 81 (24). Pp. 169–175.

About the author

Aleksandrova, Ariadna V. – Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, Moscow University for Industry and Finance "Synergy" (Moscow, Russia); e-mail: qwiny@mail.ru

УДК 82-4

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ МИСТИФИКАЦИИ И БУДДИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЭССЕИСТИКЕ В.Б. КОРОБОВА

Л.В. Дубаков (Шэньчжэнь, Китай)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье проводится анализ эссе В.Б. Коробова, входящих в цикл «Неизвестные и малоизученные культы» (2006). Этим эссе ранее были посвящены лишь краткие критические разборы, в центре внимания российских литературоведов они не оказывались. Именно это обуславливает *новизну* статьи.

Цель – проанализировать эссе «Дальневосточные экспедиции князя Э.Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (Из истории семиотических культов)» и «Краткие сведения о культе “света превращений”» с точки зрения присутствия и интерпретации в них буддийских идей.

Актуальность исследования определяется интересом отечественного литературоведения к сложным жанровым образованиям и к феномену «религиозного текста», проявленному в художественной литературе.

Методология (материалы и методы). В статье, созданной в рамках крупного исследования, посвященного «буддийскому тексту» современной русской литературы, используется метод герменевтического анализа.

Обзор научной литературы по проблеме. Возможность анализа эссе В.Б. Коробова в избранном ракурсе подготовлена работами В.Н. Топорова, Р.Ф. Бекметова, Т.В. Бернюкевич, Г.А. Сорокиной, М.С. Уланова, П.В. Алексеева.

Результаты исследования. Определяется, что указанные коробовские эссе можно охарактеризовать как эссе философские, помещенные в оболочку литературных и религиоведческих мистификаций, пародий на научные исследования. Кроме того, выявляется, что проблематика «Дальневосточных экспедиций князя Э.Э. Ухтомского и тантрийских мистерий ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (Из истории семиотических культов)» и «Кратких сведений о культе “света превращений”», а также статьи «Маргинальные заметки о Праджняпарамите» оказывается тесно связана с проблематикой буддийской, касающейся вопросов о возможности языка изменять реальность, о подлинной идее жертвы, о трудности освобождения с опорой на омраченное сознание. Интеллектуалы-исследователи, повествователи обрамляющих основное содержание эссе историй, на фоне буддийской реальности выступают у В.Б. Коробова лишь в качестве маловерных и сомневающихся наблюдателей, символизируя современное состояние слабого рационализованного мирского ума.

Ключевые слова: буддизм, буддийский текст, Владимир Коробов, эссе-комментарий, пародия, мистификация, буддийская философия.

Постановка проблемы. Современная русская литература, продолжая традиции отечественной словесности двух предыдущих веков, помимо прочего, обращается к буддийским идеям, сюжетам, мотивам, образам.

В связи с этим в работах литературоведов по аналогии с понятием «городской текст» появилось понятие «текст религиозный».

Обзор литературы. Вслед за топоровским петербургским текстом [Топоров, 1995] и его многочисленными производными анализу подвергся мусульманский текст русской литературы в поэтике романтизма 1820–1830-х гг. [Алексеев, 2014]. Позже внимание литературоведов обратилось к «буддийскому тексту» [Бекметов, 2018]. И в целом интерес к влиянию буддизма на русскую литературу достаточно широк [Бернюкевич, 2018; Сорокина, 2017; Уланов, 2009].

Буддийский текст современной русской литературы создается писателями известными, такими, как, например, В.О. Пелевин, Е.А. Шварц, Л.А. Юзефович и др.), и писателями менее известными: А.Л. Иванченко [Дубаков, 2023], Э.Н. Крылова [Дубаков, 2024] и др. Среди последних можно назвать имя В.Б. Коробова (род. в 1957 г.), философа, психолога, буддолога, который с начала 1990-х гг. публикует стихотворения и художественную прозу как под своим именем, так и под псевдонимом Александр Велецкий. Одно из наиболее заметных его сочинений – собрание эссе «Неизвестные и малоизученные культы», отдельные произведения которого с начала 2000-х гг. печатались в философских, культурологических, буддологических журналах, а впервые оформились в цикл и были опубликованы под одной обложкой в антологии Макса Фрая «Пять имен» [Фрай, 2006]. Название цикла, возможно, восходит к вымышленной оккультной книге «Сокровенные культы» (нем. Unaussprechlichen Kulten, англ. Nameless Cults) из произведений американского писателя-фантаста Р.И. Говарда (1906–1936). При этом, хотя некоторые эссе коробовского цикла и могут быть отнесены к жанру фантастики, и отчасти с элементами ужасного, интенция русского писателя несколько иная: он создает не развлекательную литературу, а скорее философскую.

Цель статьи – проанализировать эссе «Дальневосточные экспедиции князя Э.Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (Из истории семиотических культов)» и «Краткие сведения о культе “света превращений”» с точки зрения присутствия и интерпретации в них буддийских идей.

Методология (материалы и методы). В статье, созданной в рамках крупного исследования, посвященного буддийскому тексту современной русской литературы, используется метод герменевтического анализа.

Результаты и обсуждение. В представленной статье рассматриваются два текста названного цикла – это «Дальневосточные экспедиции князя Э. Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (Из истории семиотических культов)» и «Краткие сведения о культе “света превращений”», в которых Коробов обращается к буддизму.

По выражению С.П. Костырко, почти сразу же откликнувшегося на первое из них, «автор не скрывает своих “борхесовских” беллетристических приемов: придуманный герой князь Ухтомский, придуманный сакральный текст, история культуры, история некой мистической потаенной практики чуть ли не всей русской культуры; интеллектуально-детективный боевик, разработанный как бы

средствами кондового историко-культурного исследования. Доведенная почти до пародии стилистика научных исследований, явленная, скажем, в популярных ныне культурологических бестселлерах А. Эткинда» [Костырко, 2000, с. 254]. В статье в том же «Новом мире», но от 2003 г., реагируя на замечание, что князь Ухтомский не вымышленное лицо, и, размышляя о причинах своей ошибки, критик приходит к выводу о том, что спутал жанр пародии на эзотерическое исследование с паранаучной фантазией [Костырко, 2003, с. 207]. Думается, однако, что, исправляясь, во второй раз Сергей Костырко ошибся больше: если определять жанр этого коробовского произведения, то правильнее было бы охарактеризовать его как философское эссе, помещенное в оболочку пародии на научную статью. (Впрочем, еще большую ошибку допускает Е.В. Дроботушенко в статье, посвященной православной миссионерской деятельности и ее отражению в публицистике Ухтомского, в качестве одного из источников всерьез приводя эссе Коробова [Дроботушенко, 2019, с. 96].) С формальной же точки зрения можно сказать, что «Дальневосточные экспедиции князя Э. Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (Из истории семиотических культов)» – это жанр романа-комментария (эссе-комментария), «текстологический аппарат которого намного превышает по объему претекст» [Курницкая, 2012, с. 53].

В одном из псевдокомментариев к этому эссе, оформленном в виде сноски, автор так объясняет логику князя Ухтомского, обретшего и назвавшего таинственную книгу – «Книгой Юнблей Мансурова»: с одной стороны, «тексты, относящиеся к традиции т.н. “запредельной мудрости” (праджняпарамите), традиционно называются Юм (от тиб. Yum – “мать”), с другой – в приводимом Ухтомским тексте есть слово “юнг”, которое в переводе с тибетского означает “желтый” (тиб. yung-ba). Как известно, желтый цвет является отличительным знаком школы гелуг-па» [Коробов, 2005, с. 173]. Можно, впрочем, выстроить и иной «ассоциативный ряд» [Коробов, 2005, с. 173]: в названии «Книги Юнблей Мансурова» слышится фамилия исследователя буддизма К.Г. Юнга (ср. с ономастическим кодом фамилии барона Юнгерна в «Чапаеве и Пустоте» В.О. Пелевина) и, возможно, Г.Э. Лейбница и Д. Юма (в форме «Кн. Ю. М.»), философия которых отчасти близка буддизму, а также отзывается Мансуровский перулок, где собиралась интеллигенция 1970-х гг., и журналистский миф конца девяностых годов прошлого века о неких «тетрадах Мансура», выдуманного темного мага. Фрагмент этой книги, приведенный в начале эссе, видя в транскрипции тибетских слов по системе Вэйли слова русские, можно прочесть как эзотерический текст о запредельной мудрости, что организует «текстуальное пространство таким образом, что для человека, оказавшегося в нем, становится возможным оказаться впереди своего собственного восприятия» [Коробов, 2003, с. 82]. Переведя же тибетский текст на русский язык, его можно прочесть как мистически мотивированные отсылки к Ветхому Завету. По сюжету эссе Ухтомский превращает «Книгу Юнблей Мансурова» в «Частные объявления» в газете «Санкт-Петербургские ведомости», каждое из которых может быть

воспринято как идам, божество для медитаций, или как буддийский молельный флаг, обладающий для верующего способностью распространения духовной информации. Эти объявления созданы посредством соединения и/или пародийной перелицовки строк известных стихотворений А.С. Пушкина, И.Ф. Анненского, К.И. Чуковского, А.Е. Крученых, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, В.В. Маяковского, Данте Алигьери, и при желании их также можно прочесть как зашифрованную мудрость, проявляющуюся через смеховой инсайт. Как указывает автор в одном из псевдокомментариев, анализ и оценка этих текстов выходит за рамки его работы, хотя «непосредственная связь приведенных <...> текстов с русской поэтической культурой XX века очевидна» и «это могло бы стать темой отдельного культурологического исследования» [Коробов, 2005, с. 174]. Например, такого. Строки Осипа Мандельштама из стихотворения «Я скажу тебе с последней прямокой...» в «частном объявлении» «Все лишь дхарма, / драхма-брахма, ангел мой» [Коробов, 2005, с. 174] превращаются у Коробова в палимпсест, на который ложится буддийская идея о важности Дхармы, Учения, или о том, что реальность состоит из мельчайших преходящих частиц – дхарм. Обращение «ангел мой», в контексте мандельштамовского текста читающееся в большей степени как обращение к женщине, у Коробова видится скорее как обращение именно к божественному существу: анаграмма Мандельштама дополняется у писателя эхо-редупликацией «драхма-брахма», вводится обращение к богу проявленного мира – Брахме, значение и вес которого для буддизма не абсолютны. Иными словами, этот фрагмент из «Книги Юнглай Мансурова» говорит о важности Учения о спасении – о переходе в нирвану, которое требует избегания высших миров траялоки, буддийского троекосмия.

Все эти попытки вычитать из русской литературы или вчитать в нее эзотерическое содержание получают философское объяснение в финале эссе: Коробов смотрит на все эти внешне юмористические упражнения как на работу с «магическим языком», основанным на «порождающих семиотических структурах (rtsa ba'i ngag)» [Коробов, 2005, с. 173] и скрывающимся в языке естественном. Согласно «Дальневосточным экспедициям», Ухтомский, превращая «Книгу Юнглай Мансурова», написанную «на языке Уддияны» [Коробов, 2005, с. 173], мифологической буддийской райской страны, в газетные частные объявления, а затем распространяя ее среди петербургской культурной элиты, искал того, кому можно передать эту книгу, ее смыслы и ее ритуалы. Ухтомский в эссе – это «Адам Богданович Кадмон», посредник между несовершенным человеком и трансцендентной реальностью, что перед смертью «ощущает литер тяжесть» [Коробов, 2005, с. 178].

Полностью серьезно в эссе звучат последние несколько его предложений: «...тантрийские мистерии трансформировались в литературную традицию, явившуюся по сути своей насыщенной средой, хранящей для последующих прочтений изначальные смыслы “ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha”». Э.Э. Ухтомский,

распространяя “Книгу”, видимо, надеялся, что она будет прочитана как некое практическое руководство, однако этого при его жизни не произошло. Мистерия исчезла, превратившись в литературу, которая в России сама стала культом // Сегодня культ литературы умирает. Вернется ли слово мистерией?» [Коробов, 2005, с. 178]. Слово «экспедиция», вынесенное в заглавие эссе, означает не только путешествие на Восток в поисках мудрости, но и «отправку» корреспонденции. Мистическая корреспонденция в коробовском тексте не нашла адресата, и в этом его главный драматизм: русская литература подменила собой религиозный культ (христианский ли, буддийский), став при этом лишь культом семиотическим, эрзац-религией, и не справилась с миссией полноценного духовного преображения человека или, во всяком случае, перестала справляться, утратив сакральность и силу. Слово русской литературы перестало создавать и менять мир.

Таким образом, в этом эссе можно не только увидеть пародийные постмодернистские трансформации религиозных текстов и знаменитых литературных произведений, но и обнаружить размышления о природе языка и реальности, связанных друг с другом, и о перспективах существования русской литературы.

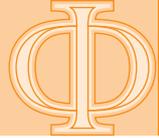
Действие эссе «Краткие сведения о культе “света превращений”» происходит в Кафиристане, территории, в конце XIX в. растворившейся в Афганистане. Кафиристан населяли племена, исповедовавшие политеизм, а в глубокой древности он был буддийским королевством. Герои этого произведения – Иеремия Бартоломью Стейн, секретарь английской дипломатической миссии, и Дангар Бадат, тантрист, последователь буддийского святого Падмасамбхавы. Оба они становятся свидетелями ритуала, совершаемого в рамках культа «света превращений», во время которого жрецы отдадут свету «свою кровь, душу, сперму, все свои энергии» [Коробов, 2001, с. 76] для того, чтобы Свет превратился в Слово, чтобы мир продолжать существовать. Участию Стейна и Бадата в ритуале предшествует их разговор о том, что такое жертва. Бадат высказывает мнение, что ни в христианстве, где великую жертву ради человечества совершил Христос, ни в буддизме с его благородной концепцией бодхичитты – «“просветленной мысли”, направленной на благо всех живых существ» [Коробов, 2001, с. 74], идея жертвы не представлена полно. После ритуала, в процессе которого, взаимодействуя с таинственным шаром света, погибли жрецы, Бадат объясняет свои слова тем, что подлинная жертва совершается только теми немногими, кто не питает «совершенно никаких надежд на воздаяние» [Коробов, 2001, с. 76]. В процессе пояснений Бадата становится ясно, что он не подвергал сомнению значимость христианства и буддизма (ведь Христос «был светом и превратился в Слово» [Коробов, 2001, с. 76], а в ритуале «света превращений» участвовали два буддиста), он лишь указывал на то, что жертва – это не единичное деяние, а постоянное: жертва нужна Земле каждые три месяца, – и поэтому настоящая принадлежность к религии требует если не участия, то благодарности к тем, кто совершает жертву.

Финал этого эссе завершается сомнением двух интеллектуалов-малOVER, подводящих итог увиденному/прочитанному. Иеремия Бартоломью Стейн не знает, им был открыт «смысл существования или все случившееся только плод <...> больного воображения» [Коробов, 2001, с. 76]. А повествователь обрамляющей дневниковые записи Стейна истории сомневается, не неизвестное ли науке плотоядное существо скрывается за шаром света, очищающим мир.

Выводы. В.Б. Коробов в содержащих литературные и религиоведческие мистификации, пародирующих научное исследование эссе «Дальневосточные экспедиции князя Э.Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (Из истории семиотических культов)» и «Краткие сведения о культе “света превращений”» из цикла «Неизвестные и малоизученные культы», а также в не входящем в цикл, но отчасти схожем с двумя другими произведениями эссе-статье «Маргинальные заметки о Праджняпарамите» затрагивает проблемы, касающиеся разрабатываемых в том числе в буддизме философских проблем. В первом эссе он размышляет о том, как язык может формировать и изменять реальность, во втором – о подлинной идее жертвы. Эссе-статья «Маргинальные заметки о Праджняпарамите» посвящено сутрам Праджня Парамиты, которые фиксируют проблему трудности освобождения – выхода за пределы омраченного сознания при помощи этого же сознания. При этом на фоне буддийской реальности Коробов изображает сознание современного человека-интеллектуала, неспособного к жертве, к изменению мира в лучшую сторону, к освобождению, а способного лишь наблюдать за чужими великими деяниями.

Библиографический список

1. Алексеев П.В. Мусульманский Восток в литературе русского романтизма 1820–1830-х годов: монография. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 188 с.
2. Бекметов Р.Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 328 с.
3. Бернюкевич Т.В. Буддизм в русской литературе конца XIX – начала XX века: идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018. 168 с.
4. Дроботушенко Е.В. О миссионерской деятельности православного духовенства в Забайкалье в заметках князя Эспера Эсперовича Ухтомского // Православие и общество: грани взаимодействия: сб. ст. III Международной научно-практической конференции в рамках IX Забайкальских Рождественских образовательных чтений, регионального этапа XXVIII Международных Рождественских образовательных чтений, Чита, 03 декабря 2019 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 95–98.
5. Дубаков Л.В. Два «Освобождения Толстого»: И.А. Бунин и А.Л. Иванченко о смерти и творчестве // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82, № 2. С. 86–91.
6. Дубаков Л.В. «Silentium» Эллы Крыловой: (не)буддийское молчание // Сибирский филологический форум. 2024. № 4 (29). С. 42–50.

7. Коробов В.Б. Дальневосточные экспедиции князя Э.Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (Из истории семиотических культов) // Буддизм России. 2005. № 38. С. 170–178.
8. Коробов В.Б. Краткие сведения о культе “света превращений” // Буддизм России. 2001. № 33. С. 72–76.
9. Коробов В.Б. Маргинальные заметки о Праджняпарамите // Буддизм России. 2003. № 31. С. 80–83.
10. Коробов В.Б. Неизвестные и малоизученные культы // Пять имен / сост. Макс Фрай. М.: Амфора, 2006. Ч. 2. С. 503–599.
11. Костырко С.П. Сетевая литература // Новый мир. 2000. № 8. С. 249–255.
12. Костырко С.П. WWW-обозрение Сергея Костырко // Новый мир. 2003. № 2. С. 202–207.
13. Курницкая В.А. Проблема жанра романа-комментария в современном литературоведении (на материале «Бесконечного тупика» Д. Галковского) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 2 (257). С. 53–55.
14. Сорокина Г.А. Идеи буддизма в литературе русского зарубежья. 2-е изд., доп. М.: Экон-Информ, 2017. 262 с.
15. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.
16. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России / Калмыцкий гос. ун-т. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009. 234 с.

Сведения об авторе

Дубаков Леонид Викторович – кандидат филологических наук, доцент, Центр русского языка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай); ORCID ID: 0000-0003-1172-7435; e-mail: dubakov_leonid@mail.ru

LITERARY AND RELIGIOUS MYSTIFICATIONS AND BUDDHIST PROBLEMS IN THE ESSAYS OF V.B. KOROBOV

L.V. Dubakov (Shenzhen, China)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes the essays of V.B. Korobov, included in the cycle *Unknown and Little-Studied Cults* (2006). These essays were previously devoted only to brief critical analyses; they were not in the center of attention of Russian literary scholars. This is what determines the novelty of the article.

The purpose of the article is to analyze the essays "Far Eastern expeditions of Prince E.E. Ukh-tomsky and the tantric mysteries of ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (From the history of semiotic cults)" and "Brief information about the cult of the *light transformations*" from the point of view of the presence and interpretation of Buddhist ideas in them.

The relevance of the study is determined by the interest of Russian literary studies in complex genre formations and in the phenomenon of the 'religious text' manifested in fiction.

Review of the scientific literature on the problem. The possibility of analyzing V.B. Korobov's essay in the selected perspective is supported by the works of V.N. Toporov, R.F. Bekmetov, T.V. Bernyukevich, G.A. Sorokina, M.S. Ulanov, and P.V. Alekseev.

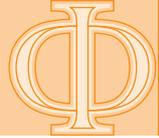
Methodology (materials and methods). The article, created as part of a major study devoted to the 'Buddhist text' of modern Russian literature, uses the method of hermeneutic analysis.

Research results. It is determined that the aforementioned Korobov essays can be characterized as philosophical essays, placed in the shell of literary and religious mystifications, parodies of scientific research. In addition, it is revealed that the problematic of the "Far Eastern expeditions of Prince E.E. Ukh-tomsky and the tantric mysteries of ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (From the history of semiotic cults)" and "Brief information about the cult of the *light transformations*", as well as the article "Marginal notes on Prajnaparamita" is closely connected with the problematic of Buddhism and touches upon issues about the ability of language to change reality, about the true idea of sacrifice, about the difficulty of liberation based on a darkened consciousness. The intellectual researchers, the narrators of the stories framing the main content of the essay, against the backdrop of Buddhist reality, appear in V.B. Korobov's works only as unbelieving and doubting observers, symbolizing the modern state of the weak rationalized secular mind.

Keywords: *Buddhism, Buddhist text, Vladimir Korobov, essay-commentary, parody, mystification, Buddhist philosophy.*

References

1. Alekseev P.V. Muslim East in the literature of Russian romanticism of the 1820–1830s. Gorno-Altaysk: RIO GAGU Publ., 2014. 188 p.
2. Bekmetov R.F. Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue). Kazan: School Publ., 2018. 328 p.
3. Bernyukevich T.V. Buddhism in Russian literature of the late 19th – early 20th centuries: ideas and reminiscences. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2018. 168 p.

4. Drobotushenko E.V. On the missionary activity of the Orthodox clergy in Transbaikalia in the notes of Prince Esper Esperovich Ukhtomsky. *Orthodoxy and society: facets of interaction*: collection of articles of the III International scientific and practical conference within the framework of the IX Transbaikal Christmas educational readings, regional stage of the XXVIII International Christmas educational readings, Chita, December 3, 2019. Chita: Transbaikal State University Publ., 2019. Pp. 95–98.
5. Dubakov L.V. Two "Liberation of Tolstoy": I.A. Bunin and A.L. Ivanchenko about death and creativity // *News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 2023. Vol. 82, No. 2. Pp. 86–91.
6. Dubakov L.V. "Silentium" by Ella Krylova: (non)Buddhist silence // *Siberian Philological Forum*. 2024. No. 4 (29). Pp. 42–50.
7. Korobov V.B. Far Eastern expeditions of Prince E. E. Ukhtomsky and the tantric mysteries of ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha. (From the history of semiotic cults). *Buddhism of Russia*. 2005. No. 38. Pp. 170–178.
8. Korobov V.B. Brief information about the cult of the "light of transformations". *Buddhism of Russia*. 2001. No. 33. Pp. 72–76.
9. Korobov V.B. Marginal notes on Prajnaparamita. *Buddhism of Russia*. 2003. No. 31. Pp. 80–83.
10. Korobov V.B. Unknown and little-studied cults. In: *Five names*. Comp. Max Frey. Part 2. Moscow: Amphora Publ., 2006. Pp. 503–599.
11. Kostyrko S.P. Network literature. *New World*. 2000. No. 8. Pp. 249–255.
12. Kostyrko S.P. WWW-review of Sergei Kostyrko. *New World*. 2003. No. 2. Pp. 202–207.
13. Kurnitskaya V.A. The Problem of the Genre of the Commentary Novel in Modern Literary Criticism (Based on D. Galkovsky's "Endless Dead End"). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2012. No. 2 (257). Pp. 53–55.
14. Sorokina G.A. Ideas of Buddhism in the Literature of the Russian Diaspora. 2nd ed., suppl. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2017. 262 p.
15. Toporov V.N. Petersburg and the "Petersburg Text of Russian Literature". In: Toporov V.N. *Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of the Mythopoeic: Selected*. Moscow: Publishing Group "Progress" – "Culture", 1995. Pp. 259–367.
16. Ulanov M.S. Buddhism in the sociocultural space of Russia. Elista: Kalmyk University Publishing House, 2009. 234 p.

About the author

Dubakov, Leonid V. – PhD (Philology), Associate Professor, Russian Language Center, Shenzhen MSU-BIT University (China); ORCID ID: 0000-0003-1172-7435; e-mail: dubakov_leonid@mail.ru

УДК 82-31

СРАВНЕНИЕ КОСМОЛОГИИ И ХРОНОТОПА В «ОТБЛЕСКАХ ЭТЕРНЫ» В. КАМШИ И «ПЕСНЕ ЛЬДА И ОГНЯ» ДЖ. МАРТИНА

А.И. Теплов (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Актуальность исследования обусловлена ростом популярности жанра фэнтези в России и во всем мире. Сравнительный анализ художественных миров В. Камши и Дж. Мартина, признанных мэтров фэнтезийной литературы, позволяет лучше понять тенденции развития жанра.

Обзор научной литературы по проблеме. Анализ опирается на работы в области изучения поэтики фэнтези (Дж. Р.Р. Толкин, Т.И. Хоруженко, Е.Н. Ковтун, Е.Е. Приказчикова), включая темы осмысления хронотопа «Отблесков Этерны» и «Песни льда и огня» (П.С. Черкесова, И.В. Лебедев).

Методология исследования. В качестве методов исследования используются сравнительно-исторический, жанрологический, типологический и мифопоэтический анализ.

Цель работы заключается в определении типологии различий и сходств художественных миров В. Камши и Дж. Мартина через анализ космологии и хронотопа фэнтези-циклов.

Результаты исследования. Сравнительный анализ художественных миров В. Камши и Дж. Мартина показал схожие элементы глубокой мифологии и масштабной географии, но различия в подходах к космологии и хронотопу. У В. Камши – детально прописанная система миров «Ожерелья» с четкими эсхатологическими циклами, тогда как у Дж. Мартина мир более загадочный, с акцентом на земных событиях и неопределенных временных циклах. Образ Границы организует вертикальные миры у В. Камши и горизонтальные у Дж. Мартина. В. Камша создает уникальную авторскую мифологию, в то время как Мартин опирается на исторические аналогии и скандинавскую мифологию.

Ключевые слова: В.В. Камша, Дж.Р.Р. Мартин, мифология, фэнтези, хронотон, космология, сравнительный анализ, эсхатология, художественный мир.

Постановка проблемы. Цикл В. Камши «Отблески Этерны» сравнивают с «Песней Льда и Огня» Дж. Мартина из-за масштабного повествования и художественного мира, особенно после выхода сериала «Этерна» в 2022 г.

В. Камша начала цикл «Отблески Этерны» в 2004 г., а Дж. Мартин начал цикл «Песнь Льда и Огня» в 1996 г.

Залог успеха и популярности жанра фэнтези, как мы думаем, в подробно прописанном художественном мире, удерживающем внимание читателей за счет параллельных вселенных, функционирующих в том числе по законам мифопоэтики, что относится к обоим рассматриваемым авторам.

Под мифопоэтикой мы понимаем «фундаментальную включенность мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т.д.) в текст произведения»

[Габриелян, 2018]. И. Винтерле, рассматривая взаимоотношение мифа и Вторичного мира фэнтези, подчеркивала, что миф для литературы этого жанра – «этико-эстетическая и структурополагающая основа» [Винтерле, 2021].

Актуальность исследования обусловлена ростом популярности фэнтези-текстов во всем мире и многообразием их жанровых форм. Сравнительный анализ известных фэнтези-циклов XXI в. – Дж. Мартина и В. Камши – даст возможность лучше понять особенности и тенденции развития жанра. Создание типологии сходства и отличий двух циклов, ориентированных на традицию эпического фэнтези с сильным влиянием элементов авторской мифологии, позволит решить проблемы, связанные со спецификой функционирования жанра в литературном процессе XXI в. Одна из проблем – фэнтези-циклы подобного уровня отражают в своей художественной вселенной вызовы современного многополярного мира, включая эсхатологическую и сотериологическую составляющие.

Научная новизна исследования. Впервые проводится сравнительно-типологический анализ художественных миров Веры Камши и Джорджа Р. Р. Мартина с точки зрения космологии, что буквально означает «слово о мире», которое устанавливает основные законы функционирования «Вторичных миров» у того или иного автора, а не только законы творения подобных миров, а также исследование их хронотопа.

Обзор научной литературы по проблеме. Еще Дж. Р.Р. Толкин в эссе «О волшебных сказках» (1964) описывал фэнтези как произведения, создающие «вторичный мир» (Secondary World) – место, где логика и законы реальности могут отличаться от повседневного мира, но тем не менее воспринимаются читателем правдоподобно [Толкин, 2006]. Это делает фэнтези особым видом литературы.

Рассмотрение фэнтезийного мифа как истории, «которая вмещает в себя глубинные переживания, владеющие некоторым обществом в некоторое конкретное время» предложено в книге Т. Шиппи «Дорога в Средьземелье» (2003) [Шиппи, 2003].

В качестве рабочего определения жанра фэнтези мы будем опираться на определение Т.И. Хоруженко, считавшей, что это «игровой жанр фантастической литературы, появившийся в первой половине XX в., ориентированный на “явный вымысел”, опирающийся на традиции сказки и рыцарского романа, моделирующий новый миф о борьбе Хаоса и Космоса и выполняющий эскапистскую функцию» [Хоруженко, 2018].

Принципиально важную характеристику фэнтезийного мира мы находим у С.В. Травкина, определяющего его как вымышленный мир с двумя релевантными признаками: наличие псевдоисторического или полностью выдуманного мира и наличие магии в той или иной форме [Травкин, 2017].

При работе с фэнтези-циклами Дж. Мартина и В. Камши особенно важной будет отсылка к традиции эпического фэнтези в духе «Властелина колец» Дж.Р.Р. Толкина, которое Т.И. Хоруженко выделяла наряду с поджанрами приключенческого фэнтези, сказочного фэнтези, стимпанк-фэнтези, юмористического фэнтези, женского фэнтези, психологического фэнтези [Хоруженко¹, 2015].

¹ Хоруженко Т.И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург: Уральский университет, 2015. 217 с.

При этом Т.И. Хоруженко подчеркивала, что «в отечественном фэнтези этот тип (эпическое фэнтези. – А.Т.) чаще всего сочетается с приключенческим – в центре оказывается не сам созданный мир, а герой» [Хоруженко, 2015]. Это в полной мере можно отнести и к фэнтезийному миру В. Камши.

Мифопоэтика романов Дж. Мартина исследована главным образом с точки зрения влияния на нее мотивов, сюжетов и образов германо-скандинавской и кельтской мифологий [Пузиков, 2018]. Роль скандинавской мифологии в современной английской и американской литературе жанра фэнтези была рассмотрена О.Б. Рубанец [Рубанец, 2016] и Е.В. Жариновым [Жаринов, 2010].

П.Й. Паулюс обратился к теме «скандинавского мифа» не только в книге Дж. Мартина, но и в его киновселенной [Паулюс, 2018]. Дж. Лоудер исследовал художественный мир цикла Дж. Мартина [Lowder, 2012]. Отметим, что сам Дж. Мартин написал отдельную книгу «The World of Ice and Fire The Untold History of Westeros and the Game of Thrones» (2014), где описывает историю Вестероса и земель за его пределами.

Мифопоэтика романов В. Камши исследована хуже. КрасноВУ исследовал этот вопрос в своей работе «Отблески Этерны»: феодальная утопия Веры Камши» (2023) [КрасноВУ, 2023]. Д. Злотницкий углублялся в исследование магических элементов цикла [Злотницкий, 2022].

Многие моменты, связанные с хронотопом, космологией и космогонией фэнтези-циклов, отражались в исследованиях П.С. Черкесовой «Мифологические мотивы в современном русском фэнтези-романе» (2015) и И.С. Лебедева «Проблема жанровой классификации фэнтези как вида приключенческой литературы» (2009).

Четко разделяя понятия авторского мифа и мифа, рассматриваемого как вариант национальной мифологии, мы обращаемся к основам авторского миромоделирования «Вторичных миров» (термин И. Винтерле) в фэнтези-циклах Дж. Мартина и В. Камши. Говоря об авторской мифологии, мы отталкиваемся от определения В. Пьянзиной, видящей в нем нарративную конструкцию, в которой «происходит взаимодействие между “мифом-скелетом” (структурой мифологического повествования) и “мифом-тканью” (авторской интерпретацией)» [Пьянзина, 2017]. Кроме того, мы учитываем точку зрения О.К. Кулаковой, относящей к ней прежде всего созданных автором мифоподобных существ, населяющих мир фэнтези [Кулакова, 2010].

В качестве важных категорий художественных миров циклов в данной статье будут выступать: 1) космология и 2) хронотоп. Без прописанной истории мира не получится создать убедительный контекст для погружения читателя в сюжет романов, в том числе не удастся и разработать хронотоп для сюжетного действия.

Также космология и хронотоп непосредственно связаны с эсхатологическим началом, которое активно выражается в обоих циклах.

Исследование научного потенциала Священного времени, акта творения мира, борьбы Хаоса и Космоса с осознанием Космоса в качестве естественного

центра мира представлено в работе М. Элиаде «Священное и мирское» [Элиаде, 1994], которая в значительной мере повлияла на мифопоэтику фэнтези-текстов.

Е. Наумчик рассматривает хронотоп как важный аспект в контексте фэнтези-литературы. Они отмечают, что хронотоп – пространственно-временная структура произведения, которая играет ключевую роль в жанре фэнтези [Наумчик, 2020].

Методология исследования. В качестве методов исследования в статье используются сравнительно-исторический, жанрологический, типологический и мифопоэтический виды анализа.

Космология фэнтези миров Дж. Мартина и В. Камши. М. Элиаде в книге «Аспекты мифа» (1962) особое место отводил космогоническим мифам. Они – образец для создания других мифов, потому что описывают процесс его зарождения в целом. Без мифологии основания мира не получится создать и все другие мифы (антропологические, астральные, эсхатологические), определяющие существование «Вторичных миров» фэнтези.

Г. Гринченко писал: «Мифы о происхождении не только рассказывают, как мир был создан: они еще и раскрывают детали его изменения, обогащения или обеднения. Поэтому некоторые мифы о происхождении начинаются с обрисовки космогонического строения мира» [Гринченко, 2015].

Дж. Мартин намеренно не уделяет пристального внимания космологии, определяющей события романов, давая возможность читателям познакомиться лишь с «известным миром». География этого мира простирается от Клыкков Мороза, Сумеречной башни и Зачарованного леса на севере до земель Летнего моря и Валирии, являющейся исторической родиной рода Таргариенов. Что находится за пределами «известного мира», доподлинно не известно, равно как и космогония материков писателя.

В мире Дж. Мартина принципиально значимым для фэнтези-цикла оказывается лишь сюжет, связанный с наступлением из-за Стены Иных, «белых ходков», чье появление объясняется началом неопределенно долгого для мира Семи королевств зимнего периода.

В отличие от Дж. Мартина, В. Камша подробно прописала космологию своей вселенной Кэртианы, являющейся одним из множества миров огромного «Ожерелья», постоянно находящегося под угрозой со стороны неизвестного врага, обозначаемого как «Чужие».

Борьбу с этим врагом ведут Одинокие, также известные как Стражи Рассвета. Их главная крепость называется «Этерна», и именно там хранится «Пламя» – источник их силы. Стражи Рассвета – это отважные воины из разных миров «Ожерелья», которые решили забыть о своем прошлом и посвятить себя вечной борьбе.

Важно отметить, что, прежде чем покинуть созданный мир (Кэртиану), четверо демиургов нашли себе смертных возлюбленных и передали сыновьям часть своих сил. Эти сыновья стали первыми Повелителями Стихий и основателями Великих Домов. В жилах их наследников тоже текла кровь Абвениев.

В. Камша так определяла специфику космологии своего цикла: «Основа мира почерпнута у древних эллинов, от их миропредставления. Система четырех стихий и характеров и отношения между этими стихиями, да даже Птолемеява астрология – все пошло в дело» [Видеоинтервью Веры Камши, 2021].

Вселенная Кэртианы создана четырьмя богами-творцами, которые напоминают традиционных греческих богов стихий. Например, Анэм – Эол, Унд – Посейдон, Астрап – Зевс. Это отсылка к древним мифологическим системам, где божества связаны с природными явлениями, а также образец авторского мифомоделирования мира. Здесь мы видим, как автор переносит элементы древнеэллинского мировоззрения на свой мир, придавая ему глубину и символизм.

Благополучие мира людей целиком и полностью зависит от исхода войны, которую ведут с силами хаоса Одинокие. КрасноВУ писал: «...захваченный Хаосом мир приходится отрезать от Этерны. В одной из таких битв погибли четверо братьев-создателей Кэртианы. И планета осталась наедине с подступающим хаосом» [КрасноВУ, 2023].

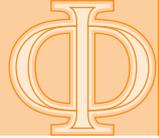
Борьба между Одинокими и хаосом («Чужие») – символическая битва между порядком и разрушением. Это отражает архетипическую структуру конфликта эпического фэнтези, где герои защищают мир от сил тьмы.

Однажды «Этерна» была разрушена, а «Пламя» погасло, что сделало борьбу Одиноких почти безнадежной. Однако эти события не оказывают первоначально прямого влияния на сюжет романов. То же самое можно сказать и о внутренней угрозе Кэртианы, ассоциирующейся с раттанами, разрушающими мир изнутри.

С эсхатологического пророчества начинается пролог первого романа В. Камши «Красное на красном»: «Одинокий в последний раз шел улицами Оллари – этот мир становился опасен. Скоро старая, добрая Кэртиана будет вотчиной раттонов, пройдет еще несколько веков, и то, во что превратится некогда вольный и радостный мир, придется уничтожить. Из великого Ожерелья выпадет еще одна бусина – не столь уж и страшная потеря, ведь сама Нить уцелеет» [Камша, 2022].

Стражи Рассвета, которые борются с хаосом, напоминают героев мифов, которые защищают космический порядок от разрушительных сил хаоса. «Пламя» как источник их силы – это архетипический символ, связанный с энергией и жизненной силой, что также является частью мифологической традиции и явно отсылает к классическому мифу о Прометее, а также к Божественному огню-Логосу греческого философа Гераклита Эфесского.

Астрономы в фэнтези-цикле В. Камши приходят к выводу, что их мир был создан искусственно. Они объясняют это тем, что звезда, которая дает свет и тепло Кэртиане, очень молода, что необычно с точки зрения астрономии как науки. Также они отмечают, что в астральной системе Кэртианы нет астероидов или других посторонних космических тел. Если бы молодая система формировалась естественным образом, то наличие таких объектов было бы неизбежно. Это свидетельствует о том, что творцы проявили особую заботу при создании мира [Камша, 2022].

Эта деталь позволяет взглянуть на мир В. Камши как на вселенную, в которой есть свой утопический потенциал. Творцы Кэртианы заботились о создании идеальной среды обитания, что является вариантом утопии-эвтопии, утопии идеального местообитания.

Е. Шацкий писал, что установка на эксперимент и на идеал – один из элементов утопии [Шацкий, 1990]. В космогонии В. Камши это проявляется в отсутствии хаотичных элементов, таких как астероиды, и в «молодости» звезды, которая подразумевает ее абсолютную стабильность. Можно увидеть стремление к созданию природной среды, свободной от опасностей.

У В. Камши судьба Кэртианы, включая космологический аспект, с самого начала прочитывается через судьбу представителей только одного рода – Раканов, а судьба Ринальди Ракана становится антропологической проекцией глобального космологического процесса, в котором присутствует как космогоническое, так и эсхатологическое начало.

Ринальди – глава дома Ракан, одного из Великих Домов Кэртианы. Он представлен как мудрый, решительный и справедливый лидер, который несет ответственность за защиту своего мира от угроз хаоса.

Ринальди – потомок Абвениев, богов-творцов Кэртианы. Родословная делает его фигурой, обладающей божественной энергией. Он является живым воплощением связи между миром богов и миром людей. По своим функциям персонажа можно считать Героем с точки зрения канона греческих мифов, опираясь на исследование А. Тахо-Годи [Тахо-Годи, 1989].

В конце своей трагичной сюжетной арки Ринальди становится Стражем Рассвета, хранителем «Пламени», источника силы, защищающего Кэртиану от хаоса, и приобретает новые способности и обязанности: «Он мог открывать двери между мирами, играть молниями и волнами, убивать взглядом, слышать чужих, узнавать своих» [Камша, 2023].

Превращение Ринальди в Стража Заката после потери им человеческой памяти можно интерпретировать как мифологическое обновление. Это напоминает архетипическую тему смерти и возрождения, где старая человеческая личность умирает, чтобы родиться заново в новой роли. Мифология смерти и возрождения, реализующая себя через ритуалему умирающего и возрождающегося бога (царя), находит отражение в ритуально-мифологической концепции Дж. Фрэзера.

История Ринальди – антропологическая проекция глобального процесса космологии мира В. Камши, в котором есть не только космогоническое, но и эсхатологическое начало.

Во время путешествия по мирам Ожерелья бывший раньше Ринальди Раконом, а теперь известный как Одинокий, посещает Кэртиану, спасает от неминуемой смерти главу дома Ветра герцога Рокэ Алву. При этом Одинокий не подозревает, что спасенный был его далеким потомком, последним наследником Эрнани Святого Ракана, о чем не знает вначале и сам Ворон, герцог Алва.

Рокэ Алва – харизматичный антигерой первых книг В. Камши по ходу развития действия приобретает все больше положительных черт. Алва играет важную роль в объединении Талига для преодоления Излома эпох, сопряженного, как правило, с эсхатологическими настроениями.

По трактовке мифа умирающего и воскрешающего царя М. Элиаде, роль божества играет царь, которому необходимо ритуально умереть, попасть в преисподнюю и воскреснуть [Элиаде, 1994]. История Ринальди наглядно демонстрирует этот миф и образ.

Рассмотрим другой эпизод из «Отблесков...» в эсхатологической проекции. Ричард Окделл, один из основных героев цикла, в ходе своей сюжетной арки два раза нарушает клятву верности своему наставнику и сеньору (Рокэ Алва), после чего в его родном крае (Надор) происходит страшное землетрясение. В результате природного катаклизма погибают члены семьи Ричарда.

У Дж. Мартина ситуация другая, но не лишенная схожести с В. Камшой. В начале его цикла в поле зрения читателей оказываются несколько героев и несколько домов. У каждого дома своя мифологическая история рода, которая находит отражение в том числе в зооморфных фетишах родов. Например: лютоволк на гербе дома Старк, дракон – герб Таргариенов, а лев – Ланнистеров. В мире В. Камши у пяти основных домов (повелителей стихий, а также Раканов) мифологическая история связана с богами, и это известно и не скрыто в повествовании. Вышеописанная история Ринальди доказывает связь персонажей с божественным началом и описывает его сотериологическую функцию уже в первой книге цикла «Красное на красном».

У Дж. Мартина никто из представителей родов, даже Таргариены, изначально не претендует на сотериологическую функцию. Только ближе к концу «Песни...» появляются предположения, что эту функцию сможет взять на себя Бран Старк, претендующий на то, чтобы стать новым воплощением Трехглазого Ворона.

Активное использование эсхатологических мифов – важнейшая черта художественных миров В. Камши и Дж. Мартина. Е.Е. Приказчикова определяет эсхатологические мифы как «мифы о конце света, которые описывают время всеобщего разрушения мира. Эти мифы, как правило, возникают в период распада родового строя, который сопровождается междоусобной войной и разрывом кровно-родственных связей» [Приказчикова, 2021].

В обоих фэнтези-циклах присутствует своя эсхатологическая мифология. У В. Камши – это Излом. Раз в четыреста лет в Кэртиане происходят крупные катаклизмы и изменения, которые значительно меняют общий миропорядок.

Сюда же можно отнести и свержение династии Раканов (разрыв кровно-родственных связей), и приход к власти узурпаторов Олларов, после которых жизнь на материке Золотые Земли значительно изменилась.

У Дж. Мартина эсхатологическое начало выражается в угрозе нашествия Белых Ходоков, которые в традициях германо-скандинавского Рагнарека («гибель богов»), хотят погрузить мир во тьму и уничтожить всю жизнь. При этом

название для своего цикла «A Song of Ice and Fire» Дж. Мартин позаимствовал из стихотворения поэта Р. Фроста, где речь шла об эсхатологическом аспекте: «Одни говорят: мир умрет в огне, другие твердят про лед. Я долго жил, и кажется мне, Огонь скорей подойдет <...> И если для смерти не хватит огней, Лед стодится тогда» [Фрост, 2006].

Таким образом, в фэнтези-мире Дж. Мартина находит реализацию мифологема огня, ассоциирующаяся с сильным землетрясением, которое вызвало извержение нескольких вулканов. В результате этого «рока Валирии» гибнет Валирийская республика, могущественное государство, владевшее благодаря своему мощному флоту половиной мира. Спаситься во время катастрофы удалось только семейству Таргариенов, которые при помощи трех драконов завоевали континент Вестерос. Огонь здесь выступает как многозначный символ, представляющий как разрушение (извержение вулканов и гибель Валирии), так и созидательную силу (огнедышащие драконы, которые помогают Таргариенам завоевать Вестерос, а также возвысить саму Валирию).

Хронотоп фэнтези-циклов Дж. Мартина и В. Камши. По определению М.М. Бахтина, хронотоп – «формально-содержательная категория литературы», обозначающая «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1986].

Е.Н. Ковтун, анализируя космогоническую модель бытия в мифе, ставила на первое место именно его особый хронотоп, включающий в себя «начальную эпоху и циклическую замкнутость» [Ковтун, 2008].

Темпоральный аспект – Время. Отметим одну из ключевых особенностей мира Дж. Мартина – длительность сезонов в году. Теплое лето может идти годами, но неизбежно приходит суровая многолетняя зима, которая заставляет усердно готовиться к ней и с трудом ее переживать.

Такой хронотоп несет в себе несколько символических значений. В мире Дж. Мартина длительные сезоны символизируют циклическую природу времени, характерную для мифологических миров. Долгая зима может интерпретироваться как метафора эсхатологического периода – конца света или великих испытаний, которые человечество должно пережить. Это отражает идею о том, что даже в мире с «нормальным» временем всегда наступают периоды хаоса и разрушения, как это происходит, например, в базовой для писателя германо-скандинавской мифологии, но в мире магии у Дж. Мартина эта идея в значительной степени гиперболизирована.

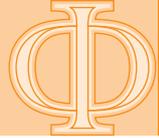
Также такой хронотоп с его «начальной эпохой» и циклической замкнутостью напоминает мифологические представления о создании мира, где времена года символизируют фазы творения и разрушения. В этом смысле долгая зима может рассматриваться как период «разрушения» перед новым началом аналогично мифическим космогоническим процессам. «Циклы времени, характерные для многих древних мифов, возвращаются в современную фэнтези как способ описания вечных битв между добром и злом, где конец света всегда сопровождается новым началом» [Гринченко, 2015].

Выше мы уже писали, что мир Кэртианы создан искусственно и упорядочен. Это повлияло и на его хронотоп. В заметке «Календарь» В. Камша объясняет систему летоисчисления в Золотых Землях Кэртианы: «Летоисчисление ведется от Создания и делится на чередующиеся четырехсотлетние Круги (эпохи), посвященные одной из четырех стихий: Скалам – Ветрам – Волнам – Молниям...» [Камша, 2022]. В свою очередь, год в Кэртиане длится 384 дня. Он делится на четыре сезона, в каждом из которых по четыре месяца.

У обоих писателей время эсхатологично. Каждые 400 лет у В. Камши происходит Излом, а в «Песни Льда и Огня» каждая зима несет смерть и упадок. Разница в том, что в мире В. Камши все меняется строго раз в 400 лет, а у Дж. Мартина конкретная продолжительность Лета и Зимы не определена. К началу первого романа «Игра престолов» лето, продолжавшееся 10 лет, постепенно сменяется осенью. Оба фэнтезийных цикла объединяет ожидание суровой зимы, сопряженное с пробуждением сил зла: Белых Ходоков у Дж. Мартина и выходцев (нежити) и раттонов у В. Камши.

Можно заметить определенную разницу в функциональном значении темпоральных измерений у двух авторов. У Дж. Мартина эсхатологическая ситуация наступления Зимы не только задается автором, но и всемерно чувствуется всеми жителями Вестероса, особенно это касается жителей Севера. У В. Камши, напротив, эсхатологическая ситуация портящегося времени, предчувствия Излома первоначально совершенно не ощущается жителями Кэртианы, об этом знает только Страж Заката – Одинокий: «Скоро старая, добрая Кэртиана будет вотчиной раттонов, пройдет еще несколько веков, и то, во что превратится некогда вольный и радостный мир, придется уничтожить» [Камша, 2022]. Данное обстоятельство придает дополнительный драматизм повествованию в первых книгах писательницы, когда практически все главные герои, подобно простому народу, не понимают, что происходит на их глазах: почему люди превращаются в выходцев, что символизирует появление Пегой кобылы, почему крысы покидают Агарис? Эта поэтика тайны, сопряженная с образами авторской мифологии, составляет одну из основных черт стиля В. Камши как писателя. Она часто вводит авторские мифологические образы в качестве эсхатологических символов, несущих в себе информацию о грядущих изменениях космологии Кэртианы.

Топос. Рассмотрим географию фэнтезийных миров В. Камши и Дж. Мартина. Основное место действия сюжета в «Песне льда и огня» – континент Вестерос, напоминающий Великобританию. На континенте находятся Семь Королевств, а за Стеной лежат вечномерзлые земли Одичалых. Подобная структура горизонтальной модели мира напоминает германо-скандинавскую мифологию, где срединный мир людей, Мидгард, рассматривается как «"средняя усадьба" космоса, освоенная земля людей, созданная из плоти великана Имира. За пределами Мидгарда лежит необработанная и нецивилизованная земля Утгард. На краю земли Утгард переходит в пустынный Етунхейм, землю великанов, враждебную человеку» [Приказчикова, 2021].

Остановимся подробнее на образе Стены. Н.Ю. Зубова пишет, что «стена – это физический, политический, смысловой и ценностный полюс Вестероса, гиперболизированный образ Границы, наполненный глубоким философским смыслом» [Зубова, 2012].

Стена делит Вестерос на два полярных топоса: цивилизованный юг и хаотичный север, или же на мир человеческий, где бурлит жизнь, и на мир смерти, где обитают Белые Ходоки. Аналогично в действительности Адрианов Вал был построен римлянами (продвинутой цивилизацией – порядок) для защиты от набегов различных племен (менее развитые общества – хаос) с севера Британии, тем самым остров был разделен горизонтально на два полярных топоса, словно Стена у Дж. Матрина.

В «Отблесках Этерны» тоже есть место, аналогичное образу Стены у Дж. Мартина, но масштабы этого топоса **гораздо** скромнее. Древняя столица Золотых Земель Гальтара тоже своего рода стена, которая защищает жизнь и спокойствие Талига и других государств от древних ужасов, что таятся в подземельях под руинами старой столицы, где обитает ужасный Зверь Раканов.

По части географии оба фэнтези-цикла представляют разнообразные климатические и географические области. Основные события обоих циклов происходят на отрезанных от большого соседа-материка островах-континентах. У В. Камши Золотые Земли морями отграниченны от Багряных Земель. У Дж. Мартина Вестерос ограничен Узким морем от Эссоса. Примечательно, что в этом аспекте циклы идентичны. Нам доподлинно не известны полные размеры ни Эссоса, ни Багряных Земель. И там и там это далекие земли, полные опасностей и неизвестного.

Исходя из этого, можно предположить, что наличие рядом с основным материком другого, более крупного, необходимо обоим циклам. Наличие дальних земель, как известных, так и неизвестных, способствует более глубокому восприятию читателями художественных миров авторов, являясь важной чертой эпического фэнтези.

Кроме того, локализуя действие на изолированных островах, авторы сосредоточивают внимание читателя на внутренних конфликтах и развитии персонажей. Часто изоляция также подчеркивает различия между известным (главный остров-материк) и неизвестным (далекие земли), что усиливает общее напряжение и интригу повествования, так как читатели ждут, когда эти земли будут исследованы и показаны в романах. Остров как топос отражает конфликт между безопасностью и неизвестностью, стабильностью и хаосом (более исследованный и цивилизованный Вестерос против дикого и таинственного Эссоса).

И в том и в другом художественном мире принципиально значимым оказывается образ Границы. Но если в мире Дж. Мартина граница организует горизонтальное пространство романов, сдерживая экспансию враждебного Севера, то у В. Камши мы в большей степени находим образ Границы, организующей вертикальные миры кэртианской космологии. Где-то в верхнем мире Стражи Заката

обороняют Рубежи Ожерелья миров, где-то в нижнем космосе, в подземельях Гальтары, заключены Закатные твари и мифический Зверь Раканов, чье освобождение грозит неисчислимыми бедами для континента.

Что касается среднего мира людей, там мы сталкиваемся чаще всего с невидимой границей, разделяющей добро и зло в условиях, когда одной из важнейших черт авторской поэтики оказывается «ломка стереотипов». В силу этого некоторые герои В. Камши, которые при первом рассмотрении казались безусловными антагонистами, например первый маршал Талига Рокэ Алва, впоследствии оказывались на стороне «света», выполняя сотериологические функции. Напротив, безусловные протагонисты первых двух книг, вроде Дика Окделла, со временем переступали внутреннюю границу между светом и тьмой (нарушение клятв, убийство королевы), становясь в конце концов добычей Изначальных Тварей в небытии Лабиринта и лишив себя надежды на Посмертие (аналог кэтрианского рая).

Выводы. Исследование показало, что оба автора создают Вторичные миры, в которых космология и хронотоп играют очень важную роль в общей мифопоэтике текста.

Космология В. Камши представлена в подробно прописанной системе миров «Ожерелья», где каждый мир находится под угрозой неизвестного врага. Также космологическое начало мира напрямую связано с основными персонажами цикла, особенно с теми, дуга характера которых оказывает непосредственное влияние на развитие действия (Ринальди, Рокэ Алва, Ричард Окделл). В отличие от этого, Дж. Мартин намеренно оставляет многие вопросы космологии открытыми, что добавляет миру «Песни Льда и Огня» загадочности и глубины.

Герои Дж. Мартина более «земные», так как их большая часть не связана непосредственно с магическим миром. Исключение составляет Бран Старк, у которого с развитием сюжета все больше проявляются магические способности, но источник его сил до конца не известен. Основные герои В. Камши, ведущие свою родословную от богов-творцов, наоборот, напрямую связаны с высшей космологией мира через подробно прописанную космогонию, и магия этого мира через образы авторской мифологии оказывает на них сильное и непосредственное влияние (землетрясение в Надоре, вызванное нарушением Диком Окделлом клятвы верности Раканам).

Также в цикле В. Камши находит отражение миф об умирающем и воскрешающем боге/царе (Ринальди Ракан), который является частью космологии Вторичного мира автора.

Анализ хронотопа выявил как сходные, так и различные моменты.

В обоих циклах принципиально значимым является образ Границы. Но у Дж. Мартина она организует горизонтальное пространство романов, сдерживая экспансию враждебного Севера, а у В. Камши мы в большей степени нашли образ Границы, организующей вертикальные миры космологии Кэртианы.

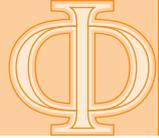
Также оба автора активно используют мифологические мотивы, однако В. Камша более склонна к созданию собственной авторской мифологии и незначительно заимствует материал древнеэллинического представления о мире и героях, тогда как Дж. Мартин в большей степени опирается на сюжеты и образы германоскандинавской и кельтской мифологии.

Эсхатологические мифы имеют безусловную важность для целостности восприятия темпоральной мифологии в обоих циклах. Мы заметили разницу в функциональном значении темпоральных циклов у двух авторов. У Дж. Мартина наступление Зимы предчувствуется жителями мира, начиная с пролога «Игры Престолов» (появление Иных). У В. Камши ситуация диаметрально противоположна – очередной Излом поначалу не ощущается жителями Кэтрианы, включая основных героев цикла. Об этом известно только читателю (Пролог с Одиноким), что придает дополнительного драматизма сюжету. Различия в подходах у авторов подчеркивают их разные философские и литературные цели. У Дж. Мартина прямое предчувствие надвигающейся Зимы создает напряженную атмосферу и обращает внимание на борьбу человечества с природными и магическими силами, что характерно для классического эпического фэнтези. У В. Камши предчувствие Излома, сопряженное с появлением эсхатологической символики, позволяет исследовать глубокие психологические и философские темы, связанные с этической составляющей судеб отдельных людей и всего мира. Данный аспект позволяет видеть в фэнтези-цикле В. Камши черты не только эпического, но и психологического фэнтези.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121–290.
2. Винтерле И.Д. Миф как основа литературы фэнтези // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1 (2). С. 37–39.
3. Видеоинтервью Веры Камши для YouTube канала «Книга фанфиков» [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/KY8Dd2U> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Габриелян О.А. Мифопоэтика культура: к возможной методологии исследования // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (40), № 3. С. 158–166.
5. Гринченко Г.А. Место космогонических и эсхатологических мифов в современной фэнтези // Научная палитра. 2015. № 3 (9). С. 8.
6. Жаринов Е.В. Жанр «фэнтези» в современной англо-американской беллетристике [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20120216114921/http://www.samopiska.ru/main_dsp.php?top_id=1153 (дата обращения: 02.01.2025).
7. Злотницкий Д. Магия, боги и нежить «Отблесков Этерны» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirf.ru/book/magiya-bogi-i-nezhit-otbleskov-eterny> (дата обращения: 24.09.2024).

8. Зубова Н.Ю. Граница как элемент картины мира: на примере анализа художественной модели мира в романах цикла Дж.Р.Р. Мартина «Песнь льда и Огня» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 23 (277). С. 48–52.
9. Камша В.В. Видимое небесное // Камша В.В. Красное на красном. М.: Эксмо, 2022. С. 660–680.
10. Камша В.В. Из глубин. М.: Эксмо, 2023. 857 с.
11. Камша В.В. Красное на красном. М.: Эксмо, 2022. 704 с.
12. Камша В.В. Пламя Этерны // Камша В.В. От войны до войны. М.: Эксмо, 2022. С. 9–118.
13. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008. 410 с.
14. КрасноВУ. «Отблески Этерны»: феодальная утопия Веры Камши [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@bel_krasnoby-otbleski-eterny-feodalnaya-utopiya-very-kamshi?ysclid=lrg45lzfek301090365 (дата обращения: 06.11.2024).
15. Кулакова О.К. Авторское мифотворчество в жанре фэнтези // Вестник ИГЛУ. 2010. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-mifotvorchestvo-v-zhanre-fentezi> (дата обращения: 28.01.2025).
16. Лебедев И.В. Проблема жанровой классификации фэнтези как вида приключенческой литературы // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhanrovoy-klassifikatsii-fentezi-kak-vida-priklyuchencheskoj-literatury> (дата обращения: 01.11.2024).
17. Мартин Джордж Р.Р. Игра Престолов: из цикла «Песнь льда и огня»: [фантастический роман] / пер. с англ. Ю.Р. Соколова. М.: АСТ, 2019. 768 с.
18. Наумчик О.С. Концепция мультивселенной в литературе фэнтези: от М. Муркока до А. Сапковского // Ученые записки Петровского государственного университета. 2020. № 3. С. 43–51.
19. Паулюс П.Й. Воплощение идей «скандинавского мифа» в кино вселенной «Песнь льда и пламени» // Человек и культура. 2018. № 4. С. 31–45.
20. Приказчикова Е.Е. Поэтика мифа: учеб. пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 242 с.
21. Пузиков Г.А. Мифологические мотивы в романах Дж.Р.Р. Мартина «игра престолов» и «битва королей» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. VII Международной научной конференции молодых ученых. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 165–169.
22. Пьянзина В.А. Авторский миф как жанр современной литературы // Universum: филология и искусствоведение. 2017. № 9 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-mif-kak-zhanr-sovremennoy-literatury> (дата обращения: 26.12.2024).

23. Рубанец О.Б. Скандинавская мифология в современной и американской литературе жанра фэнтезии // XX Юбилейные Царскосельские чтения: материалы международной конференции: в 2 т. / Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. СПб., 2016. Т. 1. С. 268–272.
24. Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. 304 с.
25. Толкин Дж.Р.Р. О волшебных сказках // Чудовища и критики и другие статьи: перев. с англ. / под ред. Кристофера Толкина. М.: Elsewhere, 2006. С. 109–162.
26. Травкин С.В. Магическая реальность фэнтезийного мира: к вопросу о жанрообразующих признаках романа фэнтези // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 298–307.
27. Фрост Р. Огонь и лед [Электронный ресурс]. URL: <http://davidaidelman.livejournal.com/72309.html> (дата обращения: 10.09.2024).
28. Хоруженко Т.И. Русское фэнтези на границе с детективом: трансформации жанра // Вестник ННГУ. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-fentezi-na-granitse-s-detektivom-transformatsii-zhanra> (дата обращения: 23.10.2024).
29. Черкесова П.С. Мифологические мотивы в современном русском фэнтези-романе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5–1. С. 301–303.
30. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
31. Шиппи Т. Дорога в Средиземье [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/shippi_tom/doroga_v_sredzemele.html (дата обращения: 16.09.2024).
32. Эйхвальд Н. Альбигойцы, король Артур и японский феодализм: разбираемся в исторической основе «Игры престолов» [Электронный ресурс]. URL: <https://ngs55.ru/text/culture/2019/04/16/66054958/> (дата обращения: 25.10.2024).
33. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
34. Martin G.R.R., Elio M. Garcia Jr., Antonsson L. The World of Ice & Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones. N.Y.: Bantam Books, 2014. 214–492 p.
35. Lowder J. (ed.) Beyond the Wall: Exploring George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire, From A Game of Thrones to A Dance with Dragons. Dallas: Smart Pop, 2012.

Сведения об авторе

Теплов Артем Игоревич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет (Екатеринбург); e-mail: teplov713@gmail.com

COMPARISON OF COSMOLOGY AND CHRONOTOPE IN REFLECTIONS OF ETERNA BY V. KAMSHA AND A SONG OF ICE AND FIRE BY J. MARTIN

A.I. Teplov (Yekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The relevance of the research is due to the steady growth in the popularity of the fantasy genre in Russia and around the world. A comparative analysis of the artistic worlds of V. Kamsha and J. Martin, recognized masters of fantasy literature, helps us to better understand the trends in the development of the genre.

The purpose of the work is to identify the typology of differences and similarities between the artistic worlds of V. Kamsha and J. Martin through the analysis of cosmology and chronotope fantasy cycles.

Review of the scientific literature on the problem. The analysis is based on works in the field of the study of fantasy poetics (J.R.R. Tolkien, T.I. Khoruzhenko, E.N. Kovtun, E.E. Prikazchikova), including the themes of understanding the chronotope *Reflections of Eterna* and *Songs of Ice and Fire* (P.S. Cherkesova, I.V. Lebedev).

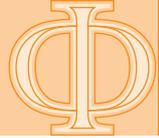
Methodology. Comparative historical, genre, typological and mythopoetic analyses are used as research methods.

Research results. A comparative analysis of the artistic worlds of V. Kamsha and J. Martin showed similar elements of deep mythology and large-scale geography, but differences in approaches to cosmology and chronotope. V. Kamsha has a detailed system of “Necklace” worlds with clear eschatological cycles, whereas J. Martin’s world is more mysterious, with an emphasis on earthly events and indefinite time cycles. The image of the Border organizes V. Kamsha’s vertical worlds and J. Martin’s horizontal worlds. Kamsha creates a unique author’s mythology, while Martin relies on historical analogies and Scandinavian mythology.

Keywords: *V.V. Kamsha, J.R.R. Martin, mythology, fantasy, chronotope, cosmology, comparative analysis, eschatology, art world.*

References

1. Bakhtin M.M. The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics // Literary and critical articles. Moscow: Fiction, 1986. P. 121–290.
2. Winterle I.D. Myth as the basis of fantasy literature // Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2021. No. 1(2). P. 37–39.
3. Video-built-in cameras for the YouTube channel “Kniganchikov” [Electronic resource]. URL: <https://goo.su/KY8Dd2U> (access date: 09.10.2024).
4. Gabrielyan O.A. Mythopoetics of culture: towards a possible research methodology // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2018. Vol. 4 (40), No. 3. P. 158–166.
5. Grinchenko G.A. The place of cosmogonic and eschatological myths in modern fantasy // Scientific Palette. 2015. No. 3 (9). P. 8.

6. Zharinov E.V. The genre of “Intesa” in the modern Anglo-American encyclopedia [Electronic resource] URL: https://web.archive.org/web/20120216114921/http://www.samopiska.ru/main_dsp.php?top_id=1153 (access date: 02.01.2025).
7. Zlotnitsky D. Magic, gods and the undead “Reflections of Eterna” [Electronic resource]. URL: <https://www.mirf.ru/book/magiya-bogi-i-nezhit-otbleskov-eterny> (access date: 24.09.2024).
8. Zubova N.Y. Border as an element of the worldview: an example of the analysis of the artistic model of the world in the novels of J. R. R. Martin’s A Song of Ice and Fire cycle // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. No. 23 (277). Pp. 48–52.
9. Kamsha V.V. Red on red. Moscow: Eksmo, 2022. 704 p.
10. Kamsha V.V. The flame of Eterna // Kamsha V.V. From war to war. Moscow: Eksmo, 2022. Pp. 9–118.
11. Kamsha V.V. The visible celestial // Kamsha V.V. Red on red. Moscow: Eksmo, 2022. Pp. 660–680.
12. Kamsha V.V. From the depths. Moscow: Eksmo, 2023. 857 p.
13. Kovtun E.N. The statesman in the literature of the XX century. Textbook. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2008. 410 p.
14. Eloquent. “Reflections of Eterna”: the feudal utopia of Vera Kamshi [Electronic resource]. URL: https://vk.com/@bel_krasnoby-otbleski-eterny-feodalnaya-utopiya-very-kamshi?ysclid=lrg45lzfek301090365 (access date: 11/06/2024).
15. Kulakova O.K. Author’s myth-making in the fantasy genre // IGLOO Bulletin. 2010. No. 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-mifotvorchestvo-v-zhanre-fentezi> (access date: 01.28.2025).
16. Lebedev I.V. The problem of genre classification of fantasy as a type of adventure literature // Knowledge. Understanding. Ability. 2015. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhanrovoy-klassifikatsii-fentezi-kak-vida-prikluchencheskoy-literatury> (access date: 11.01.2024).
17. Martin G.R.R. Game of Thrones: from the cycle “A Song of Ice and Fire”: [fantasy novel] / [trans. translated from English by Y.R. Sokolov]. Moscow: AST Publishing House, 2019. 768 p.
18. Naumchik O.S. The concept of the multiverse in fantasy literature: from M. Murkoka to A. Sapkovsky // Scientific Notes of Petrovzavodsk State University. 2020. No. 3. Pp. 43–51.
19. Paulus P.J. The embodiment of the ideas of the “Scandinavian myth” in the film universe “A Song of Ice and Fire” // Man and Culture. 2018. No. 4. Pp. 31–45.
20. Prikazchikova E.E. The poetics of myth: textbook. manual; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2021. 242 p.
21. Puzikov G.A. Mythological motifs in J.R.R. Martin’s novels “Game of Thrones” and “Battle of kings” // Collection of articles at the VII International Scientific Conference of Young Scientists “Topical issues of philological science of the 21st century”. Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2018. Pp. 165–169.

22. Pyan-Zina V.A. Author's mix as a genre of modern literature // *Universum: philosophy and art*. 2017. No. 9 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-mif-kak-zhanr-sovremennoy-literatury> (access date: 12.26.2024).
23. Rubane O. B. Saudi Arabia in modern and American literary genres // *Bible Readings. Materials of the international conference: in 2 vols. / Leningrad State University named after A.S. Pushkin. St. Petersburg, 2016. Vol. 1. Pp. 268–272.*
24. Takho-Godi A. A. *Greek mythology*. Moscow: Art, 1989. 304 p.
25. Tolkien J.R.R. On fairy tales // *Monsters and critics and other articles: transl. from English / ed. Christopher Tolkien. Moscow: In Another Place, 2006. Pp. 109–162.*
26. Travkin S.V. The magical reality of the fantasy world: on the issue of genre-forming features of the fantasy novel // *Herald of the MGLU. Humanities*. 2017. No. 6 (777). Pp. 298–307.
27. Frost R. Fire and ice [Electronic resource]. URL: <http://davidaidelman.livejournal.com/72309.html> (access date: 09.10.2024).
28. Khoruzhenko T.I. Russian fantasy on the border with detective fiction: transformations of the genre // *Bulletin of the National Research University*. 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-fentezi-na-granitse-s-detektivom-transformatsii-zhanra> (access date: 10.23.2024).
29. Cherkesova P.S. Mythological motifs in the modern Russian fantasy novel // *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2015. No. 5-1. Pp. 301–303.
30. Shatsky E. *Utopia and Tradition*. Moscow: Progress, 1990. 456 p.
31. Shippi T. The road to Middle-earth [Electronic resource]. URL: https://royallib.com/book/shippi_tom/doroga_v_sredzemele.html (access date: 09.16.2024).
32. Eichwald N. The Albigenses, King Arthur and Japanese feudalism: understanding the historical basis of the “Game of Thrones” [Electronic resource]. URL: <https://ngs55.ru/text/culture/2019/04/16/66054958/> (access date: 10.25.2024).
33. Eliade M. *Sacred and Secular*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1994. 144 p.
34. Martin G.R.R., Elio M. Garcia Jr., Antonsson L. *The World of Ice and Fire: The Untold Story of Westeros and the Game of Thrones*. New York: Bantam Books, 2014. Pp. 214–492.
35. Lawder J. (ed.) *Beyond the Wall: Explore George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire, from Game of Thrones to A Dance with Dragons*. Dallas: Smart Pop, 2012.

About the author

Teplov, Artem I. – PhD Candidate, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); e-mail: teplov713@gmail.com

УДК: 811.161.1 : 81'373.45

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ АППРОКСИМАЦИИ

В. Чжан (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Современная лингвистика недостаточно исследовала феномен выражения времени в языке с точки зрения аппроксимации, когда объективное понимание временной длительности переплетается с субъективным восприятием. Существует потребность в определении и систематизации языковых средств, с помощью которых выражается приблизительность времени, а также в выявлении двойственной природы времени как объективного физического явления и субъективного феномена сознания.

Цель статьи – исследовать темпоральную аппроксимацию как функционально-семантическое микрополе, выявить ее специфику, основанную на двойственной природе времени (объективной и субъективной), а также описать языковые средства ее реализации на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Материалом статьи являются ресурсы основного корпуса НКРЯ. Основой исследования послужил корпус примеров из художественной литературы, публицистики и научных текстов (на материале НКРЯ).

Методы исследования: философский анализ, семантико-функциональный анализ, контекстуальный анализ, сравнительный анализ и семантический анализ.

Обзор научной литературы по проблеме. Философская база исследования опирается на концепции И. Канта (время как априорная форма чувственности) и И. Ньютона (абсолютное время как независимая сущность), что подчеркивает дуализм темпоральности. Также учитываются труды об аппроксимации, темпоральной аппроксимации Т.И. Дешериева, о темпоральности и дуплановости темпоральности С.М. Беляковой и Е.В. Тарасовой.

Результаты исследования. Выделяются три категории темпоральной аппроксимации: аппроксимация через конкретный момент времени, аппроксимация через временной период, контекстуально обусловленная приблизительность, при которой акцент смещается от неопределенности к точности. С точки зрения уровней языка выделяются лексические, морфологические и синтаксические способы выражения темпоральной аппроксимации.

Выводы. Установлено, что темпоральная аппроксимация сочетает признаки объективности и субъективности, а также признаки количественности (ориентир на отрезок) и качественности (субъективное восприятие), что отличает ее от других типов аппроксимации. Следовательно, требуется уделить особое внимание языковым способам ее выражения.

Ключевые слова: *семантическая категория, темпоральная аппроксимация, дуплановая категория, лексические способы, морфологические способы, синтаксические способы.*

Автор выражает искреннюю благодарность профессору Дмитрию Григорьевичу Демидову за неоценимую помощь в работе над данной темой.

Постановка проблемы. Проблема исследования заключается в недостаточной изученности темпоральной аппроксимации как микрополя в рамках функционально-семантического поля аппроксимации в русском языке. Это микрополе даже не выделяют при изучении семантической категории аппроксимации. Несмотря на существование большого числа работ, посвященных категории времени (темпоральности), ее аппроксимативный аспект, сочетающий объективную (физическую) и субъективную (воспринимаемую) природу времени, остается также малоисследованным. Требуется систематизация языковых средств, выражающих приблизительность во времени, а также уточнение их классификации с учетом диалектики точности и неопределенности в рамках коммуникативных задач.

Обзор научной литературы. Под темпоральностью понимается лингвистический аспект категории времени, или лингвистическое время; это «вся совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории» [Дешериева, 1975, с. 111]. Мы считаем, что темпоральная аппроксимация имеет характеристики не только качественности, но и количественности. Е.В. Тарасова определяет темпоральность как «своеобразную двуплановую объективно-субъективную категорию, которую также можно представить как особую форму познания мира, сочетающую в себе свойства реального, перцептуального и индивидуального времени» [Цит. по: Белякова, 2005, с. 24–25].

Философское обоснование вышесказанного заключается в том, что существование времени как такового объективно и человеком всегда воспринимается субъективно. В «Критике чистого разума» Иммануил Кант указывает, что время – это априорная форма чувственности, субъективная структура, через которую человек упорядочивает опыт. Оно не существует независимо от разума, как «очки», через которые мы видим мир [Кант, 2020, с. 56]. Исаак Ньютон же верил в объективность времени. В «Математических началах натуральной философии» он писал, что Абсолютное время – это независимая от материи и наблюдателя сущность, «чистая длительность», равномерно текущая в пустоте [Ньютон, 1989, с. 53–54]. Таково основание классической физики.

В соответствии с положениями Канта и Ньютона мы считаем, что Время обладает двойственной природой: объективно – как физическая структура, регулируемая законами природы; субъективно – как феномен сознания, формирующийся через восприятие и память. Поэтому время в языке, то есть семантическая категория темпоральности, носит не только объективный характер, но и субъективный [Чжан, 2024, с. 11]. По нашему мнению, с точки зрения семантической категории аппроксимации с ее выражением в виде организованного единицами разных уровней функционально-семантического поля аппроксимации темпоральная аппроксимация в составе этого поля должна пониматься как отдельное микрополе, оно сочетает в себе признаки качественности и количественности и имеет характер не только объективности, но и субъективности, пригодной, в частности, для соблюдения речевого этикета.

Результаты и обсуждение. Темпоральная аппроксимация как микрополе поля аппроксимации имеет характеристики, общие для всего поля: 1) логическая операция сравнения известного понятия с его содержанием и неточным объемом с объектом сравнения в реальном мире; 2) приближение демонстрирующих признаков к объекту сравнения; 3) неточность или нечеткость такого приближения. Таким образом, в описании темпоральной категории, в зависимости от различий в точке сравнения, можно выделить три признака темпоральной аппроксимации.

А. Точка сравнения представляет собой конкретный момент времени, в этом случае акцент в значении делается на конкретной временной точке, которая используется в качестве ориентира для описания приблизительного времени.

На примерах показано, что часто встречаются такие выражения, как: *Ему под 60 (лет). Ему уже за 20 (лет).*

Б. Точка сравнения представляет собой временной период. В этом случае в речи акцент делается не на конкретном временном моменте, а на определенном временном периоде, важна не длительность временной единицы, а смысловой акцент. Часто используемые слова для обозначения временных периодов включают: такие неопределенные временные единицы, как *утро, день, вечер, ночь, пора, зима, весна, лето, осень, дни, годы*¹, которые обозначают конкретные, но нечетко определенные временные промежутки; также такие универсальные единицы времени, как *год, квартал, месяц, день, час, минута, момент, секунда, миг.*

Первые (например, *утро* или *вечер*) обычно содержат в себе определенный культурный контекст, так как их временные границы изначально не являются четко очерченными. Поэтому, будучи обозначениями периодов времени, эти слова изначально включают в себя приблизительный семантический характер. Например: *К вечеру подойду* (см. ниже).

Вторые с научной точки зрения представляют собой единицы временных периодов, в таких случаях акцент делается не на конкретной точке, а на определенном периоде. Несмотря на то что в повседневной жизни принято считать, что *секунда* является минимальной точной единицей времени, существуют более мелкие единицы, такие как *миллисекунда, микросекунда, наносекунда, пикосекунда* и так далее. Таким образом, с микроскопической точки зрения каждая временная единица, используемая нами в быту, представляет собой временной отрезок, а не точку. С диалектической точки зрения человек не способен абсолютно точно выразить время на шкале его течения из прошлого в будущее (или, в традиционном понимании, из будущего в прошлое, ср.: *Прежде* ('впереди, перед нами') *люди читали больше*), а может лишь приблизиться к относительной точности. В таких случаях степень временной приблизительности определяется привычками использования и контекстом. Это приводит к тому, что множество временных

¹ В двух последних словах значение приблизительности придает категория множественного числа, о чем писал еще О. Есперсен, первооткрыватель аппроксимации, он назвал приблизительные выражения, такие как «a man in the sixties»; «the sixties of the last century», термином «*approximatia pluralia*» [Jespersen, 1958, с. 191–192].

выражений, которые обычно остаются незамеченными, относятся к категории темпоральной аппроксимации. Например: *в то время, в этот момент, в эту секунду, в этот миг* и так далее.

Холмогоров пугливо почувствовал, что должен тоже вот-вот погибнуть, как погибли все, но в этот миг раздался дурной возглас напарника, который, словив нужную бирку, отчего-то расpiraем был то ли гордостью, то ли удивлением: «Вот он!»²; В этот миг мне показалось, что я уже когда-то видел эту серую стену или, по крайней мере, слышал о ней...³

Из этих предложений ясно, что, хотя слово *миг* уже является исключительно малой единицей времени, в данном контексте его все равно нельзя считать точным выражением, а скорее приблизительным описанием, то есть находящимся по соседству с этим кратким моментом времени. Однако такие выражения, как *8 часов* или *7:45*, с указанием точных чисел, более явно акцентируют внимание на конкретной временной точке. Сравним следующие примеры.

Перри стоял в тот час у окна и видел весь этот скорый ход собственной судьбы⁴. Вчера в 1 час дня в Ростов прибыл поэт К.Д. Бальмонт, накануне читавший в Таганроге свою лекцию «Поэзия как волшебство»⁵.

Хотя единицей времени в обоих примерах является *час*, легко заметить разницу. В первом примере *в тот час* подчеркивается временной период, неважно в какой точный, конкретный момент, неважно сколько проходило времени, важно только приблизительное выражение такого периода. Во втором примере *в 1 час*, который является очень точным моментом времени – 13:00, неважно, в какой фактически момент, примерно от 12:45 до 13:15, то есть в течение получаса, около 13:00 прибыл в Ростов известный поэт. Интересно, что старое беспредложное управление Вин. падежом застывает в виде наречия *тотчас (же)*, которое уже, по всей видимости, темпоральным аппроксиматором не является. Из-за автоматизации выражения *тот час > тотчас* особая функция аппроксимации исчезает.

Следовательно, в рамках этой категории мы можем считать, что разделение времени на точное и приблизительное зависит от семантического акцента. Если смысловой акцент делается на определенном временном этапе, это является приблизительным описанием. Если же акцент делается на конкретной точке времени, это точное описание.

Определив разновидности значений категории темпоральной аппроксимации, мы можем выделить следующие языковые средства ее выражения.

1. Неопределенность или приблизительность во времени часто выражают **лексические** маркеры временной аппроксимации. К ним относятся простые предлоги, составные предлоги, наречия, в том числе местоименные, существительные со значением периода времени.

² Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001.

³ Катаев В. Алмазный мой венец (1975–1977).

⁴ Платонов А.П. Епифанские шлюзы (1927).

⁵ Любовь Волошинова. Ростовский след Серебряного века // Ковчег. 2013.

А. Предлоги всегда играют важную роль в выражении приблизительности времени, задавая ориентиры с элементом неопределенности, например *перед, к: перед рассветом, перед праздником, к вечеру, к исходу лета – накануне*. Важно отметить, что первоначально эти слова имели узконаправленное значение, связанное с пространственной близостью, но с течением времени их семантика обогатилась, они также постепенно приобрели приблизительные значения.

Земского приказа дьяк Петр Вязьмитин перед Московским судным приказом подымай на козел и вместо кнута бит батогами нещадно: своровал в деле, на правез ставил своего человека вместо ответчиков⁶ (предлог в своем прямом пространственном значении).

Самцы многих видов сверчков, кузнечиков и бабочек перед окончанием копуляции затыкают половое отверстие партнерши специальной пробкой, которая делает доступ чужой спермы просто невозможной⁷ (темпоральный аппроксиматор).

Символично, что наша сегодняшняя встреча проходит накануне церемонии инаугурации Совета мира и безопасности Африканского союза, который призван стать важным фактором стабильности и устойчивого развития на континенте⁸ (специализированный темпоральный аппроксиматор).

Аналогичным образом используется слово *около*, но все же есть некоторые различия между *около* и *перед, к*. *Около* по происхождению есть пространственное наречие, и в процессе его употребления в позиции предлога постепенно развилось приблизительное значение в указании на время, на основе этого предлог *около* расширяет свое значение на временные отношения и используется при этом как темпоральный аппроксиматор (*около 1900 года*), а в современном языке *около* приобрело также значение количественной неопределенности и приблизительности, что позволяет выразить не точное, а приблизительное количество и в пространстве. В отличие от предлога *около*, предлоги *перед* и *к*, первоначально являвшиеся пространственными словами, не продолжали развиваться как универсальные количественные аппроксиматоры, наподобие *около*, хотя они также получили значение темпоральной аппроксимации, так что считаем бывшие предлоги *перед, к* типичными темпоральными аппроксиматорами, развившими значение приблизительности только в сфере времени.

Трехмерное пространство допускает простое значение относительности, особое усиление аппроксимативности в этом случае возникает очень редко; одномерное время вместе с выражением относительности расположения моментов на шкале времени ('раньше', 'позже', 'одновременно') предполагает при этом и аппроксимацию. Так, по запросу *недалеко перед* в основном подкорпусе НКРЯ показано всего 3 примера с аппроксиматором *недалеко* при сочетании

⁶ Желябужский И.А. Дневные записки (1682–1709).

⁷ Бутовская М. Антропология пола. 2022.

⁸ Лавров С.В. Выступление на приеме в честь празднования Дня Африки // Дипломатический вестник. 2004.

«перед + Р.п. существительного» (например, *недалеко перед окном*). По запросу *незадолго перед* показано 1038 примеров, оправдывающих семантическое согласование двух темпоральных аппроксиматоров в конструкции «*незадолго перед + Р.п. сущ.*» – *незадолго* и *перед* (например, *незадолго перед обедом*). Колоссальное статистическое различие подтверждает вывод.

Б. Составные предлоги. Составные предлоги являются важным средством выражения темпоральной аппроксимации. Они указывают на приблизительность временных рамок, предоставляя гибкость в обозначении времени. Такие предлоги состоят из двух или более слов, объединенных для выражения сложных временных отношений. Ср.: *в районе, к началу / к концу, под конец, в преддверии, незадолго до, в течение* и так далее.

*Затем при переходе на понижательную фазу (в районе середины – конца 2040-х гг.) можно ожидать довольно жестких кризисов и спадов, которые будут вполне объяснимыми в связи с предшествующим мощным подъемом...*⁹

Иногда во вторичную темпоральную сферу попадают выражения количественной аппроксимации.

*Ей было лет сорок пять. Или около того. Впрочем, я ни копейкой бы в этом не поручился, потому что современные средства косметики позволяют сбить с толку кого угодно, а она их использовала в полной мере*¹⁰.

Нам представляется, что такие неспециализированные средства выражения приблизительности в сфере времени к темпоральным аппроксиматорам в современном русском языке относить не следует.

В. Наречия. Наречия являются важным средством выражения временной аппроксимации в русском языке. Они позволяют указывать на приблизительное, неопределенное или ориентировочное время и часто используются как самостоятельные элементы или в сочетании с другими словами. В этом отношении важно разделить темпоральные и универсальные количественные аппроксиматоры. Ср.: *вскоре, недавно, незадолго, задолго, позднее* и так далее и *приблизительно, примерно*. В большинстве случаев, когда выражается приблизительное темпоральное значение, ему предшествует обозначение временного периода в форме наречия, например: *задолго до, незадолго до*.

*Правда, интерес к техническому регулированию сошел на нет задолго до дня принятия закона – 15 декабря 2002 г. А ведь был повод: Всемирный день качества (14 ноября) и международная конференция в Москве «Качество – путь к совершенству»*¹¹.

Несмотря на более точное указание на точку времени, ситуация аппроксимации остается. Более того, выражение с темпоральным аппроксиматором при точном указании на время показывает субъективное отношение автора

⁹ Гринин Л. Взгляд в будущее: прогнозы на XXI столетие // Век глобализации. 2019.

¹⁰ Волос А. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001.

¹¹ Иванов П. Ключ к правовой экономике. Популярны хроника непопулярного закона // Воздушно-космическая оборона. 2003.

к промежутку времени. Здесь усиливается субъективный признак лингвофилософской категории времени.

Г. Неопределенные временные существительные. С точки зрения объективности существования времени само время не имеет количественного характера, и на начальном этапе восприятие времени людьми зависело от внутренних характеристик самого времени. Поэтому сначала различные этапы разделялись по внутренним характеристикам времени и были созданы простые слова для описания приблизительного времени, опирающиеся на астрономическое явление – вращение Земли вокруг своей оси, такие как *утро*, *день*, *вечер* и *ночь*, которые, с точки зрения говорящих, всегда связаны с движением солнца. По сути, эти слова уже имеют приблизительное лексическое значение и классифицируются на основе традиционного опыта людей и без помощи передовой науки и техники. Таким образом, в этом процессе субъективного восприятия времени и изображения времени в языке описание времени имеет четкие национально-культурные характеристики, обусловленные географическими, историческими и культурными причинами. С непрерывным развитием науки и техники и углублением познания мира людьми, а также с изменением образа жизни время делится все точнее и точнее, изобретаются часы, но из-за ограниченности объективных факторов человек не может достичь абсолютно точного деления времени, то есть невозможно быть полностью точным до мельчайшей единицы времени, даже если рассматривать самое точное выражение, *миллисекунду*, под которую мы можем продолжать его совершенствовать, поэтому с микроскопической точки зрения время никогда не может быть абсолютно точным до точки, то есть выражение времени всегда будет временным отрезком: *в этот миг*, *в эту секунду*, – поэтому мы считаем, что в этом пункте выражение времени нужно рассматривать диалектически, то есть в нем присутствует как (субъективная) определенность, так и (объективная) неопределенность и приблизительность. Это различие хорошо представлено в научном и обыденном значениях слова *момент*.

Следующие слова обозначают время в широких или неточных пределах: *утро*, *вечер*, *ночь*, *начало*, *середина*, *конец*.

Д. Устойчивые выражения и фразеологизмы. Они также служат для выражения временной приблизительности: *на рассвете*, *ни свет ни заря*, *под утро*, *в те дни*, *на закате жизни*.

Ни свет ни заря Абдулка примчался на полигон и устроил побудку своему новому работнику¹².

*Тридцать с лишним лет службы в органах, три развода, потерянная вера, одиночество на закате жизни, грошовая зарплата и отсутствие перспектив*¹³.

2. **Морфологические** способы. Временная аппроксимация может быть выражена за счет использования форм, подразумевающих неопределенность: с помощью формы мн. ч. таких слов, как *дни*, *годы*. Формы множественного

¹² Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001.

¹³ Героиновый тюремщик // Криминальная хроника. 07.24.2003.

числа временных существительных: *в первых числах месяца, в последние годы* (см. сноску 1).

Падежные формы с предлогами часто используются для обозначения приблизительного времени. С этой же целью употребляется беспредложный творительный падеж: *утром, вечером, днем, зимой, летом*, что влечет за собой лексикализацию этих словоформ в виде наречий, и так далее. Винительный падеж с предлогом *за*: *за + вин. п., за 40 лет*.

Следует рассмотреть также вопрос о выражении приблизительности времени формами несов. вида глаголов.

3. Синтаксические конструкции.

А. *В тот миг, в то время, в тот час* и другие перифрастические конструкции с указательным местоимением, анафорическим способом показывающие отношение частичной одновременности, тоже выполняют функцию указания на темпоральную аппроксимацию. Например:

В те-поры война была.

Царь Салтан, с женой простясь,

На добра-коня садясь,

Ей наказывал себя

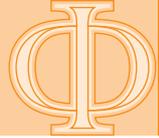
Поберечь, его любя¹⁴.

Русский язык предлагает широкий спектр способов выражения темпоральной аппроксимации, от лексических маркеров до сложных синтаксических конструкций, как правило, отличающихся от языковых средств выражения хорошо известных квантитативной и квалитативной аппроксимации. Это позволяет варьировать степень неопределенности и приблизительности времени в зависимости от ситуации, контекста и коммуникативной задачи. Темпоральность как категория находит выражение не только в морфологической категории глагольного времени, но и в функционально-семантическом поле аппроксимации.

Заключение. Темпоральная аппроксимация подтверждает свой статус микрополя в рамках функционально-семантического поля аппроксимации, обладая уникальным сочетанием объективных и субъективных характеристик. Выделенные признаки, категории и языковые средства демонстрируют, что приблизительность во времени реализуется через диалектику точности и неопределенности, регулируемую контекстом и коммуникативными задачами. Кроме того, осуществлены систематизация языковых маркеров темпоральной аппроксимации, уточнение ее философско-лингвистической основы, введение в научный оборот новой классификации.

Помимо этого, исследование открывает перспективы для изучения аппроксимации в других семантических полях, а также для сопоставительного анализа в типологическом аспекте.

¹⁴Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди: «Три девицы под окном...» (1831).

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

Библиографический список

1. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 40 с.
2. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 111–119.
3. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
4. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / под ред. Л.С. Полака. М.: Наука, 1989. 714 с.
5. Чжан В. Основные аспекты функционирования темпоральных аппроксиматоров в лингвистике (по материалам на русском и китайском языке) // Язык, культура и литература. 2024. С. 10–13.
6. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London: George Alien and Unwin Ltd., 1951. 360 p.

Сведения об авторе

Чжан Вэньчжэ – аспирант кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: zhangwenzhe@yandex.ru

LINGUISTIC WAYS OF EXPRESSING TEMPORAL APPROXIMATION

W. Zhang (St. Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Modern linguistics has not sufficiently investigated the phenomenon of time expression in language from the point of view of approximation, when objective understanding of time duration is intertwined with subjective perception. There is a need to define and systematize the linguistic means by which approximation of time is expressed, as well as to reveal the dual nature of time as an objective physical phenomenon and a subjective phenomenon of consciousness.

The purpose of the article is to investigate temporal approximation as a functional-semantic microfield, to reveal its specificity based on the dual nature of time (objective and subjective), and to describe the linguistic means of its realization at the lexical, morphological, and syntactic levels.

The material of the article is the resources of the main corpus of the NCRL. The corpus of examples from fiction, journalism and scientific texts (on the material of the NCRL) served as the basis of the study.

Research methods: philosophical analysis, semantic-functional analysis, contextual analysis, comparative analysis, and semantic analysis.

The review of scientific literature on the problem: The philosophical basis of the study is based on the concepts of I. Kant (time as an a priori form of sensuality) and I. Newton (absolute time as an independent entity), which emphasizes the dualism of temporality. It also takes into account the works on approximation, temporal approximation by T.I. Desherieva, on temporality and biplanarity of temporality by S.M. Belyakova and E.V. Tarasova.

Research results. Three categories of temporal approximation are distinguished: approximation through a specific moment of time, approximation through a time period, contextually determined approximation, in which the emphasis shifts from uncertainty to accuracy. From the point of view of language levels, lexical, morphological and syntactic methods of expressing temporal approximation are distinguished.

Conclusions. It has been established that temporal approximation combines the attributes of objectivity and subjectivity, and the attributes of quantitateness (reference to a segment) and qualitateness (subjective perception), which distinguishes it from other types of approximation. Consequently, it is necessary to pay special attention to the linguistic ways of its expression.

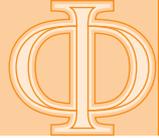
Keywords: *semantic category, temporal approximation, biplanar category, lexical methods, morphological methods, syntactic methods.*

Sources

NCRL – National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (date accessed: 20.02.2025).

References

1. Belyakova S.M. The image of time in the dialect picture of the world. Tyumen: TyumSU Publishing House, 2005. Pp. 24–30.

2. Desherieva T.I. Linguistic aspect of time in its relation to physical and philosophical aspects // *Voprosy linguoznaniya*. 1975. No. 3. Pp. 111–119.
3. Kanta I. *Critique of Pure Reason* / Per. from German. N.O. Lossky. Moscow: Akademicheskii proekt, 2020. 567 p.
4. Newton I. *Mathematical beginnings of natural philosophy* / Ed. by L.S. Polak. Moscow: Nauka, 1989. 714 p.
5. Zhang W. Main aspects of functioning of temporal approximators in linguistics (on materials in Russian and Chinese) // *Language, Culture and Literature*. 2024. Pp. 10–13.
6. Jespersen O. *The Philosophy of Grammar*. London: George Alien and Unwin Ltd., 1951. 360 p.

About the author

Zhang Wenzhe – PhD Candidate, Department of Russian Language, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e-mail: zhangwenzhe@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).
3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].
4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»). Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются переводом на английский язык, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.
5. Библиографический список (References) содержит только научные труды (статьи, монографии). *Ссылки на архивные и художественные источники, диссертации и авторефераты оформляются в подстрочнике.*
6. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

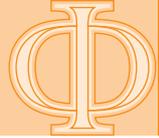
адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (все сведения предоставляются полностью без сокращений);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов;

ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы.

Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и на английском (References).
2. На английском языке также: И.О.Ф. автора Название статьи. Аннотация. Ключевые слова.

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).
2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756
3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2
4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. Pp. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

И так далее не менее 15–20 единиц.

Сведения об авторе на русском языке

.....

На английском языке:**NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION**

G. S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (см. правила ниже)

About the author

Sidorova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Правила оформления References

Общая структура англоязычной библиографической ссылки на статью в журнале должна быть следующей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. Title of article. In: *Title of Journal*, 2005, 10 (2), 49–53.

Название статьи набирается прямым шрифтом. После названия ставится точка: Jonson, K.S., Smit, F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society.

Перед названием журнала пишется предлог In:. Название журнала выделяется *курсивом*:

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*,

Номер тома (выпуска) журнала указывается арабской цифрой после **запятой**. Номер журнала (при наличии) приводится в круглых скобках. Обозначения No., Vol., № недопустимы. Номера страниц указываются после запятой без обозначений p. или Pp., цифрами через дефис. При наличии далее после точки приводят DOI или EDN.

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. InЖ *Bulletin of KSU*, 2015, 45 (6), 55–60. DOI: и/или EDN:

Если дается ссылка на русскоязычный источник, обязательны транслитерация (по системе Библиотеки Конгресса США) и перевод (текст заключается в **квадратные скобки**):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs]. In: *Sovetskaia arkheologiiia [Soviet archeology]*, 2015, 1, 5-10. DOI: и/или EDN:

При ссылке на книгу/монографию на английском языке название выделяется *курсивом*. После названия ставится **точка**, затем указывается город и через запятую – издательство и год издания. В конце после **точки** приводится общее количество страниц.

Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1965. 495 p.

Ссылка на книгу или монографию на русском языке приводится в транслитерации с переводом, название выделяется *курсивом* в обоих случаях. Перевод – в квадратных скобках. После скобок ставится точка. Город, место издания и год – через запятую. Название издательства дается в транслитерации. После года издания – точка и общее количество страниц с обозначением **p.:**

Krupnov V.N. *V tvorcheskoi laboratorii perevodchika [In a creative lab of a translator]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1976. 192 p.

При ссылке на статью из сборника или главу из книги на русском языке после транслитерации названия статьи/главы и перевода (в квадратных скобках) ставится точка, потом предлог In:, далее дается название источника в транслитерации и его перевод (в квадратных скобках) *курсивом*, потом через

запятую следуют год, том и номер выпуска (если они есть), затем указываются номера страниц (после названия источника курсив убирается):

Zharenkova G.I. Deistviia detei s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiia po obraztsu i slovesnoi instruktsii [The actions of mentally retarded children on an illustrative example and a verbal instruction]. In: *Defektologiya [Defectology]*, 1975, 4, 29–35.

Ссылка на материалы конференций делается следующим образом с соблюдением общих правил. Название конференции указывается после названия статьи **курсивом** сначала в транслитерации, затем в переводе в квадратных скобках.

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Mukhametshina R.Iu., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. The features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. *Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayishchie tekhnologii nedropol’zovaniya i povysheniia neftegazootdachi” [Proc. 6th Int. Technol. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”]*. Moscow, 2007, 267–272.

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style. 2011. Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2025. № 1 (30)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 27.02.25.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,75